

ДРУГИЕ
МИРЫ

Юлия Григорьева

ПОГОНЯ ЗА СКАЗКОЙ

Annotation

Юные и впечатлительные девицы склонны верить в сказки, особенно если их обещает красавец-офицер. Иногда эти сказки даже сбываются, и жизнь кажется наполненной бесконечной радостью.

Но однажды любимый муж не возвращается из рейда...

Сказка Ады ускользает из рук, утекает, подобно морской воде, в пучине которой исчез ее возлюбленный супруг. И никто не желает помочь Аде! Но когда вера в честность и благородство тает на глазах, на просьбу вдруг откликаются... пираты. Вместе с их капитаном — Вэйлром Лоетом, ироничным мерзавцем и отчаянным сорвиголовой.

Итак, мы отправляемся в погоню за утерянной сказкой! Но юной Аде следует помнить, что не всякая сказка хорошо кончается...

Юлия Григорьева

Погоня за сказкой

© Ю. Григорьева, 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

Глава 1

Лето! Долгожданное, ласковое, обожаемое всеми. По-моему, лето невозможно не любить. Время, когда царят легкие платья, ажурные зонтики, выезды на природу и шумные игры в мяч и волан. Обожаю лето! Обожаю пикники на изумрудной траве, усыпанной радужным разноцветьем благоухающих цветов. Обожаю жмурки и догонялки, обожаю румяные булочки и фрукты, которые наша служанка Лили не успевает достать из корзины, как они уже исчезают в глубоких карманах платьев для пикников, моем и моей подруги Эдит. Обожаю ворчание Лили и звонкий смех матушки. Обожаю братьев-близнецов Айсалино, вечно таскающих нас с Эдит на маленькие приключения, после которых ворчание Лили становится более витиеватым. И вечером, когда экипажи тронутся в сторону Льено, устало дремать, положив голову на плечо матушки, слушая мерное течение папенькиного голоса. Лето!

— Ада!

Я резво обернулась, отчего бант на «конском хвосте» взметнулся широкими белоснежными концами. Матушка приближалась к моей комнате. Шаги ее были быстры и шумны, и я сделала вывод, что она взволнована. Но что могло взволновать мадам Ламбер в столь чудесный день, когда уже готова коляска, чтобы везти нас на пикник? На мгновение я испугалась, что выезд отменили, и это испортило мне настроение. Ведь я так ждала этот пикник, первый в нынешнем году.

Эдит, обучавшаяся в училище для благородных девиц в соседнем городке Данье, написала мне, что привезла с собой альбом с рисунками модных нынче шляпок, его ей подарила одна из столичных сокурсниц. Мне не терпелось увидеть новинки этого сезона, потому пропустить любимое с детства увеселение, на котором мы должны были встретиться, было вдвойне обидно.

— Адалаис, — матушка появилась в дверях моей комнаты. — Ада, Всевышний, что на тебе надето?

— Платье для пикника, матушка, — я в недоумении смотрела на нее.

Это было мое любимое платье, которое мне пошили еще по весне и которое я так мечтала показать Эдит. Потому матушкины слова меня покоробили и даже обидели.

— Ада, девочка моя, — уже мягче сказала мадам Ламбер, — ты уже выросла из этого фасона. Его длина не подходит для взрослой девушки. Переоденься.

— Матушка, но вы же сами одобрили его! И длина уместна, она по щиколотку, почти в пол! — воскликнула я. — Это совершенно новое платье!

— Смени на лазоревое, — уже жестко отчеканила матушка, чем совсем привела меня в растерянность.

Лазоревое платье, удачно шедшее к моим глазам, было пошито для прогулок в городском саду, но никак не для пикника. Об этом я поспешила напомнить матушке, но она осталась непреклонна.

— Лили, — кликнула она нашу служанку. — Переодень Адалаис в лазоревое платье. — Затем окинула меня придирчивым взглядом. — И прическу поменяй. Сделай локоны, которые пристало носить приличной девушке, а не этот легкомысленный хвост. И никаких бантов. Моя дочь — невеста.

И она покинула мою комнату, оставив меня в расстройстве и недоумении. Я с

сожалением оглядела свое новое платье для пикника, вздохнула и позволила Лили разоблачить меня. Спорить с матушкой бессмысленно, когда она такая. А я послушная дочь и не приучена своевольничать.

Лили привычно ворчала, пока расправляла складки на лазоревом платье с высокой талией. Повязала мне на спине бант из кушака, расправила его и усадила, чтобы сменить прическу. Пока грелись щипцы, я отчаянно переживала, что все эти перемены неспроста и пикник все-таки отменился.

— Лили, что происходит? — спросила я, когда она вкалывала мне в волосы шпильки.

— Откуда мне знать, — ответила служанка, пожимая плечами. — Раз мадам велела, стало быть, так и должно быть.

— С этим не поспоришь, — вновь вздохнула я и терпеливо ждала, когда Лили закончит со мной.

Вскоре вновь вернулась матушка. В ее руках я увидела баночку с пудрой.

— Ты неприлично загорелая, Ада, — поморщилась матушка. — Благородная девушка должна иметь светлую кожу.

— Матушка, мы не из высшего сословия, — взбунтовалась я, уворачиваясь от пуховки. — К чему все это?!

— Ада!

— Нет, матушка, объяснитесь сначала, — мне пришлось все время передвигаться, чтобы пуховка и матушка не настигли меня.

— Ада, перестань ребячиться, — строго велела мадам Ламбер.

— Дульчина, — голос папеньки раздался как нельзя кстати. — Долго мне вас ждать?

Папенька появился в дверях. Он изумленно изломил бровь, разглядывая нас с матушкой.

Затем усмехнулся и командным тоном велел:

— Мадам Ламбер, немедленно проследуйте в экипаж! Ада, крошка, не задерживайся.

Папенька дождался недовольную матушку, подмигнул мне, и родители скрылись за дверями. Я облегченно вздохнула, подхватила свой зонтик, купленный к лазоревому платью, и поспешила следом. Пикник не отменился, и это было лучшей новостью. Уже покинув комнату, я обернулась, увидела, как Лили уходит за корзинкой, и вернулась обратно, чтобы спрятать в своей сумочке гребень и голубую ленту. Я свою прическу находила глупой и совершенно не подходящей к выезду на природу, потому собиралась ее сменить. Маленький акт непослушания, за который мне, конечно, влетит, но уже дома, когда вернемся.

— Мадемуазель Адалаис!

— Бегу, Лили, — ответила я и поспешила вниз, уже более спокойная и довольная.

До Льенского леса предстояло ехать около трех четвертей часа, и за это время можно было привыкнуть и к лазоревому платью, от которого я тоже была в восторге, но не сейчас.

— Мы прибудем последними, и тень обязательно кто-нибудь займет, — сказала матушка.

— И кто в этом виноват? — папенька ехал рядом с каретой на своей любимой Радуге.

— Ада, — совершенно несправедливо обвинила меня матушка. — Она была неподобающе одета.

— Но матушка...

— Молчи, несносное дитя, — отмахнулась матушка. — Где были мои глаза, когда я платила портнихе за то ужасное платье?! — патетично воскликнула она. — Завтра же закажем новое, а то отдадим бедным.

Слова матушки были так обидны, что я едва не расплакалась. Заметив это, она стукнула меня по коленке веером.

— Не смей! Глаза будут красными, — матушка вновь отвернулась к окошку, за которым ехал папенька, и я показала ее спине язык.

Папенька заметил и рассмеялся, отчего матушка обернулась и строго посмотрела на меня. Но я уже сидела, как должно благородной девушке, опустив скромно взгляд и сложив руки на коленях. Матушка с подозрением осмотрела меня, отвернулась, но вновь резко развернулась, готовая поймать меня на недостойном поведении, однако обнаружила лишь смирение и послушание. Оставшись довольной своим осмотром, она повернулась к папеньке.

— Ансель, знаешь, как говорят в народе про смех без причины? — строго спросила матушка.

— Знаю, дорогая, знаю, — усмехнулся папенька и весело сверкнул голубыми, как и у меня, глазами. — А знаешь, что говорят про заносчивых индюшек?

— Ансель! — воскликнула мадам Ламбер. — Можешь неделю не заглядывать в мою спальню, — отчеканила матушка, и папенька вновь рассмеялся.

— Я напомню тебе об этом через пару дней, — подмигнул он.

Я исподволь переводила взгляд с одного родителя на другого и могла только догадываться, что они имеют в виду. Вскоре мне надоели их переглядывания, которые стали больше игривыми, чем гневными, и я отвернулась к другому окошку, разглядывая предместье Льено. Маленькие домики, окруженные садами, были приятны глазу, впрочем, как и всегда. Мне с детства хотелось зайти за плетеную ограду такого домика, посмотреть, как там живут люди, покататься с местными детьми на веревочных качелях. Не знаю почему, но мне всегда казалось, что это гораздо веселей, чем качели во дворике нашего особняка.

Нет, мы не аристократы, мы средний класс, на который знать смотрит, сморщив нос. Но всегда жмут руки и заискивающе улыбаются, когда им нужны ссуды. Мой отец — банкир и коммерсант, потому мы вхожи в светское собрание, в городской сад и даже получаем приглашения на балы. Матушка готовила меня к дебюту весь прошлый год, но из-за болезни я пропустила свой первый бал, что несказанно расстроило мадам Ламбер. Матушка считает, что я достойна лучшей партии, чем, например, одного из близнецов Айсалино. Впрочем, братьев я и не воспринимаю как потенциальных мужей, потому что мы дружим еще с тех пор, когда няньки зорко следили за неверными шагами хозяйских чад. Теперь меня ждал второй шанс, как говорила матушка, на ежегодном новогоднем балу, когда новые дебютантки покоряли высшее общество (и не очень высшее тоже).

Мы все понимали, что аристократы будут воротить от меня нос, как бы хороша я ни была. Однако для знатных, но обедневших семей я была лакомой добычей. Приданое за меня давали такое, что при желании я могла прожить и без мужа. Но без мужа нельзя, а матушке очень хотелось, чтобы я получила титул. Мне же титул был вовсе ни к чему, мне нравилось жить так, как мы жили, без лишних условностей. Папенька посмеивался над матушкиными устремлениями и махал мне рукой, чтобы не нервничала.

— Неужели ты думаешь, дитя, что сам мэтр Ламбер свяжется с каким-нибудь обнищавшим аристократишкой? — насмешливо спрашивал он. — Вот где они у меня все, голодранцы, — и папенька сжимал кулак.

Это немного успокаивало, но потом вновь развивала бурную деятельность матушка, и я нервничала. Слава Всевышнему, предложений руки и сердца мне пока поступало мало.

Наиболее предприимчивые молодые люди, желавшие опередить других охотников за приданым, порой искали повод попасть в наш дом и заполучить меня и папенькины деньги до того, как я начну появляться в светском собрании, привлекая к себе внимание. Таких хитрецов папенька видел насквозь и отказывал не раздумывая, потому я жила достаточно спокойно.

— Хвала Всевышнему, наше место не занято! — я очнулась от своих мыслей после матушкиного восклицания. — Благословенный тенек, и снова наш.

— Никто не будет с тобой связываться, Дульчина, — усмехнулся папенька, спешиваясь.

После помог выйти из экипажа нам с матушкой и повел к пышному вязу, под которым уже лет пятнадцать было то самое «наше место».

— Ада! — Эдит бежала ко мне, раскинув руки.

Я подхватила ее и увлекла за собой.

— Вытаскивай шпильки, — велела я, желая быстрее избавиться от ненавистной сейчас прически.

— Вот и встретились, — хмыкнула подруга.

— Надо спешить, пока матушка в меня не вцепилась, — ответила я, и Эдит понятиливо кивнула.

Вскоре она уже повязывала мне ленту, расчесав волосы прихваченным мной гребнем.

— Ну и влетит же тебе, — прыснула в кулачок моя подружка.

— Не сейчас, — я удовлетворенно вздохнула и указала взглядом на поляну, где слышался смех наших родителей.

— А близнецов не будет, — огорчилась Эдит. — Их отправили в военное училище.

— Досадно, — мы вместе нахмурились.

— Но маменька говорила, что должен появиться сын мэтра Литина, — тут же вновь просияла подружка. — Помнишь, красавчик Дамиан?

О да, я помнила! Дамиан Литин, рослый юноша со жгучими черными волосами и пронзительными глазами, такими же черными, как безлунная ночь. Мы с Эдит тихо вздыхали по нему, но Дамиан нас не замечал, потому что мы для него всегда были слишком юны. Всегда, но не теперь!

— Вижу, как твои глазки загорелись, — рассмеялась Эдит. — Но учти, я первая его очаровываю, — она погрозила пальчиком, притворно нахмутив брови.

— О, Всевышний! — фальшиво возмутилась я. — Я даже не думала о таком. Очаровывай на здоровье.

— Ты прелесть, Ада, — Эдит поцеловала меня в щеку и потащила на поляну.

Первым делом, оказавшись среди нескольких семейств, неизменно составлявших нам компанию, мы с Эдит огляделись. Если быть точной, то это я начала жадно озираться по сторонам. Вот семейство Айсалино сидят под облюбованным дубом. С ними младшие дети, которые нам с Эдит неинтересны из-за юного возраста. Мэтр Айсалино приветливо махнул нам с Эдит рукой, и мы присели в книксене.

Вот родители Эдит и ее несносный младший брат, вечно доносящий на нас. Близнецы ловко отвешивали ему подзатыльники, чем и усмиряли — нас с Эдит этот паршивец не боялся. Мадам Матъес, маменька Эдит, широко мне улыбнулась, прокричав:

— Малышка Ада, да ты стала совсем красавицей!

— Благодарю, мадам Матъес, — улыбнулась я в ответ.

С того дня, как Эдит отправили в училище, наши семейства почти не виделись, и все из-

за того, что моя матушка считала мадам Матъес вульгарной особой. Слава Всевышнему, что это не мешало нашей дружбе с Эдит. К младшей Матъес мадам Ламбер относилась с симпатией, как и маменька Эдит ко мне.

После я перевела взгляд на семейство Барна, вежливо поздоровалась с ними и наконец заметила мэтра Литина с супругой. Они кивнули мне и очень тепло улыбнулись Эдит. У меня невольно вспыхнули щеки от подозрения, для встречи с кем приезжает Дамиан. Теперь я отметила и переглядывания двух семейств, и смущенный румянец Эдит, и недовольный взгляд моей матушки. И могу сказать с уверенностью, что меня привезли на смотрины. Любопытно: моя матушка знала, кого прочат в невесты молодому лейтенанту марантийского флота? Должно быть, да, потому что ее недовольный взгляд был направлен на Матъесов, а не на мои распущенные волосы. Но, несмотря на все эти переглядывания, виновник данного оживления на поляне отсутствовал. Однако его ожидали, в этом не было никаких сомнений. Но Эдит какова!

Я ухватила подругу за руку и оттащила к кустам орешника.

— Почему прямо не сказала, что Дамиан едет по твою душу? — потребовала я ответа.

— Потому что сам он об этом еще не знает, — неохотно отозвалась плутовка. — Дамиан уже несколько раз отказывался от предложенных родителями невест, потому они решили действовать иначе. Литины уже сговорились с моими родителями и теперь надеются, что я смогу очаровать их сына, чтобы он не отверг меня не глядя. — Теперь она схватила меня за руку. — Не флиртуй с ним, прошу тебя.

— И не собиралась, — фыркнула я. — Могу быть груба и неприветлива.

— Спасибо! — жарко поблагодарила Эдит и обняла меня.

Не скажу, что мне хотелось следовать своему обещанию. В моих воспоминаниях жил настоящий принц. Впрочем, я не видела младшего Литина лет пять, потому не могла сказать точно, как он выглядит сейчас. Возможно, меня разочарует нынешний Дамиан. Этим я себя и успокоила.

Топот несущейся галопом лошади стал полной неожиданностью. Все, кто был на поляне, одновременно обернулись в сторону, откуда должен был появиться всадник, и он возник перед нами буквально через полминуты. Все те же черные как смоль волосы были теперь короче, чем раньше, какие и полагалось иметь морским офицерам. Черные, как сама ночь, глаза смотрели спокойно, вряд ли замечая всеобщее восхищение. Смуглое от загара лицо лишилось мягкости, присущей юности, возмужав и став еще более привлекательным. Широкий разворот плеч, горделивая осанка... И как Всевышний мог создать подобный идеал?

— Дамиан... — восхищенный всхлип Эдит вернул меня с небес на землю, неожиданно ранив. — Ты обещала, — прошептала моя подруга.

— Помню, — выдохнула я и отошла за куст, чтобы не завидовать, когда Эдит будут представлять будущему жениху.

Я наблюдала сквозь ветви куста орешника, как Дамиан натянул поводья, как легко он спрыгнул на землю, как моя подруга спешит к своему семейству, чтобы первой быть представленной молодому мужчине. Затем перевела взгляд в сторону вяза и увидела, как сурово лицо моей матушки, не заметившей, когда я скрылась из виду. Папенька же наблюдал за всем этим с легкой насмешкой. Вздохнув, я прошла за кустами до вяза и присоединилась к родителям. Мадам Ламбер тут же облегченно выдохнула, схватила меня за руку и вознамерилась сама идти представляться лейтенанту Литину, не забыв шепнуть мне:

— Умничка, я даже не подумала, как ты будешь выгодно смотреться с распущенными волосами, просто лесная нимфа.

Я вырвала руку, укоризненно покачала головой и села на расстеленный плед.

— Идем, — зашипела мадам Ламбер.

— Никуда я не пойду, — твердо ответила я. — Либо нас представят, либо оставят без внимания, но навязывать свою персону я не буду.

— Верно, кроха, — одобрительно кивнул папенька и устроился рядом, мешая матушке вновь ухватить меня за руку. — Дульчина, угомонись. Ты хотела дворянина в супруги нашей дочери.

— Офицер королевского флота не хуже дворянина, — ответила матушка и присела рядом — с папенькой спорить было вообще невыносимо, даже матушка пасовала.

Мы наблюдали за тем, как мэтр Литин подвел сына к семейству Матьес. Они раскланялись, Эдит потупила глазки, но мило улыбнулась. Главы семейств завязали разговор, и молодых людей незаметно оставили одних. На этом представление присутствующих закончилось. Матушка поджала губы, сверля взглядом спину старшего Литина. После махнула на него рукой и теперь наблюдала за Дамианом и Эдит, вроде бы сразу нашедших общий язык. Я с завистью смотрела на подругу, которой приветливо улыбался сам лейтенант Литин.

— Ему с ней скучно, — неожиданно торжествующе прошептала матушка.

— С чего ты взяла? — спросил папенька, поддавшийся нашему с матушкой настроению и тоже поглядывавший в сторону молодой пары.

— Он уже второй раз прячет зевок, — ответила матушка. — Ансель, ты же знаешь, как я тонко чувствую настроение собеседника. Так вот, Дамиан просто вежлив, и не больше.

— По-моему, он весьма оживленно беседует с ней, — пожал плечами папенька. — Однако где наш обед? Я уже хочу есть.

— Лили! — крик матушки был нарочито громким и сразу привлек всеобщее внимание. Она довольно усмехнулась, отметив вежливый кивок Дамиана нашему семейству, и уже тише спросила подошедшую служанку: — Когда будет готов стол?

— Накрываем, мадам, — ответила Лили и удалилась к остальной прислуге, уставившей яствами расстеленную прямо на траве скатерть.

— Пойду сполосну руки, — сказала я и встала.

— Куда? — недовольно отреагировала матушка.

— К реке, — ответила я и ушла с поляны.

Мадам Ламбер что-то еще проворчала, но я уже не расслышала, спеша скрыть свое разочарование и дурное настроение. Надо признать, Дамиан и Эдит неплохо смотрелись вместе. Он жгучий брюнет, она милая блондинка с задорными ямочками на щеках. И им явно было интересно вместе. Рассердившись на себя, я с силой пнула камешек, попавшийся мне на пути. Тот отлетел к дереву, отрикошетил и вернулся ко мне, ударив в скулу. Я охнула и схватилась за лицо.

— Это Всевышний наказывает за зависть, — прошептала я и постаралась взять себя в руки.

И все же настроение было испорчено. Мне стало грустно и очень захотелось вернуться домой. Но теперь до вечера придется сидеть на поляне и изображать вежливый интерес к разговорам родителей, а еще смотреть на чужое счастье.

— Адалаис Ламбер, ты ведешь себя недопустимо, — отчитала я себя и присела рядом с

водой.

Мысли то и дело возвращались на поляну, и я заставила себя всмотреться в бегущую воду. Вскоре я заметила приближающийся венок. Должно быть, кто-то выше по течению пустил его по узкой речке. Я дождалась, когда его поднесет ближе ко мне, и потянулась.

— Вы правы, мадемуазель Матьес, здесь просто очаровательно.

Глубокий низкий мужской голос прозвучал рядом неожиданно. Я обернулась, не удержалась и, неловко взмахнув руками, полетела в воду, коротко вскрикнув. Позади послышались стремительные шаги, после — плеск, и потом меня подхватили сильные руки, рывком поставив на ноги.

— Вы ушиблись? — заботливо спросил господин лейтенант королевского флота.

— Больше промокла, — проворчала я, скидывая теплые ладони со своих плеч. — Благодарю за помощь, господин Литин.

После этого шагнула на берег и с отчаянием оглядела себя.

— Мадемуазель... Ламбер, не так ли? — услышала я новый вопрос.

— Вы совершенно правы, господин лейтенант, — ответила я и всплеснула руками. Всевышний, как же так?!

— Должно быть, мы вас напугали, — Дамиан вышел из воды и теперь рассматривал меня.

— Несомненно, — немного грубо ответила я, мазнула досадливым взглядом по такой же раздосадованной Эдит и направилась в сторону поляны. — Помыла руки, — проворчала я себе под нос.

— Мадемуазель Ламбер... Ада, так, кажется? — вновь догнал меня голос Дамиана.

— И вновь не ошиблись, — ответила я не оборачиваясь и скрылась за деревьями.

На поляне царило оживление. Прислуга уже собрала «стол», и теперь почтенные семейства перебирались ближе к нему. Мое появление было встречено изумленным оханьем и матушкиным шипением:

— Несносное дитя, что ты сотворила с платьем и волосами?

Намокший подол лип к ногам, с кончиков волос, попавших в речку, капала вода. Я раздраженно повела плечом, пытаясь скинуть матушкину руку.

— Всего лишь помыла руки, — ответила я. — Мы можем отправиться домой?

— Ада, это диверсия? — спросила мадам Ламбер.

— Всего лишь несчастный случай, — ответила я. — Матушка, я бы хотела вернуться домой.

Оглядев сначала меня, затем господ, собравшихся на поляне, матушка указала на карету.

— Иди, горе мое, Лили тебя проводит и вернется с каретой, — сказала она. — А мы с твоим папенькой еще задержимся.

Я посмотрела на папеньку, после — снова на матушку и ее деловитое выражение лица и поняла: мадам Ламбер все еще не потеряла надежды добиться своего, даже без моего присутствия. Папенька остался недоволен матушкиным решением.

— Я сам провожу свою дочь, — сказал он.

— Как скажешь, — живо согласилась матушка. — Это верное решение. Нехорошо юной девушке одной раскатывать в карете по большой дороге.

— Всего-то от леса до города, — я пожала плечами и направилась к карете, предварительно попрощавшись со всеми.

Когда папенька захлопнул за мной дверцу и сел на Радугу, я увидела, как из леса вышли

под руку Дамиан и Эдит. Господин лейтенант оглядел поляну и повернул голову в сторону отъезжающей кареты. Последнее, что я успела заметить, это лицо своей матушки, исполненное коварства и неприкрытого ехидства. Не знаю, что ее так могло порадовать, но дальнейшее осталось скрыто за стволами деревьев.

Проведя день в бесцельном мотании по дому, я наконец уселась за новый модный роман, и время потекло незаметно. Несомненно, было жаль испорченного дня, который я ждала несколько месяцев. Но, слава Всевышнему, это не последний выезд на природу в нынешнем сезоне, еще успею развлечься. К тому же вскоре Льено должна была посетить примадонна столичного театра оперы, мадам Мирано. Говорят, чудеснейший голос. Матушка ни за что не захочет пропустить столь значимое событие в нашем маленьком провинциальном городке.

А мои дневные огорчения... Что ж, жила я как-то все эти годы без Дамиана Литина, смогу прожить и дальше. В конце концов, ничего ужасного не случилось. Я даже не знаю, какой он, Дамиан Литин, что за человек. Возможно, он игрок и ловелас. Нет, такого счастья мне не нужно. Если уж этот мужчина — судьба Эдит, пусть ей и достается, а у меня продолжается вольная жизнь, полная удовольствий. Этим я окончательно успокоилась и пришла в благодушное состояние.

Когда приехали родители, я уже зевала, но оторваться от романа не могла. Даже на шаги матушки не отреагировала, продолжая вчитываться в чарующие строки, открывавшие моему внутреннему взору чудеснейшую историю.

— Ада, дитя мое, — матушка шагнула в мою комнату, и я вздрогнула.

— Ах, матушка, вы меня испугали, — я закрыла книгу и поднялась с софы, чтобы поцеловать мадам Ламбер в румяную щеку.

От матушки пахло вином, глаза ее возбужденно блестели, а на устах блуждала загадочная улыбка.

— Как пикник? — спросила я.

— Чудесно, Ада, чудесно, — она легко рассмеялась, усадила меня обратно на софу, взяла за руки и начала рассказывать.

Я вежливо улыбалась, слушая ее, и думала, как бы скорей вернуться к роману, но матушка не желала меня быстро оставлять. Она все говорила и говорила, а я все так же вежливо улыбалась, косясь на закрытую книгу, где мне осталось прочитывать всего десять страниц. Ох, матушка...

— А почему ты не спрашиваешь меня про свою подругу? — тоном дурного актера возмутилась мадам Ламбер.

— А что я должна спрашивать? — я искренне пожалала плечами.

— Значит, тебе неинтересно, как у них все повернулось с Дамианом? — она хитро сверкнула глазами, и я почувствовала легкое раздражение, вновь покосившись на книгу.

— И как у них повернулось? — послушно спросила я, зная, что матушка не утомится, пока не расскажет всего, что собиралась.

Матушка весело и легко рассмеялась.

— А никак, — произнесла она — и наконец завладела моим вниманием. — Дамиан покинул пикник спустя час после твоего отъезда, — торжественно объявила мадам Ламбер.

— Возможно, у него были дела, — сделала я предположение.

— Черта с два! — воскликнула матушка и стыдливо прикрыла рот пальчиками. —

Прости, Всевышний. Молодой человек заметно огорчился из-за твоего отъезда, ты бы видела, какими глазами он провожал карету. После еще посидел, сослался на дела и умчался на своей зверюге. И как тебе это?

Я пожалала плечами. Мне это было никак. Зная свою матушку, я могла с уверенностью сказать, что она сильно преувеличивает. Потому я не спешила ни ахать, ни падать в обморок от счастья. Хотя, не скрою, слышать, что лейтенант Литин не просидел подле Эдит до самых сумерек, мне было приятно.

— Да ну тебя, несносное дитя, — надула губки матушка. — Твоя мать принесла благую весть, а ты сидишь, как бука.

— Я просто устала, матушка, — ответила я и вновь покосилась на книгу.

Мадам Ламбер тоже посмотрела на книгу, подхватила ее и направилась на выход.

— За то, что не слушаешь свою мать, — сказала она, послала мне воздушный поцелуй и закрыла за собой дверь.

Я задохнулась от возмущения. Всевышний, да что же это?! Сейчас я практически ненавидела Дамиана Литина, из-за которого меня лишили увлекательного чтения. Промучившись в ожидании, пока родители заснут, я прокралась в спальню матушки, огляделась и заметила свою книгу. Мадам Ламбер уснула, читая ее. Укоризненно покачав головой, я поправила матушке одеяло, поцеловала ее в лоб, задула свечу и, прижимая к себе вожделенный роман, сбежала к себе.

Здесь, при свете одинокой свечи, я забралась под одеяло, нашла место, на котором меня прервали, и снова погрузилась в действие романа. И лишь после того, как дочитала его, я задула свечу, удобно устроилась на подушке и вспомнила матушкины слова. Невольно улыбнулась и тут же одернула себя:

— Глупости. Все это глупости.

И после этого благополучно заснула.

Следующий день был вновь наполнен солнечным светом и теплом. Этого даже не испортило ворчание Лили, вторгшейся в мою спальню. Я приоткрыла глаз, следя за ней, но не спешила выбираться из-под одеяла, да и вообще признаваться, что проснулась. Иначе Лили вытащит меня из постели, а мне хочется понежиться, потянуться, немного помечтать...

— Да где же она, — бурчала себе под нос женщина. — Ах вот, — Лили подхватила мою книгу, лежавшую на прикроватном столике и скрытую пологом. — Ох уж мне эти господа, всякой ерундой маются, книжонки свои почитывают. А там правды ни на грош. Тьфу, я бы все эти библиотеки зимой на растопку. Хлам один.

Я была с ней в корне не согласна, но промолчала. Должно быть, матушке роман понравился, раз она прислала ко мне Лили. Естественно, мадам Ламбер поняла, куда делась реквизированная ею книга. Но роман и правда хорош...

— Лежебока, — наградила меня служанка эпитетом перед уходом.

Дождавшись, когда дверь за ней закрылась, я высунула нос из-под одеяла, вытянула руки и сладко потянулась. В окошко, приоткрытое Лили, мягко, словно воды неспешной реки, врывался ветерок, едва шевеля занавеси. Звуки с улицы и птичий щебет все больше заполняли комнату, и я не смогла дольше лежать на уютной перине.

Опустив ступни на пушистый ковер, я встала и вновь потянулась. Чудесный день, непременно будет чудесный! Подбежав на цыпочках к окошку, я распахнула его и вдохнула аромат небольшого сада, разбитого подле особняка, улыбнувшись новому утру.

— Здравствуй, мир, — негромко произнесла я и прикрыла глаза, позволяя ветру принять меня в его теплые объятия.

Насладившись этим маленьким единением с миром, я открыла глаза и счастливо вздохнула. Что может быть слаще таких вот минут? Что заменит радость юности и свободу, когда на тебе еще не лежит никакой ответственности? Когда ты волен делать все, что хочешь?

— Ада!

Ах нет, все, что хочешь, девушка не может делать никогда. Потому что сначала тобой управляет матушка, потом супруг. Это печально... Легкий порыв ветра вновь прошелся по моей коже, стирая минутную печаль, и я опять улыбнулась. К чему огорчения, когда светит солнце, когда поют птицы и лето уже утвердилось в своих правах на нашу грешную землю? Нет, нет, только улыбка, только легкость в душе и желание жить!

— Ада!

Дверь в мою комнату открылась, и вошла матушка. Она была свежа и хороша, как обычно, но глаза сияли особенно ярко. Моя матушка — красивая женщина, я с детства любовалась ею, гордилась ее нежностью и хрупкостью, выделявшими ее на фоне остальных дам нашего делового сообщества. Да и среди знати мадам Ламбер зачастую выглядела очень выигранно. И если бы не жаркий матушкин темперамент и бойкий язык, из-за которого с ней лишней раз боялись связываться, Дульчина Ламбер была бы идеальна. Впрочем, папенька принимал матушку такой, какая она есть, я тоже, а остальные просто не знали, какой она может быть нежной, любящей и беззащитной.

— Ты уже встала, девочка моя, — матушка раскрыла мне объятия.

— Доброе утро, — я покорно нырнула под крыло мадам Ламбер, приняла ее поцелуй и

улыбнулась. — Сегодня чудесный день.

— Волшебный, Ада, просто волшебный! — воскликнула мадам Ламбер. — Приводи себя в порядок и спускайся к завтраку.

— Хорошо, матушка, — кивнула я.

— Оденься сегодня... А, впрочем, к чему нам все эти условности. Ты девушка взрослая, сама разберешься со своим гардеробом, — она сверкнула хитрыми глазами и удалилась, оставив меня в недоумении.

Матушка все больше ставила меня в тупик. Пожав плечами, я направилась в умывальную комнату. С недавнего времени в нашем доме появился водопровод, и это сильно облегчило жизнь. Стоило это приобретение невозможно дорого, но папенька никогда не скупился для нашего блага. Все-таки поступление воды по трубам от водонапорной башни, построенной на берегу реки, протекавшей недалеко от Льено, было намного удобней, чем услуги водовоза, поставлявшего нам раньше воду в ограниченном количестве.

Приведя себя в порядок и собрав волосы, я спустилась в столовую, где сидела только матушка. Папенька отбыл по своим делам еще рано утром, я же проспала почти до полудня потому, что уснула далеко за полночь из-за того, что пришлось ожидать возможности вернуть себе книгу и дочитать ее.

— Чудесно выглядишь, девочка моя, — улыбнулась матушка.

— Куда мы сегодня отправимся? — спросила я, усаживаясь за стол и пододвигая к себе тарелку с омлетом.

— Лично я иду в гости к мадам Набори, — ответила мадам Ламбер.

— А я? — вилка, которую я уже подносила ко рту, замерла в воздухе.

— А ты пока остаешься дома, — невозмутимо ответила матушка. — Ада, не морщись, от этого бывают ранние морщины. Погуляй пока в нашем саду, после обеда можешь взять Лили и пройтись в городской сад, говорят, там будет играть оркестр. Послушаешь музыку, покормишь лебедей, если, конечно, тебе захочется покинуть дом после обеда, — ее глаза вновь стали хитрыми, и я нахмурилась.

— Матушка, я не понимаю вашего поведения, — не смогла не заметить я.

— Ах, оставь эти глупости, — беспечно отмахнулась она.

— Но я хочу с вами. Дениза Набори — милая девушка, и я могла бы поболтать с ней, пока вы будете разговаривать с мадам Набори.

— Нет, — твердо отчеканила мадам Ламбер. — До обеда ты сидишь дома, после обеда вольна делать что угодно, но под присмотром Лили. Я все сказала.

— Так объясните, почему я должна именно так провести сегодняшний день! — воскликнула я.

— Приятного аппетита, Ада, — произнесла матушка, промокнула рот салфеткой и покинула столовую без дальнейших пояснений.

Аппетит пропал совершенно. Сначала было просто обидно, что меня так вот, без всяких объяснений, оставили дома. Мы всегда были вместе, матушка всюду таскала меня за собой, даже когда я была против. Так почему сейчас мне велено остаться дома, когда она... О, Всевышний!

Кровь отлила от моего лица, когда воображение нарисовало причину столь непривычного и странного поведения мадам Ламбер. У матушки... любовник? О, нет! Но кто? Она оставалась одна на пикнике, совсем не настаивала на том, чтобы папенька торопился назад, когда отвезет меня до дома. Неужели кто-то из почтенных мэтров?

Матушка красива, и многие смотрят на нее с интересом... И все же кто он?

«Адалаис Ламбер, ты глупая курица, — я ударила себя по лбу ладонью, — как ты смеешь думать подобное о собственной матери?!»

Устыдясь собственных домыслов, я все же позавтракала и покинула столовую, томимая множеством мыслей. Подозрения в неверности матушки моему папеньке не до конца улеглись в моей сумасбродной голове, и от этого было невозможно стыдно. К тому же я и дальше искала причины, по которым меня могли оставить дома, но не находила. Смирившись с непониманием и гоня дурные подозрения, я сходила в свою комнату, чтобы прихватить вышивание, и спустилась в сад.

Вскоре, увлеченная работой и чудесной погодой, я уже склонилась над пальцами и не замечала ничего вокруг.

— Мадемуазель Адалаис. — Я подняла голову и взглянула на привратника. — К вам мадемуазель Матьес.

— Эдит? Так почему же вы томите ее, зовите, — воскликнула я и отложила вышивание в сторону.

Привратник удалился, но вскорости вернулся, сопровождая мою подругу. Я встала и приветливо улыбнулась ей, протягивая руки. Эдит была несколько мрачновата, но поцеловала меня в щеку. Мы присели на скамейку.

— Отчего ты так мрачна? — спросила я, разглядывая личико подруги.

— Скажи честно, — без излишних проволочек начала Эдит, — почему ты вчера уехала?

— Ты же видела, мое платье пришло в негодность, — удивилась я. — Падение в речку не способствовало тому, чтобы я оставалась в почтенном обществе.

— Да, ты, конечно, права, — Эдит сжала мои пальцы. — Мы с Дамианом явились так неожиданно и испугали тебя. Но после, что было после? — она с пристрастием взглянула мне в глаза.

— Папенька сопровождал меня домой, я переоделась и читала книгу. Эдит, к чему этот допрос? — возмущилась я. — Что ты хочешь услышать?

— Ах, Ада, — воскликнула моя подруга, — прости меня, но, зная твою матушку, я подумала, что это она все подстроила.

Мне вовсе не нравился этот разговор. К чему упоминать мою матушку, да еще в таком тоне?

— Объяснись, — потребовала я.

Эдит вздохнула, окинула взглядом наш цветник и попросила воды. Я позвонила в колокольчик, лежавший рядом со мной, и отдала распоряжение девушке-служанке. Та поклонилась и поспешила выполнить приказание. Эдит молчала, пока девушка не вернулась. Она взяла в руки мою вышивку и некоторое время рассматривала ее.

— Прекрасные цветы, как живые, — отметила подруга. — У тебя всегда так ловко выходит.

— Я все еще жду пояснений, — напомнила я.

Эдит нехотя отложила мои пальцы и приняла высокий стакан из рук вернувшейся служанки. Стенки его запотели от холодной воды, и теперь по хрустальному боку стекла капелька, настолько аппетитная, что я не удержалась и попросила себе то же самое. Эдит сделала глоток и вздохнула.

— Все дело в Дамиане, — наконец произнесла она. Я молчала, ожидая дальнейших пояснений. — Мы так мило разговаривали. Потом, когда ты уехала, я стала терять внимание

моего жениха. А еще чуть позже я заметила, как он подошел к твоей матушке. Они вроде бы и укрылись, но я все равно заметила. Разговор между ними длился не более двух-трех минут, но после этого господин Литин покинул наше общество, не уделив мне внимания больше, чем остальным. И я подумала...

— Что ты подумала, Эдит? — я в недоумении подняла брови.

Она вновь тяжело вздохнула.

— Я подумала, что твоя матушка решила стать сводней...

— Эдит! — вскрикнула я в негодовании. — Как ты смеешь так говорить о моей матери и обо мне?!

— Прости, — подруга схватила меня за руку. — А что мне еще оставалось думать? Мадам Ламбер глаз не сводила с Дамиана. Потом ты на речке. Ведь можно было догадаться, что я отведу его подальше от поляны для пикников, а какое место лучше, чем речка? И вдруг ты тут, будто ждешь нас. Падение в реку, он бросается тебя спасать, все так романтично. После ты исчезаешь, и он следует за тобой...

Я более не желала слушать подобные оскорбительные речи. Сурово взглянув на Эдит, я отчеканила:

— Возможно, моя матушка и видит в Дамиане Литине супруга для меня, но ничего не было подстроено. Никаких интриг. И мне обидно выслушивать все это от тебя. Особенно после того, как я пообещала тебе не мешать. Еще ни разу в этой жизни я не вставала тебе поперек дороги. К тому же, помимо господина Литина, моя матушка видит моим супругом еще с десяток молодых мужчин. Не вижу повода для столь неприятных, даже грязных подозрений.

Эдит поднялась со скамейки и прошлась передо мной, нервно потирая руки.

— Я все понимаю, — наконец сказала она, останавливаясь передо мной. — Ада, я все понимаю, но и ты меня пойми. Это же Дамиан Литин! Я мечтала о нем с самого детства, но даже представить не могла, что судьба может ко мне так удачно повернуться. Я отчаянно ревную его с той минуты, как родители сказали мне о разговоре с семейством Литин. А ты... ты такая хорошенькая, и приданое у тебя не в пример моему! Да еще его поспешный отъезд...

— Матушка говорила, что он уехал через час после меня. Не так уж это было и поспешно, — заметила я.

Эдит вспыхнула, но быстро взяла себя в руки и вновь села рядом, допив свою воду.

— Ты, несомненно, права, Ада, — кивнула она. — Это все моя глупая ревность. — После опять сжала мои пальцы. — Обещай, что и дальше не будешь сближаться с ним. Обещай быть холодной, жестокой, какой угодно, лишь бы только не мешать моему счастью.

Мне очень хотелось сказать, что подозрения Эдит смешны и что никакой Дамиан Литин не станет волочиться за мной. Но, удержав все эти речи, я просто кивнула. Моя подруга просияла, жарко поцеловала меня в щеку и встала со скамейки.

— Спасибо, Ада, ты лучшая подруга! — воскликнула она. — Ты еще встретишь свое счастье, непременно встретишь, а этот мужчина мой, и я никому не позволю вмешаться в нашу с ним судьбу.

— Ты права, Эдит, — вежливо улыбнулась я.

Дольше подруга не собиралась задерживаться. Я проводила ее до ворот и вернулась в дом. На мгновение задержалась подле окна и изумленно округлила глаза, когда увидела не кого иного, как виновника едва не состоявшейся ссоры между мной и подругой. Господин

лейтенант королевского флота, одетый в сюртук, что так шел ему, с шелковым галстуком на шее и букетиком фиалок в руке направлялся вдоль по улице. Они встретились с Эдит недалеко от нашего дома, и Дамиан, подарив букет моей подруге, галантно поцеловал ей руку. После она оперлась на предложенный локоть, и пара удалилась. Я невесело усмехнулась. И к чему была вся эта сцена, ежели у них все так чудесно? Сейчас сомнения Эдит должны исчезнуть, и она успокоится.

— А не прогуляться ли мне по городскому саду? — произнесла я. — Лили!

— Что, мадемуазель? — женщина появилась за моей спиной.

— Идемте гулять, Лили, — улыбнулась я. — Погода чудесная, грех сидеть дома.

— Вам грех, а у меня забот полон рот, — проворчала она. — Идемте, раз уж ваша душенька просит.

Поцеловав нашу ворчунью в щеку, я поспешила одеваться, а Лили направилась отдавать распоряжения кучеру, чтобы закладывал коляску.

Городской сад встретил нас музыкой и множеством гуляющих. Увидела я тут и матушку с мадам Набори, но подходить к ним не стала. Главное, душа моя успокоилась, что матушка не обманывает папеньку. К тому же я оказалась в саду раньше, чем она мне велела, потому не рискнула вызывать на себя ее гнев и направилась к другой аллее. Лили шла рядом и привычно ворчала:

— Гуляют, а чего гуляют? А потому что дел нет. Вот у меня есть, а я тоже гуляю. Но у меня есть, а у них нет, только б развлекаться да музычку свою слушать. Тьфу, а не музычка, пустяшная. А хорошо играют, да, мадемуазель? Но все одно пустяшная.

— Лили, вы чудо, — рассмеялась я. — И музыка замечательная, и играют хорошо, и вам нравится. И даже нравится, что вы гуляете, а не делами своими занимаетесь.

— А что ж тут хорошего? Платьишко вам подшить надобно, туфельки почистить. Одеялко новое справить. А я тут болтаюсь. Но погода действительно хороша. А в теньке так и вовсе замечательная. Идемте-ка и дальше по тенечку, очень уж на солнцепеке жарко.

— Не возражаю, — улыбнулась я.

И мы пошли дальше по тенистым аллеям. Нам навстречу попадались парочки, иногда серьезные мужчины, чаще женщины. Знакомые раскланивались со мной, одаривая вежливыми улыбками, я отвечала им тем же. Один раз нам попался молодой граф Набарро. Матушка прочила его мне в мужья по зиме, но папенька высказал по этому поводу свое неудовольствие, и матушка оставила свою затею. Дела рода Набарро требовали вложений, потому граф Онорат некоторое время оказывал мне знаки внимания (пока не вмешался папенька). Молодой человек написал мне письмо, где клялся в искренности своих намерений. Я ответила, что все в воле Всевышнего и моих родителей. После этого граф перестал посещать наш дом, посчитав себя оскорбленным. Я не расстроилась, мне он не нравился.

— Мадемуазель Ламбер! — заметив нас с Лили, граф поспешил нам навстречу. — Как же приятно видеть вас, сударыня, в добром здравии и еще более прекрасной.

— Благодарю вас, — вежливо улыбнулась я. — Мне так же приятно видеть вас в добром здравии.

— Позвольте составить вам компанию и сопровождать по этим уютным аллеям?

Я не видела повода отказываться от сопровождения. Рядом со мной находилась Лили, и ничего предосудительного в том, что молодой человек немного пройдетя вместе с нами, не

было. Я согласилась, правда, больше из вежливости, чем из желания вести беседы с господином графом. Он предложил мне руку, но Лили тут же встала между нами.

— Недопустимо, — коротко ответил страж моей нравственности. — Стыдитесь, господин граф.

Онорат недоуменно приподнял брови, и я, скромно потупившись, развела руками.

— Покорно принимаю условия, — улыбнулся он в ответ. — Впрочем, не вижу ничего дурного, если мужчина предлагает даме руку для ее же удобства.

— Недопустимо, — отрезала Лили, по-прежнему оставаясь между нами.

Так мы и шли молча, потому что разговаривать через твердыню гренадерского роста было сложно. И хоть граф Набарро и не уступал Лили в росте, я успешно пряталась за ее могучим плечом. Я думала, что молодой человек сдастся, но он упорно шел рядом с нами, время от времени с кем-то здороваясь. Меня это начинало раздражать. Хотелось вольно пройтись по чистым аллеям, посидеть подле пруда, кормя белоснежных лебедей. В этом году среди них появился необычный черный лебедь, и многие ходили смотреть на это чудо. Вот и мне хотелось покидать ему булки, прихваченной Лили.

— А идемте к пруду, — предложил сам Онорат.

— Идемте, — согласилась я, хотя, признаться, компания одной Лили меня устроила бы больше. Но как избавиться от графа — я не знала.

Возле пруда оказалось на удивление малоллюдно. Лили развернула свой мешочек и выдала мне немного свежей булки. Я не удержалась и отломала от нее кусочек для себя.

— Куда, — тут же грозно одернула меня служанка.

— Вкусно, — ответила я, заискивающе глядя ей в глаза.

— Вкусно... А потом кушать не будете, а там ваш любимый суп, — она укоризненно покачала головой.

— Ада, может, вы желаете замороженных сливок? — неожиданно спросил меня граф Набарро.

— Хочу, — ответила я и смутилась собственной поспешности.

— Желание дамы — закон для мужчины, — улыбнулся граф и отошел от нас.

Лили сурово свела брови; я еще больше смутилась и отвернулась к пруду. Черного лебедя сегодня не было видно, зато были утки, и они с отменным аппетитом накинулись на мое угощение. Когда вернулся господин граф, я уже скормила почти всю булку. Он галантно вручил мне стаканчик с замороженными сливками.

— Не стоило, право, господин граф, — проямлила я.

— Онорат, Ада, зовите меня Онорат, — ответил он с открытой улыбкой. — Сегодня много свободных лодок, не желаете ли прокатиться?

Я посмотрела на Лили, та застыла каменным изваянием.

— Ваш страж может отправиться с нами, — поспешил заверить молодой человек.

Лили хмыкнула самым возмутительным образом. Мужчина смерил ее неприязненным взглядом, и мы направились к лодкам. Онорат обернулся ко мне и вновь попытался подать руку. Секунду поколебавшись, я все же вложила в его ладонь свои пальчики. От помощи отказываться не стала, потому что свалиться в воду совсем не хотелось. Но в лодке Лили вновь разделила нас.

— Однако суровая стража у вас, Адалаис, — усмехнулся господин граф.

Прогулка вышла неожиданно приятной и легкой. Молодой человек быстро нашел тему для разговора, я слушала его, искренне посмеиваясь над рассказом о последней охоте. Лодка

мягко скользила по водной глади, увлекаемая уверенной рукой графа. Я склонилась и опустила пальчики в воду, глядя, как они рассекают поверхность пруда.

— Какая приятная нынче вода, — отметила я.

— Сегодня вообще день необычайно приятен, — не без намека ответил Онорат.

— Вы, без сомнения, правы, — ответила я, пропуская мимо ушей все намеки.

— Пора к берегу, — подала голос до того молчавшая Лили.

— Вы хотите уже на берег? — спросил меня господин граф.

— Пора, — вздохнула я.

— Ну, раз пора...

И лодка развернулась носом к нашему берегу. Там мне вновь подали руку. Я приподняла подол, чтобы шагнуть через борт, приняв помощь...

— Мадемуазель Ламбер, — неожиданно раздался уже узнаваемый голос.

И я чуть не свалилась в воду от неожиданности, но мой нынешний кавалер успел меня поддержать, а Лили просто схватила за шиворот.

— Господин лейтенант королевского флота, — возмущенно воскликнула я, как только обрела равновесие, но сердце еще отчаянно билось в груди от испуга, — должно быть, вы решили не успокаиваться, пока не утопите меня!

— Вам знаком этот неучтивый господин? — спросил Онорат, и в его голосе послышались недовольные нотки.

— Ну что вы, Онорат, не близко, — ответила я, выбираясь на берег.

Теперь я как следует разглядела Дамиана Литина, которого держала под руку Эдит. Она не без недовольства смотрела в мою сторону, предмет же ее страсти приветливо улыбнулся, отчего лицо его тут же стало чрезвычайно милым. Вежливо улыбнувшись подруге и ее жениху, я сама взяла под руку графа Набарро и вознамерилась пройти мимо них.

— Не представите нас? — спросил граф, чем вызвал мой недобрый взгляд.

— Конечно, Онорат, — все же кивнула я. — Мадемуазель Эдит Матъес и господин Дамиан Литин, лейтенант королевского флота. Его сиятельство граф Онорат Набарро.

Мужчины раскланялись, Эдит присела в книксене, я нетерпеливо шагнула в сторону.

— Раз мы теперь все знакомы, может, пройдетесь вместе с нами? — неожиданно предложил Дамиан.

Эдит тут же умоляюще посмотрела на меня, я так же — на Лили, и она вмешалась.

— Нет, мадемуазель пора домой. Хватит без дела шляться, — неучтиво сказала она.

Моя подруга облегченно вздохнула, я благодарно кивнула женщине. Граф Набарро тут же вновь предложил мне руку, Дамиан... Дамиан чуть приподнял бровь, усмехнулся чему-то, но настаивать не стал. Так мы и разошлись.

— Военные все такие, — заговорил Онорат. — Ни такта, ни воспитания.

Я промолчала. Граф проводил нас с Лили до выхода из городского сада, предложив все-таки еще задержаться и послушать оркестр, но я отказалась. Настроение отчего-то несколько испортилось. Да и матушка бродила где-то поблизости. Потому я отказалась. Молодой человек помог мне сесть в коляску, но придержал руку, чуть сжав мои пальцы.

— Ада, мне позволено будет вновь навестить вас? — спросил господин граф.

— Если папенька с матушкой не возражают, то почему бы и нет, — ответила я. — Всего вам доброго, Онорат.

— Всего доброго, Ада, — и он поцеловал мне руку.

— А это уже лишнее, — тут же вмешалась Лили.

Граф Набарро махнул мне, широко улыбнувшись, и коляска тронулась.

— Что еще за вольности, — забурчала моя надсмотрщица.

— Лили, вы видели, я не давала повода, я просто была вежлива и не более, — отмахнулась я.

Затем повернула голову и увидела, как городской сад покидают Эдит и Дамиан. Быстро же они нагулялись. На этом я потеряла к ним всяческий интерес и вновь обернулась к Лили.

— Почему вы промолчали, когда я взяла графа под руку? — любопытствовала я.

— Так вам же хотелось, — она пожала широкими плечами. — Сначала не хотелось, я не позволила, а потом хотелось, я же видела.

— Ничего мне не хотелось, — фыркнула я. — Скажете тоже.

— Хотелось, хотелось. А как подругу свою увидели, так и вовсе вцепились. А я чего лезть буду, тем более промеж двух петухов? Вон как гребни-то распустили, пока вы их друг дружке представляли, — усмехнулась женщина.

— Какие петухи, какие гребни, Лили? — в недоумении спросила я.

— Да как же. Граф этот да сынок Литина. Так взглядом друг друга и жгли, пока раскланивались, — пояснила она. — Тут известное дело, как только курочка...

— Лили! — возмущенно воскликнула я. — Вы на что намекаете?

— Да на вас, мадемуазель. И не намекаю, а прямо говорю, — насупилась женщина. — Сынок Литина с полчаса на берегу топтался, подругу вашу мариновал, пока вы смеяться шуткам графа изволили. Уж я-то заметила. Верно вам говорю...

Я всплеснула в негодовании руками. Ну что болтает?!

— Лили, запомните: Дамиан Литин — жених Эдит, а графу Набарро папенькины деньги нужны, только и всего. А вы тут уже теории курятника строите.

— Что видала, то и говорю, — проворчала она. — А вы не рычите на меня, всем бы на Лили рычать.

Она хлопнула носом. Это было так неожиданно и умилительно, что я не удержалась, перебралась к ней и обняла.

— Не сердитесь, Лили, просто все это неверно, — уже мягче произнесла я.

— Вам видней, мадемуазель, — ответила женщина, утирая слезы.

На том и помирились. Когда мы приехали, дома уже был папенька. Я широко улыбнулась и бросилась ему навстречу. Папенька подхватил меня и приподнял над полом, щекоча своими пышными усами. Я зафыркала и рассмеялась, крепко обняв мэтра Ламбера за шею.

— Добрый день, папенька, — произнесла я, звонко целуя его в щеку.

— Добрый день, дитя, — ответил папенька и поставил меня на пол. — А где наша мадам Ламбер?

— В городском саду с мадам Набори, — ответила я. — Идемте обедать.

Папенька приобнял меня за плечи и кивнул. После я поспешила переодеться и помыть руки, а папенька направился сразу в столовую. То, что матушка гуляет отдельно от меня, его явно удивило, хоть мэтр Ламбер и не высказался по этому поводу. Значит, матушкиных планов не знал. Что же она задумала? Впрочем, не стоило гадать — это же моя матушка. И я не стала.

Сама мадам Ламбер вернулась, когда мы с папенькой уже обедали. Она вплыла в столовую, поцеловала папенькину макушку и направила на меня испытующий взгляд. Я растерянно улыбнулась, не понимая, что она ждет от меня. Матушка хмыкнула и уселась за

стол. Вскоре столовая наполнилась ее голосом. Она рассказывала, как было хорошо сегодня в городском саду и про новые мелодии, что играл оркестр. И много еще про что, не забывая кидать на меня вопросительные взгляды. Такие же взгляды кидал на матушку папенька.

Когда обед был окончен и папенька удалился в свой кабинет, велел матушке прийти к нему, она под села ко мне и взяла за руку.

— Ну? — жадно спросила мадам Ламбер. — Рассказывай!

— Что рассказывать, матушка? — недоумевала я.

— Как твой день? Может, были неожиданные визитеры? — и взгляд ее вновь исполнился хитрым блеском.

— Эдит заходила, — ответила я. — Мы поговорили недолго, и она ушла. После с Лили прокатились в городской сад. Там встретили графа Набарро, и он составил нам компанию. Мы мило пообщались, и он просил разрешения вновь посещать нас. Я ответила, что всё в вашей с папенькой воле.

— И? — матушка отстранилась, глядя на меня странным взглядом. — И это всё? Больше посетителей не было?

Я отрицательно покачала головой.

— Ничего не понимаю, — произнесла она, глядя на свои руки. — Он же просил позволения... Ладно, спрошу прямо: молодой Литин навещал тебя?

— С чего ему навещать меня? — удивилась я. — После ухода Эдит я выглянула в окно и увидела, как Дамиан встретил ее, подарил ей букетик фиалок, и они удалились. После встретились в городском саду, но быстро распрощались. Всё.

— Всё?!

— Матушка, вы меня пугаете и озадачиваете, — я сокрушенно посмотрела на мадам Ламбер.

— Значит, проныра Матьес... Ладно, не будем торопить события. Надеюсь, ты приятно провела время, — матушка улыбнулась, поцеловала меня в лоб и покинула столовую, оставив меня гадать в одиночестве о странностях ее поведения.

— Ада, Адалаис Ламбер! — матушка коршуном влетела в мою комнату и всплеснула руками. — Какого черта... прости, Всевышний. Почему ты в таком разобранном виде?

Я отложила томик стихов и подняла недоуменный взгляд на мадам Ламбер. На улице с самого утра зарядил дождь. Унылое серое небо навевало меланхолию, потому я забралась в любимое кресло у окна, завернулась в плед и читала лирические стихи, не помышляя об иных развлечениях.

— Немедленно приводи себя в порядок, мы ожидаем гостей, — велела она и вышла из комнаты.

— Какие гости в такую погоду? — проворчала я, с сожалением поднимаясь с кресла.

Лили уже спешила ко мне, чтобы собрать волосы в прическу и помочь облачиться в более приличествующее случаю платье. На мои расспросы она пожала плечами и усадила на стул перед зеркалом в золоченой раме. Матушка вернулась, когда я расправляла складки своего платья.

— Хороша, — отметила матушка. — Чудо как хороша. Но давай сделаем тебе румянец.

— Матушка! То будь бледной, то румяной — вы сами не знаете, что желаете, — возмутилась я, выскальзывая из-под ее рук с баночкой румян.

— Точно. Бледной и румяной. Сейчас пудру принесу, — тут же решила мадам Ламбер и опять скрылась. — И помаду, — услышала я ее голос, быстро сунула ноги в туфельки и выскочила на лестницу, завязывая ленты на туфлях уже там, чтобы матушка со своими идеями до меня не добралась. — Может, и брови подсурьмить? — а эти ее размышления вслух и вовсе согнали меня вниз.

Кого же мы ждем? Кого-то важного, раз матушка так хлопочет. Но к чему меня уродовать своей косметикой? Это совершенно лишнее. Независимо передернув плечами, я спустилась под защиту папеньки, сидевшего в гостиной и курившего трубку. Это было папенькино развлечение в дождь — как мое чтение стихов. В остальное время мэтр Ламбер не курил. Но запах ароматного табака, стук капель по стеклам, уютно потрескивающий камин — все это было приятным по своей сути и навевало слегка грустные мысли.

Он улыбнулся мне, поднял руку и притянул к себе, вынудив склониться, чтобы поцеловать меня в лоб.

— А вот и моя дочь, — объявил папенька.

— Как ваше здоровье, папенька? — спросила я, как воспитанная дочь.

— Превосходно, Ада, — ответил мэтр Ламбер.

— А кого мы ждем? Матушка велела мне одеваться, но не объяснила, что за гости придут в такую погоду, — спросила я, подходя к окну. — Карета, — отметила я, глядя на богатый экипаж, остановившийся подле нашего парадного входа.

— О, уже, — папенька отложил трубку и поднялся со своего кресла. — Да, — он остановился уже у дверей, — не будь букой, дорогая, прошу тебя.

Стоило ему покинуть гостиную, как в нее вбежала матушка. Она укоризненно смотрела на меня, держа в руках, словно оружие, пуховку и румяна. Но, услышав голоса внизу, изумленно вздернула брови, словно не она мне говорила о гостях.

— Неужто так рано? — произнесла она и выглянула из дверей. — Всевышний, а этого как черти принесли? — вполголоса воскликнула мадам Ламбер и исчезла из гостиной,

унося, к моему облегчению, пудру и румяна, но тут же вернулась. — Я не его ждала, но, похоже, его ждал твой отец, — бросила шепотом матушка и окончательно исчезла.

Мое замешательство стало полным. Всевышний, так кого мы ждали? Похоже, у матушки и папеньки разные гости? Но как же так могло выйти? Нет, я определенно перестала понимать происходящее. Решив не ломать голову, я приготовилась встретить папенькиного гостя.

— Ада, как же приятно видеть вас! — воскликнул граф Набарро, входя в гостиную, и я опешила.

Уж никак не ожидала, что его решат принять, да еще и папенька! Едва очнувшись от удивления, я присела в вежливом книксене, возвращая на свое лицо официально-вежливое выражение.

— Рада видеть вас, господин граф, — учтиво произнесла я. — Что же выгнало вас из дома в такую неприятную погоду?

— Опять вы зовете меня официально, мадемуазель Ламбер. Онорат, Адалаис, мне приятно, когда вы обращаетесь ко мне по имени.

Господин граф вручил мне букет фиалок, и я снова поблагодарила его. Затем перевела взгляд на папеньку. На его лице застыла довольная улыбка, словно не он лично отказал от дома этому молодому человеку. Сейчас же я видела, что мэтр Ламбер совершенно одобряет происходящее.

— Присаживайтесь, Онорат, — папенька подошел к нам и подтолкнул обоих к дивану. — Располагайтесь. Не желаете ли вина или, может быть, чего-нибудь покрепче? Мне третьего дня привезли изумительный коньяк.

Ущипните меня, я сплю! Папенька предлагает свой драгоценный коньяк?! Должно быть, небо упало на землю, коль я все это вижу. Папеньку больше не смущает «голодранец-аристократишка»? Но господин граф не только не смущал мэтра Ламбера — тот явно симпатизировал гостю. Должно быть, изумление слишком откровенно отразилось на моем лице, и папенька укоризненно покачал головой. Это заставило очнуться, и я вновь обратила внимание на графа.

— Вижу, вас смущает происходящее, — улыбнулся молодой человек. — Ответ прост. Когда ваш отец отказал мне от дома, обвинив в том, что мой интерес к вам продиктован лишь шатким положением моей семьи, я заявил мэтру Ламберу, что докажу обратное. За это время мне удалось значительно улучшить состояние рода Набарро, и оно неукоснительно продолжает расти, без вашего приданого и денег вашего отца. Что, впрочем, несколько не умалило мой интерес к вам, Ада. Свои дела я веду через банк вашего отца, потому он в курсе всего, что происходит с моими деньгами, и недавно мы вновь поговорили. Правда, я хотел явиться к вам, когда мое состояние достигнет определенного уровня, но наша встреча с вами вчера да и намек мэтра Ламбера на новые маневры вашей матушки заставили меня объявиться раньше. Что же вы молчите, Ада?

Что мне было сказать? Как жениха я вовсе не рассматривала его светлость. Даже тогда, когда он посещал наш дом ранее. Привыкнув считать, что дворянам нужны деньги папеньки, а не его дочь, я с первого взгляда чувствовала к ним антипатию. И вдруг такой поворот. Симпатичней мне Онорат не стал, но его упорство заслуживало уважения. А то, что он упорен и успешен в достижении своей цели, показывало довольство папеньки. Да и нечасто аристократы связываются с коммерцией, предпочитая удачную женитьбу или замужество. И желательно на себе подобных — уж больно дорожат своей благородной кровью. И вот передо

мною сидит человек, который нарушил оба этих правила.

— Ох, Онорат, — наконец заговорила я. — Я не знаю, что вам сказать. Но рада, что дела вашей семьи пришли в порядок. Примите мое уважение и даже восхищение.

— Надеюсь, я смогу заслужить и вашу благосклонность, — улыбнулся граф, взял мою руку в свою и прижался губами к пальцам, глядя мне в глаза.

Матушка явилась как нельзя кстати. Ее шаги заставили меня выдернуть руку и укоризненно покачать головой.

— Простите мне мою смелость, — произнес граф Набарро.

— Ах, милый граф Набарро! — воскликнула матушка, стремительно входя в гостиную. Она так и врезалась в нас, тут же усевшись и разделив своим телом. — Как приятно вновь видеть вас в нашем доме после того, как... ох, простите, это так неучтиво с моей стороны — вспоминать ваше изгнание. И как? Вы нашли другую выгодную невесту?

— Дульчина, ты не только нетактична, но и невежлива, разговаривая, возможно, — папенька выделил это слово, — со своим будущим зятем.

Он стоял в дверях, лично держа поднос с бутылкой, запечатанной сургучом, и двумя стаканами. Матушка оценила вид драгоценного напитка и вспыхнула. Но мэтр Ламбер не дал супруге заговорить и подозвал к себе, вынудив встать. Матушка сузила глаза, окинув графа испепеляющим взглядом, чем заставила меня почувствовать неловкость, но Онорат остался невозмутим и прохладно-вежливо улыбнулся.

В этот момент раздался звук лошадиных копыт, и матушка, просяив, поспешила вниз, пробормотав извинения. Папенька приподнял бровь, я обреченно вздохнула, слушая матушкино щебетание, и немного виновато улыбнулась господину графу. Папенька разлил коньяк, подал стакан нашему гостю и вернулся в свое кресло.

— И как здоровье вашей драгоценной маменьки, Онорат? — спросил мэтр Ламбер, отпивая янтарную жидкость. — Чудесно, просто чудесно, — причмокнул со вкусом папенька. — Пробуйте же, ваша светлость, вы еще не пили столь божественного напитка.

Шаги матушки и неизвестного мне второго гостя приблизились к гостиной, я обернулась, и мои брови опять взлетели вверх. Поводов для посещения нашего дома у господина Литина было еще меньше, чем у графа Набарро. Невеста у него уже имелась, деловых отношений с папенькой у офицера флота быть не могло. Да и дань вежливости не имела смысла, наши семейства не были особенно дружны.

— Ада, Ансель, смотрите, какой долгожданный гость изволил оказать честь нашему дому! — жизнерадостно воскликнула матушка, и я чуть не захлебнулась бездонной чернотой глаз господина лейтенанта королевского флота.

— Доброго здоровья, мэтр Ламбер, — склонил голову Дамиан Литин. — Наслышан о вашей успешной сделке с Восточной судоходной компанией. Примите мое восхищение, давно стоило поставить на место этих рвачей и наглецов. Великолепное решение спорной ситуации.

— Оу, — папенька зарделся от удовольствия, — благодарю, господин Литин.

— Дамиан, мэтр Ламбер, к чему нам эти условности, — обезоруживающе улыбнулся Дамиан. Затем обернулся в нашу с графом сторону. — Господин граф, приятно видеть вас снова, — вежливо, но прохладно произнес господин лейтенант. И лишь после этого обернулся ко мне. — Мадемуазель Ламбер, мое почтение и восхищение, — голос молодого человека заметно смягчился, на устах появилась задорная мальчишеская улыбка, и он поцеловал мне руку.

Это было такое естественное движение, без всяких намеков, но... но невероятно интимное, от которого меня бросило в жар, и я даже не смогла сразу ответить.

— Доб... Добрый день, господин Литин, — запнувшись, ответила я. — Рада видеть вас в нашем доме.

— Правда рады? — спросил Дамиан, и я растерялась окончательно.

— Думаю, сияние лица мадам Ламбер лучше всяких доказательств, — насмешливо произнес Онорат, и это вернуло мне дар речи.

— Несомненно, рада, — добавив голосу прохлады, ответила я. — Как Эдит? Вы недолго вчера гуляли в городском саду.

Вопрос об Эдит словно вернул всё на свои места, и магия мерцающего взгляда черных глаз окончательно рассеялась. Теперь я готова была вести светскую беседу со всеми разом. Неожиданно вторая рука Дамиана, все еще находившаяся за его спиной, вынырнула — и я получила второй букетик фиалок.

— Как мило, — усмехнулась я, укладывая его на столик к первому, — благодарю, господин...

— Дамиан, Ада, — с нажимом проговорил господин Литин и сел на предложенное матушкой кресло. — К сожалению, не успел стать первым. Вчера меня перехватили, сегодня опередили, досадно. Но я исправлю эту оплошность в другой раз, — нагло заверил он.

Однако происходящие начало несколько выводить меня из себя. Во-первых, я заметила, как напрягся граф Набарро, и нагловатое выражение на лице господина лейтенанта меня тоже раздражало. Так и вспомнилась теория курятника нашей Лили. Неужели она заметила больше, чем я? Во-вторых, противостояние матушки и папеньки. И хоть мэтр Ламбер уже с большей симпатией смотрел на Дамиана, но упрямого взгляда с матушки, всем своим видом показывавшей радушие, которое лилось лишь в сторону офицера, не спускал. Она отвечала тем же. А кто я во всей этой комбинации? Требовалось немедленно всё расставить по местам.

— Так вы не ответили про Эдит, — напомнила я. — Вы очень мило смотрите вместе. Эдит кажется счастливой рядом с вами. Рада, что моя подруга нашла достойного жениха.

После этих слов расслабился Онорат, но лицо Дамиана осталось невозмутимо.

— И кто же сей достойный мужчина? — любопытствовал господин офицер. — Уж не вы ли, ваша светлость? Готов признать, мадемуазель Матъес — весьма милая девушка с хорошими манерами, не лишена приятности черт. Она заслуживает того, кто сможет подарить ей тепло и заботу, — невозмутимо закончил Дамиан и устремил взгляд на графа Набарро, напоминая о своем вопросе.

Онорат досадливо хмыкнул, матушка хихикнула, папенька нахмурился, я постаралась остаться такой же невозмутимой, как Дамиан, но у меня вышло хуже.

— Однако вы шутник, господин лейтенант, — ответила я. — Эдит вряд ли могла ошибиться в личности своего суженого. И сомневаюсь, что она перепутала светлые волосы Онората с черными локонами жениха. Нет, господин лейтенант, вы больше подходите под описание. Его светлость тут совершенно ни при чем.

— А кто же тогда его светлость? — живо заинтересовался Дамиан.

— Моя светлость, очень на это надеюсь, — будущий супруг мадемуазель Ады, — ответил Онорат.

— Да вы что! — восхищенно воскликнул господин Литин, все более ошеломляя меня своим нравом. — Мои сердечные поздравления, ваша светлость. А, позволю себе узнать,

какой именно мадемуазель Аде перепала подобная честь?

Этот вопрос неожиданно поставил в тупик графа Набарро. Мне стало за него обидно. Да и по какому, собственно, праву господин морской офицер позволяет себе подобное поведение в чужом доме и с чужим гостем? Но на лице Дамиана царил прежний вежливый интерес, не подразумевающий насмешку.

— Никакой, господин... э-эм... — начал отвечать сам Онорат.

— Литин, — машинально подсказала я.

— Благодарю, очаровательная Ада, — моя рука тут же оказалась в захвате, и граф поцеловал ее. — Никакой мадемуазель Аде, господин Литин, данная честь не перепала. Смею надеяться, что честь выпадет мне, и мадемуазель Адалаис Ламбер станет моей супругой и графиней Набарро.

— Надежда всегда окрыляет, — одобрительно кивнул Дамиан. — Зачастую надежда только и согревает нас, когда ничего иного не остается.

— Перестаньте паясничать, Дамиан, — не сдержалась я. — Чего вы пытаетесь добиться?

— Всего лишь веду светскую беседу, — тот удивленно пожал плечами. — Что вас так огорчило, Ада?

— Действительно, дочь, к чему это негодование? — отозвалась матушка.

Папенька открыл было рот, но тут второй гость обернулся к нему.

— Кстати, мэтр Ламбер, у меня к вам было несколько вопросов. Не окажете ли мне толику вашего внимания? — спросил господин лейтенант.

— Извольте, — кивнул папенька, и мужчины покинули гостиную.

Матушка торжествующе посмотрела на господина графа, затем на меня, и я окончательно вознегодовала. Что, в конце концов, происходит?! Что это за... курятник? Да, мне не нравился нескладный, светловолосый Онорат Набарро. Он не был хорош внешне, но, по крайней мере, на данный момент заслужил мое уважение своим настойчивым желанием добиться цели. В то время как Дамиан Литин, пленявший меня в детские годы, да и сейчас, пока ничем не отличился, кроме неожиданной наглости и предприимчивости. Я не могла не отметить, как ловко он окручивает моего папеньку. И всё же этот молодой человек, возможно, является женихом моей подруги, которой я дала слово не мешаться у нее под ногами, и уже одно это обещание не позволяло его оценивать никак иначе.

— Матушка, можно вас на одно короткое мгновение? — я встала и вежливо улыбнулась графу. — Прошу нас извинить.

— Разумеется, Ада, — ответил он.

Матушка последовала за мной. Мы прошли в библиотеку, и я закрыла за нами дверь. Мадам Ламбер присела на край стола и скрестила руки на груди.

— Слушаю, Ада.

— Матушка, мне не нравится происходящее, — прямо заявила я.

— И что же тебя не устраивает? — любопытствовала она. — Не далее как три дня назад тебя терзала ревность, и не уверяй меня в обратном. Я и сейчас видела, как ты смотрела на Дамиана Литина. Не моя вина, что появился этот аристократишка.

— Вы не в курсе о положении дел графа, не так ли? — сухо спросила я. Матушка чуть склонила голову, ожидая пояснений. — Его светлость решил доказать мне и папеньке, что ему нужна я, а не наши деньги. Его благосостояние нынче выправлено. Так что я даже склонна продолжить общение с человеком, сумевшим ради меня взяться за дело и

изменившим свое финансовое положение в лучшую сторону. А что нужно господину королевскому лейтенанту?

Матушка потеряла подбородок, и я утвердилась в мысли, что она ничего не знала о переменах, произошедших в делах нашего первого гостя. Но уже через пару минут мадам Ламбер взяла себя в руки.

— Судя по его живому интересу, господину королевскому лейтенанту нужна ты, Ада, — ответила она. — Рассмотрим перспективы с ним. Офицер, наследник состояния своего отца. Имеет возможность получить высший офицерский чин, дворянское звание. Жалование весьма приличное. Да, я не знала о делах графа Набарро, но за Дамиана говорит твоя склонность к нему. К тому же ты грезила этим мальчиком с детства. Так почему же нет?

Я отошла к окну и посмотрела на унылое небо. Очень захотелось вернуться в свою комнату, переодеться в домашнее платье и, забравшись под плед, продолжить читать стихи. Но в доме было двое посторонних мужчин, по странному стечению обстоятельств пришедших по мою душу. А еще была эта принципиальность в глазах моих родителей. И — Эдит и ее умоляющие глаза...

— Эдит, матушка, — негромко ответила я. — Этот мужчина был посватан ей.

— Пф, — матушкино фырканье вывело меня из задумчивого состояния. — Глупости какие. Ада, девочка моя, вспомни мою синюю шляпку. Она тоже предназначалась не мне, но я увела ее у мадам Роберо. Ничего, поплевалась ядом и успокоилась.

— Матушка, мы говорим не о шляпках, — возмутилась я. — Мы с Эдит подруги...

— Мы с Адель тоже подруги, и что? Шляпка-то у меня, — усмехнулась мадам Ламбер.

— Но это не шляпка, это мужчина!

— Тем лучше. Мужчины не выходят из моды, хвала Всевышнему. А вот шляпку я уже второй сезон не ношу, старомодная. Бери, Ада, даже не сомневайся, — и она направилась в сторону дверей.

— Ну уж нет! — мой голос прозвучал слишком громко. — Я не люблю чужих вещей. К тому же Онорат мне больше знаком и он менее импульсивен. Как бы я ни относилась к Дамиану, я выбираю стабильность.

— Ты слишком серьезна для своих девятнадцати лет, Ада, — покачала головой матушка и покинула библиотеку.

Я задержалась на некоторое время, чтобы привести мысли в порядок. Когда я вернулась в гостиную, там уже сидел папенька и распивал коньяк с его светлостью. Матушка нервно покусывала губы, а Дамиана Литина вовсе не наблюдалось. И, несмотря на мои здравые рассуждения, это меня неожиданно расстроило.

Визит графа длился еще какое-то время. Но примерно через час он распрощался с нами и откланялся, получив приглашение приходить снова.

Проводив гостя, я вернулась в свою комнату, переоделась и спустилась в оранжерею, чтобы срезать цветов себе в вазу. Пройдя между ровными рядами цветов, я остановилась, задумчиво поглаживая лепестки лилий. Мысли неожиданно унеслись к визиту того, кого я не ожидала увидеть: все-таки манящая черная бездна мужских глаз не оставила меня равнодушной, несмотря на все твердые и правильные решения.

— Попался мотылек, — услышала я и вскрикнула бы, если бы мне на губы не опустилась горячая и немного шершавая рука мужчины-воина. — Вы как крепость: чтобы подобраться к вам, нужно строить планы и выработать стратегию.

Рука с моего лица исчезла, и я резко обернулась.

— Это возмутительно, — негромко прошептала я, боясь, что нас услышат. — Дамиан, что вы здесь делаете?

— Охочусь на бабочек, — ответил он и опять улыбнулся обезоруживающей мальчишеской улыбкой. — Одну уже поймал.

— Вы невозможны, — я тут же отвернулась, чтобы скрыть смятение.

— А вы очаровательны, — парировал господин лейтенант. — И мы можем наконец спокойно поговорить.

— Я не собираюсь с вами разговаривать, — ответила я и попробовала его обойти. — Пустите.

— Обязательно, но чуть погодя, — ответил наглец и взял ножницы. — Какие цветы любят бабочки?

Я отошла в сторону и глубоко вздохнула, понимая, что у меня два выхода: позвать на помощь, что может повлечь за собой пересуды прислуги и, как следствие, сплетни в городе, или же выслушать Дамиана Литина. О, Всевышний, я на самом деле стою здесь с Дамианом? Мне пришлось отвернуться, чтобы скрыть легкомысленную улыбку, появившуюся на моих губах. Как только смогла справиться с неожиданными чувствами, я вновь повернулась к господину лейтенанту королевского флота. Он все так же стоял, глядя в мою сторону, и ждал, но в глазах его плясали бесенята, и это не оставляло меня равнодушной.

— Идемте, — велела я.

И первая направилась в сторону рядов бархатистых бордовых роз. Дамиан послушно последовал за мной. Его взгляд я чувствовала затылком, и это волновало. Слишком сильно, чтобы я могла сохранять самообладание. Но, заставив себя забыть о волнении, я остановилась и указала на пышную розу.

— Режьте.

— Как желает моя госпожа, — он склонился с веселой улыбкой на устах, и ножницы сомкнулись на стебле. Последующее удивило меня. Мужчина начал срезать шипы. — Мы ведь не хотим, чтобы эти колючки поранили такую нежную кожу? — подмигнул Дамиан, отдавая мне розу. — Какую дальше?

— Эту, — я указала пальчиком, все более набираясь смелости. — И эту. Еще эту и эту.

Когда в моих руках появился небольшой букет, я ненадолго спрятала лицо среди ароматных цветов. Дамиан молчал, и я первая начала разговор.

— Как вы здесь оказались? Вы ведь распрощались со всеми, — произнесла я, вновь двинувшись вдоль цветочных рядов.

— Но с вами я ведь не прощался. Как же я мог допустить подобную грубость? — господин Литин вновь улыбался, пристально глядя на меня.

Я остановилась и протянула ему руку.

— Прощайте, Дамиан, — сказала я.

— Здравствуйтесь, Ада, — сильные пальцы сжались на моей ладони, и мужчина оказался рядом, лишая меня своей близостью возможности дышать и думать. — Вы дрожите, вам холодно?

Ох, кабы так... Освободив свою ладонь из захвата, я нервно усмехнулась и сделала шаг в сторону, как можно дальше от опасной близости красивого мужчины, слишком красивого для того, чтобы такая разумная девушка, как я, могла позволить себе им увлечься.

— И куда девался тот отчаянный чертенок, который подрезал мне подпругу? — Дамиан чуть склонил голову и прищурился, а я вспыхнула.

Было... Но как он мог узнать, что то вредительство — моих рук дело?! Воровато взглянув на Дамиана, я сделала еще шаг в сторону, но не удержалась и посмотрела на него снова.

— Как вы узнали, что это была я?

— Даже не отнекиваетесь? — молодой человек негромко рассмеялся. — Я вас видел в тот день, только никак не мог подумать, зачем вы могли появиться в нашей конюшне. Лишь когда я полетел на землю и осмотрели сбрую, причина моего падения стала очевидна. Я сложил два и два. Однако какое коварство в столь юном возрасте, — и он опять рассмеялся, а я еще больше покраснела.

— Вы никому не сказали, — заметила я.

— Не сказал. Решил сам вам надрать уши при случае, — хмыкнул Дамиан, и я сделала осторожный шаг назад.

— Не думала, что вы вообще знали, кто я, — осторожно произнесла я.

Господин Литин сократил расстояние между нами в два шага и вновь оказался слишком близко. Он протянул руку и коснулся моей щеки, пылающей подобно костру. В его черных глазах плескалось веселье. Мужчина явно забавлялся происходящим, и это опять начало злить. Не люблю попадать в глупое положение, но именно это сейчас и происходило.

— Я знал, кто вы, — наконец произнес он. — Мир наших отцов не так уж и велик. Конечно, я знал, кто вы, где живете, сколько вам лет и что вы... — глаза Дамиана вновь сверкнули, — увлечены мной. Вы ведь подрезали подпругу, чтобы я никуда не уезжал, не так ли?

— Довольно! — я хотела сказать это сурово, но голос предательски задрожал и сорвался.

— Мы всего лишь говорим о нашем детстве. — Господин лейтенант начинал раздражать меня своей улыбкой. — К чему ваш гнев? Или вам стыдно за содеянное, или...

Мне вновь пришлось, пятясь, спасаться бегством. Меня смущало все: голос, близость, аромат дорогого одеколona, который так шел Дамиану, и улыбка, в ответ на которую хотелось тоже улыбнуться, а значит, выкинуть белый флаг.

— ...Или вы все еще равнодушны ко мне, — закончил господин Литин, в который раз сокращая расстояние.

— Зачем? — мой вопрос был наполнен отчаянием.

— Что — зачем, Ада? — уже более серьезно спросил Дамиан.

— Зачем вы смущаете меня? Зачем искали встречи со мной? Вас все еще гложет обида юности, вы хотите надрать мне уши за подпругу? Тогда мстите и уходите, — потребовала я.

В глазах молодого человека появилось удивление, он поднял руку, но пальцы всего лишь ласково огладили мое ушко, чуть задержались на мочке и оставили меня в покое.

— Вот уж чего мне сейчас хочется меньше всего — так это вымещать на вас старые обиды, — сказал Дамиан. — Я так пугаю вас, Ада?

Всевышний, когда же закончится эта пытка?! Мне было так неловко от всего происходящего.

— Мне пора возвращаться, — мой голос прозвучал неожиданно хрипло, и пришлось откашляться, но стало лишь хуже.

— Подарите мне еще несколько минут, — Дамиан больше не подходил близко, но и расстояние в несколько шагов было слишком мало. — Вы ведь не против, если я еще навещу вас?

Я вскинула голову и с мольбой посмотрела на него.

— Зачем? У вас есть невеста...

— Ада, с чего вы это взяли? — возмущение в голосе молодого человека было неподдельным.

— Но Эдит — она ведь...

Я осеклась, глядя на вернувшееся в глаза мужчины веселье. Оно возвратило мне самообладание.

— Довольно, господин Литин, — прохладно ответила я. — Должно быть, всему Льено известно о вашей скорой помолвке с мадемуазель Матьес.

— Жаль, что я последним узнаю эту новость, — он все-таки рассмеялся. — Нет, ну правда, Ада, то, в чем мадемуазель Матьес уверили мои родители, забыв спросить меня, не может считаться истиной. Да, Эдит — милая девушка, как я уже говорил сегодня, но не более. Давайте уже оставим мадемуазель Матьес в покое.

Спешно отвернувшись, чтобы скрыть смесь радости и досады, я некоторое время молчала. Затем, в который раз за сегодняшний день взяв себя в руки, обернулась, сохраняя на лице спокойное выражение.

— Однако вчера вы спешили навстречу Эдит, я видела в окно, вы подарили ей цветы. После вместе прогуливались по городскому саду. Разве такое возможно, если между мужчиной и женщиной не существует благородных намерений?

Господин лейтенант вздохнул и скрестил руки на груди.

— Вчера был день сплошных недоразумений. На пикнике, когда вы исчезли, я ждал, когда представится случай поговорить с вашей матушкой без свидетелей. И, улучив момент, попросил разрешение посетить вас. Но по какому-то нелепому стечению обстоятельств недалеко от вашего дома я наткнулся на мадемуазель Матьес. Она вцепилась в меня клещом, и мне ничего иного не оставалось, как вручить ей злосчастный букет и проводить до коляски. Если бы я отправил ее восвояси сразу, это было бы слишком невежливо. — Я промолчала, слушая дальше. — После, когда Эдит уехала домой, я вернулся к вашему особняку, но оказалось, что вы уже отбыли на прогулку. И только я собрался последовать за вами, как Эдит вновь очутилась рядом. Еще и со своей матушкой, которая торжественно вручила мне свою дочь. Вот так мы и оказались вместе у того пруда. Скажите, Ада, — взгляд Дамиана стал испытующим, — у вас действительно виды на графа?

— Какое вам дело, Дамиан? — это вышло грубо, и я поспешила извиниться: — Простите, я не хотела вам грубить.

Он усмехнулся и подошел ближе.

— Откровенность за откровенность, Ада.

— До сегодняшнего дня видов не было, — ответила я.

— Сегодня что-то изменилось? — Дамиан изумленно изломил бровь.

Я промолчала. Для меня пока ничего не изменилось, но посвящать постороннего человека в тайны своей души я не хотела. К тому же мне все еще не была ясна цель этой встречи в целом и разговора в отдельности. Развернувшись, я не спеша направилась к выходу из оранжереи. Дамиан шел рядом, ожидая ответа. Но вместо него я сама задала вопрос:

— И все-таки зачем вы так настойчиво искали встречи со мной? К чему было это нападение на бедного графа? Что вам за нужда в моем обществе?

Теперь замолчал Дамиан, и ответа уже ждала я. Мы опять остановились, потому что до дверей оставалось совсем немного. Лейтенант Литин обернулся ко мне, скользнул взглядом по лицу и в третий раз протянул руку, прикоснувшись — теперь к волосам.

— Интересный вопрос, — заговорил он, немного растягивая слова, словно все еще искал ответ. — Там, на поляне для пикников, вы сразу привлекли мое внимание. Затем исчезли и нашлись на речке. Я сразу узнал вас, несмотря на прошедшие годы. Ваше негодование после падения было забавным. А затем, когда мы с Эдит вернулись на поляну и я понял, что вы сбегаете, я неожиданно почувствовал досаду. Даже рассердился на вас, — Дамиан усмехнулся и взял меня за руку. — Мне хотелось увидеть вас снова, чтобы разобраться с тем, почему же меня так неожиданно начало тянуть к малознакомой девушке.

— Разобрались? — и вновь голос дрогнул.

— Нет, еще больше запутался, — Дамиан сжал мои пальцы и поднес их к губам, чем вырвал из моей груди прерывистый вздох. — Мне хочется, Ада, чтобы вы перестали прятаться от меня за ширмой хорошего воспитания, чтобы искренне улыбнулись и... Ада, так нечестно, я вдруг почувствовал себя сопливым мальчишкой! Вы заставляете меня смущаться.

— Ну знаете ли, — пробормотала я и вырвала свою руку. — Какое-то совершенно нелепое обвинение.

Я быстро дошла до дверей и уже хотела покинуть оранжерею, когда Дамиан догнал меня и остановил, ухватив за плечи и развернув к себе.

— Вы уходите, не прощаясь? Это неприлично, Ада, — он укоризненно покачал головой.

— Прощайте, Дамиан, — прошептала я.

— До встречи, Ада, — ответил лейтенант Литин. — До скорой встречи, бабочка.

После этого убрал руки, и я опрометью выбежала из оранжереи. Быстро дошла до своей комнаты, закрыла за собой дверь и повалилась в кресло, рассеянно глядя в пустоту. Что же это такое? Затем закрыла глаза и невольно улыбнулась.

— Дамиан, — прошептала я и испугалась собственных слов, тут же распахнув глаза.

Всевышний, вразуми! За этими мыслями меня и застала матушка. Она взглянула на розы, лежавшие на столике, после на меня и обеспокоенно потрогала мой лоб.

— Ты вся в лихорадке, — всплеснула руками матушка. — Дитя мое, уж не заболела ли ты часом? Нужно послать за доктором.

— Не надо, матушка, — попросила я. — Я просто устала немного. Посижу в тишине, и скоро все станет как прежде.

Мадам Ламбер с сомнением посмотрела на меня, после кликнула Лили, и та забрала мои цветы, чтобы поставить их в воду. Матушка присела на соседнее кресло и задумчиво потерла подбородок.

— Что вас гложет, матушка? — спросила я, пытаюсь избавиться от непрошенных мыслей.

Она посмотрела на меня и пожалала плечами, но после все-таки призналась:

— Я не понимаю причины, по которой Дамиан так быстро покинул нас. Ведь все складывалось так удачно. И вдруг так спешно уехал, не дожидаясь твоего возвращения. Может, ты была с ним слишком резка? Не понимаю.

Зато я начала понимать. Господин лейтенант сделал верный вывод. Если бы он остался, то уходить пришлось бы одновременно с Оноратом, потому что господин граф явно не собирался покидать нас первым. И тогда я была бы спасена от нынешней своей душевной растерянности. Однако коварный Дамиан Литин откланялся... чтобы остаться. Как он сумел задержаться и где все это время находился, мне остается только догадываться, но господин диверсант блестяще провернул дельце. Даже страшно подумать, куда он мог явиться, чтобы поговорить наедине...

И всё же не получалось негодовать и злиться. Как бы я себя ни уговаривала, радостное

возбуждение охватывало меня каждый раз, когда я старалась вызвать в себе возмущение. Матушка, наблюдавшая за мной, сложила руки на коленях и потребовала ответа:

— Ада, о чем ты сейчас думаешь? На твоём лице — не свойственное тебе легкомысленное выражение. Это связано с Дамианом? — Я промолчала. — О, нет! Только не говори, что тебя сумел покорить граф Набарро!

Я вновь промолчала, и мадам Ламбер, сердито сведя брови, погрозила мне пальцем.

— Никаких глупостей, Ада. Я добуду тебе мужа, какого ты захочешь, но все должно быть прилично.

— Матушка! — воскликнула я, пылая возмущением. — О чем вы говорите?

— Смотри мне, — велела мадам Ламбер и покинула мою комнату.

Я проводила её сердитым взглядом, выглянула в окно и вздохнула. Нет-нет, матушка права, хоть и не о том мне говорила. Но такие, как Дамиан Литин, — это путь в пропасть для порядочных наивных девушек. Слишком горяч и самоуверен. Нужно выкинуть господина лейтенанта из головы.

Последующие дни я просыпалась от ворчания Лили, ставившей в изголовье моей кровати корзинку с цветами, в которой непременно лежал надушенный конвертик. В первый день сердце мое замерло на мгновение, а после пустилось вскачь, как сумасшедшее, когда я тянулась за конвертиком. Но это оказалось пожелание доброго утра от графа Набарро, и я разочарованно положила записку на столик, устыдясь своего поведения уже через несколько минут.

Онорат вел себя галантно, он не кидался на меня с требованиями признаться в чувствах. Был добр и терпелив. Так почему я позволяю себе подобное пренебрежение? Тем более что больше никто не спешил мне присылать таких приятных пожеланий. Встав с постели, я написала короткий ответ, в котором благодарила за внимание. Затем вручила Лили и услышала множество неллицеприятных эпитетов в свой адрес и адрес графа, но простила ей, потому как наша Лили иначе не умеет выражать свои чувства.

А через два дня мы с матушкой отправились к портнихе. Мадам Ламбер решила исполнить свою угрозу и вновь обновить мой гардероб. Наша портниха, мадам Фотен, была известна на весь Льено. Ее услуги стоили дорого, и не каждый аристократ мог себе позволить одеваться в ее мастерской. Мы могли себе позволить, на наши наряды папенька никогда не скупился, полагая, что благосостояние мужчины лучше всего подчеркивают его женщины. Матушка этим беззастенчиво пользовалась, приучая к роскоши и меня. Впрочем, я все эти бесконечные примерки и споры с мадам Фотен не любила. Меня они утомляли, а вот матушка была во всем этом как рыба в воде. И зачастую наши походы к портнихе затягивались настолько, что я засыпала в экипаже.

Сегодня матушка особо усердствовала и придиралась, казалось, ко всякой мелочи. Портниха уже взмокла, и взгляды, которые она кидала на мадам Ламбер, были далеки от человеколюбивых. Я с мольбой смотрела на матушку, но она усердно рылась в кружевах.

— Что это, Фло? Откуда это убожество? Куда делось все твое великолепие?

— Ты держишь его в руках, Дульчина, — огрызнулась мадам Фотен.

— Наглая ложь! — воскликнула мадам Ламбер. — Покажи всё.

— Перед тобой всё, что у меня есть. Смотри, это же тончайшие орантанские кружева! Как у тебя хватает наглости поносить работу настоящих мастеров?! — возмущенно воскликнула портниха.

— И правда, матушка, эти кружева великолепны, — я попыталась вмешаться, но меня даже не пожелали услышать.

Пока продолжался этот невыносимый спор, я спустилась вниз, чтобы попросить воды. И когда я уже подносила ко рту стакан с водой, дверь открылась, и в лавку вошли Эдит и ее маменька. Мадам Матьес поздоровалась со мной вежливо, но прохладно, и это неприятно кольнуло меня. Эдит же улыбнулась и поцеловала в щеку. Она была подавлена, и я посчитала своим долгом узнать, что так печалит мою подругу.

— Ада, он уже два дня не дает о себе знать, — вздохнула Эдит. — После той прогулки по городскому саду, где мы повстречали вас с господином графом, я Дамиана не видела. Его родители уверяют, что все по-прежнему остается в силе, но меня терзают сомнения. — И вдруг с надеждой посмотрела на меня. — Ты его не видала, Ада?

Я уже было собралась ответить утвердительно, но спохватилась и... солгала. К стыду

моему, я солгала. В глазах Эдит мелькнуло подозрение, она испытующе посмотрела на меня, но, не заметив того, чего ожидала увидеть, успокоилась и даже повеселела, а мне было стыдно, мне было так неприятно от этой лжи, что я поспешила обратно вверх.

— Ада, — окликнула меня Эдит. — А кто тебе этот граф?

— Его светлость просил моей руки у папеньки, — ответила я и вновь хотела уйти, но моя подруга поднялась за мной следом.

— Вы мило смотрелись вместе, — сказала она с улыбкой, но почему-то мне показалось, что взгляд у Эдит все еще испытующий. — Надеюсь, ты согласилась?

— Пока нет, но... наверное, я дам согласие, — произнесла я и потупилась.

— Это прекрасная новость, Ада! — наконец Эдит окончательно расслабилась. — Я безумно рада за тебя, ты станешь аристократкой, графиней! Это ли не счастье? А я согласна и на простого лейтенанта, — все это прозвучало так фальшиво, что я невольно освободила руки из ладоней подруги, которые она сжала, натянуто улыбнулась и поспешила дальше. — Вы выбираете тебе свадебное платье?

— Нет, Эдит, матушка просто хочет пошить мне новых нарядов, — ответила я, не оборачиваясь, и закрыла за собой дверь.

Как же все это гадко! Никогда мы с Эдит так не вели себя. Никогда я не лгала ей и не помню случая, чтобы она солгала мне. И все изменилось за один день, который должен был стать днем приятного времяпровождения, а стал первым днем раздора — еще незаметного, но трещинка уже змеилась по стене нашей дружбы.

— Ах, как все это нехорошо, — поморщилась я и нервно потерла руки.

Нет, определенно, если господин Литин еще раз будет искать моего общества, я должна быть тверда и непреклонна. Быть помолвке или нет, но скоро Дамиан отправится на службу, а мы останемся здесь. И если у кого-то и будет разбито сердце, то пусть не у меня. А я дам согласие Онорату... потом, немного позже. Обязательно дам, он достойный молодой человек, как сумел показать, просто не буду спешить. Просто... просто я хочу еще немного насладиться свободой. Да, именно так, хочу провести это лето свободной от обязательств. А в первый день осени я скажу свое «да», если его светлость еще будет меня ждать.

Успокоившись этими соображениями, я вернулась к матушке и мадам Фотен, которые уже весело хохотали, сидя в ворохе кружев и шелка. Это был закономерный итог (и хорошо мне знакомый) — и все же я почувствовала приступ раздражения. Столько сил моих уходило на их ссоры, а волновало данное обстоятельство лишь меня одну. Матушка же и мадам Фотен, вдоволь наругавшись, всегда заканчивали одинаково и чувствовали себя великолепно и даже отдохнувшими.

В следующий час меня обмеряли, оговаривали цвета и фасоны. У матушки находилось непременно последнее пожелание, которое легко удовлетворялось, и меня отпускали с миром. Вот и сейчас вокруг меня сновала портниха — мадам Ламбер не позволяла никому кроме нее обмерять нас, — сама матушка сидела, закинув ногу на ногу, и попивала чай.

— Очень миленько должно получиться, — отметила мадам Фотен.

— Чрезвычайно, — поддержала мадам Ламбер, качая ногой.

— Скорей бы уже, — вздохнула я, устав от этой пытки.

На меня укоризненно взглянули обе мадам. Но неожиданно внизу раздался какой-то шум, привлечший наше внимание. И первое, что ударило мне по ушам, — это вскрик Эдит, все еще находившейся в лавке:

— Дамиан, это вы! Как вы нас нашли?

Его ответ я не услышала, но теперь мне хотелось задержаться наверху подольше, и я привлекла к себе внимание мадам Фотен.

— Давайте продолжим, — попросила я.

— Вы продолжайте, а я спущусь, — матушка поднялась со своего места, оправила платье и поспешила к двери.

— О нет, не надо! — воскликнула я. — Матушка, стойте!

— Дитя мое, не отвлекайся, — велела матушка и покинула комнату, где шли все наши примерки.

Я лишилась покоя, все время прислушивалась к происходящему внизу, но там было тихо, только приглушенное журчание голосов доносилось наверх время от времени. Я вовсе не хотела, чтобы наше присутствие здесь было обнаружено. Более того, я готова была остаться наверху, пока Эдит со своей маменькой и господином Литином не отбыли бы восвояси. Но у моей матушки на все был свой собственный взгляд, и мое желание она не хотела знать.

— Ну вот и всё, Ада, — мадам Фотен с удовлетворением потерла руки. — Платья будут готовы к оговоренному сроку. О времени примерки я сообщу.

— Благодарю, мадам Фотен, — ответила я, но не спешила покинуть примерочную комнату, страшась встречи с Дамианом Литином, семейством Матьес и родной матушкой.

Однако мои страхи не волновали портниху, и она недоуменно приподняла брови. Пришлось набраться храбрости и покинуть второй этаж. Но единственной, кого я нашла внизу, была мадам Ламбер, чье лицо выражало торжество. Матушка была в прекрасном расположении духа. Она болтала с работницей мадам Фотен и ее кузиной.

— Ада! — воскликнула матушка. — Ты уже свободна, дитя мое. Тогда идем подкрепимся, я ужасно голодна.

— Мы домой? — уточнила я, стараясь не слишком откровенно озираться и не выдать взглядом, что я ищу тех, кто уже, похоже, покинул лавку и мастерскую.

— Нет, — она легко подхватила меня под руку, — в «Золотую куропатку».

Очередное матушкино чудачество привело меня в изумление. По ресторациям мы практически не ходили. Мадам Ламбер считала, что вкусней и безопасней питаться дома. У нас работала замечательная кухарка. Но на лице матушки было очередное загадочное выражение, и я сдалась, решив все узнать в свое время.

На улице нас ждала наша коляска. Лакей мадам Фотен помог нам с матушкой сесть, закрыл дверцу, и коляска тронулась. Немного понаблюдав за мадам Ламбер, я не сдержалась:

— Матушка, что происходит? Что вы опять задумали?

— Я? — ненатурально удивилась она. — Ничего, что я могла еще задумать?

— В мастерской был Дамиан, это должно быть связано с ним, — уверенно завила я. — Рассказывайте.

— Ты будешь мне приказывать? — уже по-настоящему удивилась мадам Ламбер. — Адалаис Ламбер, возьми себя в руки и помни: мать дурного не сделает.

— Что произошло в лавке? — спросила я, сгорая от любопытства и беспокойства.

— А что могло произойти в лавке? — матушка уселась поудобней и кокетливо поправила выбившийся из прически локон. — Я спустилась вниз. Маленькая Матьес висела на бедолаге Дамиане, он всеми силами сохранял учтивое выражение, хотя давалось ему это с трудом, уж можешь мне поверить. До чего же навязчивая особа, вся в свою вульгарную мамашу. Я со всеми поздоровалась, очень вежливо поздоровалась. Мадам Матьес, как наседка, начала кружить вокруг своей дочери, закрывая ее и господина королевского

лейтенанта от меня. Но ты же меня знаешь, Ада, более кроткого существа не найти на всем белом свете. — Я промолчала: открывать матушке глаза на ее нрав мне казалось лишним. — Я отошла выбрать пуговицы. И тут Дамиан сказал, сказал достаточно громко, чтобы я не могла не понять, к кому относятся его слова, что он сегодня занят. Что через час у него встреча с приятелем в «Золотой куропатке». После этого купил два шелковых галстука, за которыми зашел, и увел обеих Матъес. Вот и всё.

Вот и всё? Только моя матушка могла найти в невинной фразе какой-то намек. Я была возмущена происходящим, но перечить не смела. Мадам Ламбер же все было нипочем. Она вновь весело болтала, пока мы ехали к ресторации, даже кому-то махала рукой, приветствуя. А я сгорала от стыда. Хороши же мы будем, когда Дамиан придет с другом в «Золотую куропатку», а там моя матушка начнет им махать руками. Господа, возможно, собираются отобедать и поговорить, а мадам Ламбер может начать навязывать наше общество... Уйду, видит Всевышний, уйду, не глядя на приличия. Посмешищем я быть отказываюсь.

Тем временем коляска подкатила к ресторации, лакей открыл нам дверцы и помог выйти. Наверное, лицом я была красней, чем матушкино платье. Мадам Ламбер, подобно полководцу, гордо вздернула подбородок и повела меня на приступ «Золотой куропатки». Однако нервный припадок готов был случиться со мной в любой момент.

В зале я боялась поднять глаза, чтобы не встретиться с Дамианом взглядом, и не увидеть недоумение, удивление и даже насмешку. Матушка коротко переговорила с управляющим, и нас отвели в отдельный кабинет. И только лишь тогда я свободно выдохнула и смогла расслабиться, пока матушка делала заказ.

— Ада, ты похожа на испуганного зайца, успокойся, — велела мадам Ламбер.

— Ах, матушка, такая неловкость, — сокрушенно вздохнула я. — Вы услышали слова, неосторожно оброненные молодым человеком, и вот мы здесь. Может выйти неприятный конфуз.

— Я явно перестаралась с твоим воспитанием, — задумчиво произнесла мадам Ламбер. — Дочь моя, в тебе вовсе нет духа авантюризма.

— Какой авантюризм, матушка! — воскликнула я. — Я порядочная девушка. Мне положено сидеть за пяльцами, а не отлавливать чужих кавалеров по ресторациям.

Матушка закатила глаза и тяжело вздохнула. Я же, сердито взглянув на нее, отвернулась к окну и больше не разговаривала, не желая продолжать неприятную тему. Когда принесли матушкин заказ, я уже порядком успокоилась, решив, что в закрытом кабинете нас не видно и встречи с господином Литином вполне возможно избежать.

— Мне того же, что и дамам, — услышала я, и, кажется, даже стул подо мной погрузился в огненную пучину. — Еще раз мое почтение, мадам Ламбер, мадемуазель Ламбер, Ада.

— Доброго здоровья, господин Литин, — отозвалась я, не глядя на него, и только вздрогнула, когда горячие мужские губы прижались к моей похолодевшей руке.

— Вы очаровательны, Ада, — его голос прозвучал совсем рядом, и я несмело посмотрела на мужчину, севшего на соседний стул. — Мадам Ламбер, счастлив, что мы поняли друг друга. Вы чрезвычайно догадливы, — Дамиан улыбнулся, и матушка подняла свой бокал с вином, салютуя ему.

— И как вам удалось избавиться от семейки Матъес, Дамиан? — спросила матушка, приступая к обеду.

Мне кусок в горло не лез, и слушать это разговор было тяжело, а ощущать близость

Дамиана Литина — и вовсе невыносимо. Матушка о чем-то спрашивала меня, Дамиан что-то говорил, я не слышала. Мне было стыдно и страшно. Что, если нас увидят втроем? Папеньке это не понравится, господину графу будет неприятно, Эдит станет непременно больно, и она назовет меня предательницей, но ведь моей вины в происходящем нет, а пересуды пойти могут.

— Ада, ты ни крошки в рот не положила, — матушка укоризненно покачала головой.

— Я не голодна, матушка, — пролепетала я.

— Возможно, прогулка на природе вернет вам аппетит, — произнес Дамиан. — Едемте гулять.

— Я хочу домой, — мой голос прозвучал глухо, но более уверенно, чем я думала.

Спорить со мной не стали. Господин Литин оплатил наш обед и первым покинул ресторацию. Они еще о чем-то поговорили с матушкой перед его уходом, но я не вслушивалась. Мадам Ламбер опять подхватила меня под руку, и мы вдвоем спустились вниз, а после вышли на улицу, так и не увидев Дамиана.

— Ты слишком осторожна, — сказала матушка, когда мы сели в коляску.

— Но как же, матушка? Мы в компании чужого жениха, это ли не повод для пересудов? — возмутилась я.

— Какие глупости, Ада! — воскликнула она. — Ты вбила себе в голову то, чего нет, и теперь отказываешься от своей мечты.

Я промолчала. Если бы господин Литин не был связан чаяниями Эдит, если бы я не была связана данным ей обещанием, если бы все произошло иначе, то я бы вела себя соответственно ситуации, но сейчас стоило проявить благоразумие, коего у меня было в избытке.

Оглянувшись, я заметила, что коляска едет отнюдь не к нашему дому.

— Матушка, куда мы? — забеспокоилась я.

— Давно не была возле лесного озера, — беспечно ответила она.

— Это невыносимо, в конце концов, — рассердилась я.

Когда мы покинули пределы Льено, нас догнал Дамиан на своем прекрасном жеребце вороной масти. Он поравнялся с коляской и широко улыбнулся.

— Надеюсь, здесь меньше условностей, которые смущают вас, Адалаис? — спросил молодой человек.

— Здесь осталась одна условность, смущающая меня, — вы, — ответила я, хмурясь.

Коляска подъехала к одному из живописнейших местечек в предместье Льено. Дамиан лихо спешил и поспешил помочь нам с матушкой выйти. Я шагнула на землю первой и услышала то, что потрясло меня до глубины души:

— Трогай!

— Матушка! — я в панике обернулась, глядя вслед отъезжающей коляске.

— Ада, я недалеко, — ответила она. — И никаких глупостей! Дамиан, вы меня слышали? Я вам лично вырву бесстыжие глаза, если вы обидите мою дочь.

— Мои глаза мне дороги, мадам Ламбер, — рассмеялся господин лейтенант и обернулся ко мне. — Нам стоит объясниться, — произнес он и подал мне руку.

От руки я отказалась, сорвала травинку и нервно тербила ее в руках, пока шла до озера. Здесь обнаружилось поваленное дерево. Дамиан скинул сюртук и постелил его, предложив мне присесть. От подобной любезности я отказываться не стала — она пришлась весьма кстати, потому что ноги от волнения и страха подрагивали. Мы некоторое время молчали. Я

смотрела на воду, Дамиан стоял рядом и поглядывал на меня, но не спешил начать разговор.

— Вы хотели объясниться и молчите, — заметила я.

— Не хочу нарушать очарование момента, — ответил он, и я наконец осмелилась взглянуть на господина лейтенанта. — Почему вы боитесь меня? Разве я так уродлив и неприятен?

— Нет! — поспешно воскликнула я и осеклась. — Вы далеко не уродливы и сами об этом знаете.

— Тогда почему вы дрожите каждый раз, как я оказываюсь рядом? Я неприятен вам, Ада? — Дамиан присел передо мной, взяв мои ладони в свои руки. — Зачем вы трепыхаетесь, как пойманная птичка? Я не обижу вас.

— Зачем вы продолжаете искать встреч со мной? — спросила я, избегая отвечать на его вопросы. — Вы охотник, Дамиан? Вам доставляет удовольствие выслеживать дичь?

Он усмехнулся и не позволил мне освободить руки.

— Вы думаете, что интересны мне лишь потому, что сопротивляетесь? — задал он свой вопрос, и я опять промолчала. — Вы вынуждаете охотиться на вас. Позвольте мне посещать вас, и я не буду ловить момент, чтобы поговорить с вами.

Я все-таки вернула себе собственные руки и встала, стараясь не задевать мужчину, глядящего на меня снизу вверх. Он дал мне отойти, но вскоре догнал и пристроился рядом. Мы некоторое время шли по берегу и молчали. Дамиан нагнулся и сорвал цветок ромашки.

— Любопытные цветы, не находите, Ада? Вроде и простые, без всяких изысков и напускной роскоши, но все равно очаровательны в своей хрупкости и пленяют глаз без всякого усилия со своей стороны, — сказал Дамиан, и мне послышался некий намек в его словах. — Ада, — он вдруг остановил меня, взял за плечи и развернул к себе лицом, — прошу вас, не закрывайтесь от меня, оставайтесь той непосредственной девочкой, какой вы и являетесь. Не прячьтесь в скорлупу хороших манер.

— Что вы хотите от меня?! — воскликнула, нещадно разрывая несчастный цветок, который вручил мне Дамиан.

— Ада, вы не цветок рвете, вы душу себе рвете, зачем? — спросил он, глядя на меня с такой теплотой, что сердце зашлось от запретного счастья. — Все дело в Эдит? Вы уверились, что мы с ней непременно должны быть помолвлены и теперь бежите, стоит мне лишь появиться поблизости? Но ведь это не так. Я разговаривал с родителями и просил их объясниться с семейством Матьес. В конце концов, они дали девушке ложную надежду. Но сегодняшнее происшествие показало, что они не выполнили моей просьбы либо Эдит не пожелала услышать. И раз так, то я сегодня же объясню мадемуазель Матьес, что не стоит осаждать меня, словно у нее уже есть на это все права.

Я бросила на господина Литина быстрый взгляд и вновь отвернулась.

— Мы с Эдит дружим еще с тех пор, как вместе играли в куклы и насыпали друг дружке песок на головы, если близнецы творили подобное безобразие с одной из нас, чтобы у нас все было одинаковым. Потом вместе выросли, вместе слушали гувернеров, вместе учились вышивать, танцевать нас учил один учитель танцев. Еще недавно мы были с ней едины, и вдруг появились вы. Еще красивей, чем раньше, возмужавший, притягательный. Эдит теперь ищет на моем лице следы предательства, а я лгу, что не встречаюсь с вами.

— Но зачем?! — Дамиан слегка встряхнул меня и заглянул в глаза. — Зачем все это нужно? Эдит уверилась в пустых обещаниях, вы идете у нее на поводу. Мои родители втихую договариваются с Матьесами, и только никто не удосуживается спросить, чего же хочу я. Я

ведь тоже помню детство, Ада. И девочку с задорными веснушками тоже. И пусть нас с ней разделяли пять лет, но я ее запомнил. И ее проделки тоже. Я не буду лгать, что ехал в Льено с мыслями о вас или хотя бы вспоминал эти годы. Но на той поляне, когда мой взгляд зацепился за вашу фигурку, я сразу узнал и девочку с веснушками, и ее веселый смех, и то, как она задирала нос, лишь бы казаться независимой. И если бы не та подруга и огромный синяк на моем бедре, я, может быть, и поверил бы, что маленькая Ада Ламбер совсем не замечала подростка, жившего выше по улице.

— Ах, Дамиан, — простонала я, оттолкнула его руки и поспешила в сторону. — Оставьте детство в покое, мы все давно выросли, и теперь рушится старая дружба. Вы позабавитесь и уедете, а мы останемся. И я вовсе не хочу стать целью для пересудов и чьей-то ненависти.

Господин Литин догнал меня, резко развернул, и я оказалась сжата в его объятьях. Уперев ладони в твердую мужскую грудь, я пыталась вырваться, но силы таяли под опаляющим взглядом черных глаз.

— Да с чего вы взяли, что я хочу играть вами, Ада? Почему вы и это решили за меня? Невесту мне выбрали, теперь оберегаете ее придуманное счастье. Печетесь о дружбе, которая не выдержала испытание детскими фантазиями. Вы отказываетесь от своих желаний ради Эдит, а Эдит готова поступиться своими фантазиями ради вас?

— Я обещала ей!

— С вас еще и обещание взяли? Ада, опомнитесь! Это не дружба, это зависть. Будь то дружбой, разве уговаривали бы вас избегать встреч со мною? Разве теряют веру в друга за один день? Вы столько лет верили своей подруге, разве сейчас вы стали бы ее просить держаться подальше, если бы все изначально сложилось иначе, и мой отец предпочел породниться с вашим, несмотря на робость перед ним? Скажите честно, вы бы отгоняли Эдит, прятали меня?

Нет, нет и нет! Зачем мне это делать, если я доверяю Эдит? Это же глупо... О, Всевышний!

— Вы смущаете мой разум, — потрясенно прошептала я. — Вы бес, Дамиан, вы заставляете меня сомневаться в моей подруге!

— Всего лишь прошу задуматься, — ответил он. — Ада, почему вы должны ставить на кон свои желания? Я ведь не слеп и вижу, что небезразличен вам. Более того, бабочка моя, вы тоже не обделены зрением, неужели вы не видите моего интереса к вам? Ада, дорогая, меня тянет к вам, я думаю о вас; когда вы не рядом, мне хочется касаться вас. Неужели это, по-вашему, — поиграться? Мои намерения более чем серьезны. Только прекратите вашу чехарду и позвольте ухаживать так, как того требуют этикет и общество.

Я отчаянно замотала головой, отказываясь слушать его. Все это было складно и так многообещающе... но я не могла позволить себе услышать его. Потому что... потому что я любила Эдит, а еще потому что...

— Вы слишком красивы, Дамиан, — произнесла я и вновь попыталась освободиться. — Ждать верности от красивого мужчины — недопустимая роскошь. На вас смотрят женщины, вы подвергаетесь постоянным соблазнам...

— Черт возьми, Ада, вы красивая девушка и обещаете стать красивейшей из женщин. Женщины ветрены, и что мне думать о вас по вашим рассуждениям? Что однажды я могу обзавестись ветвистыми рогами и на охоте меня пристрелят, потому что перепутают с оленем?

Я лишилась дара речи от подобного заявления.

— Да как... Как вы смеете говорить обо мне подобное, господин Литин?! — в негодовании воскликнула я.

— Ну вы же смеете уверять меня в моем непостоянстве, будто это на вас натянута шкура Дамиана Литина, так почему бы мне не влезть в вашу и не заглянуть в будущее? — легко рассмеялся наглец.

Моя рука сама взлетела, и звонкий звук пощечины огласил побережье лесного озера.

— Ну вот и первая ласка, — усмехнулся Дамиан, дотронувшись до своей щеки. — Не об этом я мечтал, конечно, но для начала весьма ободряющий знак.

Я вновь уперлась руками в грудь королевского лейтенанта и наконец вырвалась. Я бегом бросилась туда, откуда уехала матушкина коляска.

— Ада, я не отступлюсь, — услышала я и впервые не сдержалась настолько, что выкрикнула в ответ:

— Подите к черту, Дамиан!

Он рассмеялся все так же легко, но не последовал за мной, давая мне возможность остановиться и позвать матушку. Вскоре я услышала скрип рессор, и коляска подъехала ко мне. Мадам Ламбер встретила с моим негодующим взглядом и предпочла ни о чем не спрашивать. Я уселась в экипаж и обернулась. Дамиан стоял на дороге, чуть склонив голову к плечу, и улыбался, провожая нас.

— Не отступлюсь, — прочитала я по его губам и отвернулась в полном смятении мыслей и чувств.

Утро выходного дня началось с уже закономерной корзинки цветов, только в этот раз в послании были стихи, лирические и очень красивые. Я с улыбкой дочитала послание, и мой взгляд упал на подпись. Мне даже пришлось протереть глаза и ущипнуть себя, потому что подпись гласила: «Охотник за бабочкой».

— Всевышний, — выдохнула я и села на кровати, вновь пробежав глазами несколько строф.

Вскоре вернулась Лили с еще одной корзиной, в которой также обнаружился конвертик. Его я взяла так осторожно, словно боялась, что стоит его открыть, и оттуда выскочит сам Дамиан Литин. Не выскочил, но корзина опять была от него, и снова стих, но уже другой, и все та же подпись. Когда принесли третью и четвертую корзины, я уже ничему не удивлялась, лишь с интересом открывала новые записки. А вот в пятой и последней корзине обнаружилось послание вполне прозаического содержания:

«Надеюсь, вы не расстроились, что корзина графа Набарро затерялась где-то в дороге? Кстати, я свое слово держу, и разговор с известной вам особой состоялся. Теперь уж вам нечем прикрыться от моего сачка, милая бабочка.

Всей душой и помыслами ваши, Д. Л.»

— Какая самонадеянность, — фыркнула я и поспешила собираться, потому что вскоре должен был явиться его светлость и сопроводить нас в свое поместье, находившееся недалеко от Льено.

Папеньке граф обещал богатую рыбалку, до которой мэтр Ламбер был охоч, матушке — конную прогулку, домашний театр и веселый вечер. Мне обещали, что скучать не позволят. Не я, конечно, принимала приглашение — его принял папенька, сказав нам об этом с матушкой. Мадам Ламбер пыталась было высказаться против, но быстро сдалась под грозным папенькиным взглядом и обещанием:

— Уедем вдвоем с Адой.

А теперь, после того как я прочла последнее послание от «охотника за бабочкой», мое желание побывать в поместье графа возросло в разы, потому как предвиделся мне другой неприятный разговор. И хоть я ни в чем не была виновата перед Эдит, но обвинить меня она могла, словно Дамиан не отверг бы ее устремлений, не будь меня. И тем более я радовалась, что в поместье мы пробудем три дня. Возможно, за это время Эдит успокоится и сможет разумно обдумать произошедшее.

Когда я спустилась к завтраку, папенька и матушка уже были одеты и готовы к выезду. Ждали лишь меня и его светлость, который обещал лично заехать за нами.

— Ада, ты чудесно выглядишь, — сказал папенька, целуя меня в лоб. — Свежа и хороша, господин граф будет очарован.

— Он и так очарован, — немного враждебно отозвалась матушка. — Чтобы очаровать графа, много не надо.

— Твоего лейтенанта тоже, — парировал мэтр Ламбер. — Только не вижу прока от такого мужа. Аде придется неизвестно сколько сидеть на берегу, пока он будет носиться за

пиратами по морю. А не приведи Всевышний, война? Покалечат, убьют — так и вовсе будет вдова.

— Что вы такое говорите, папенька, — пролепетала я, хватаясь за сердце. — Как можно допускать такие мысли?

— А как можно быть твоей матушкой? — возмутился папенька. — Несколько месяцев назад она мне доказывала, как хорош граф Набарро, чуть ли не с пеной у рта. А как только он и правда показал себя не пустяшным человеком, так у мадам Ламбер уже новый фаворит, а граф стал немил.

— Если бы мой фаворит объявился еще тогда, я бы сразу была за него, — ответила матушка и промокнула рот салфеткой. — Ансель, нашей девочке нравится Дамиан.

— Нашей девочке полезней будет Онорат, — отчеканил батюшка.

«И только никто не удосуживается спросить, чего же хочу я», — вспомнила я слова господина Литина и была вынуждена признать, что мы, дети своих родителей, не принадлежим себе. И если Дамиан может позволить себе отказываться от женитьбы и невест, то у меня таких шансов меньше. Папенька прислушивается ко мне, когда сам недоволен матушкиным кандидатом. Но вот пожалуйста — его жених устраивает, и папенька уже лучше меня знает, кто мне подойдет. Впрочем, если помнить о разумных доводах, то папенька, несомненно, прав в своем выборе.

Родители еще некоторое время спорили, но оборвали все разговоры, как только доложили о прибытии его светлости. Онорат ждал нас в гостиной, куда первым удалился папенька, оставив нас с матушкой наедине, чем мадам Ламбер и воспользовалась. Она стремительно пересела ко мне поближе.

— Ада, ты же не позволишь себя увлечь всей этой прогулкой? — шипящим шепотом спросила она.

— Матушка, о чем вы? Папенька изволит развлечься и берет нас с собой, я так эту поездку и воспринимаю, — ответила я и выпила последний глоток чая. После промокнула уголки рта салфеткой и поднялась из-за стола.

— Ты так и не сказала, к чему вы вчера пришли с лейтенантом Литином, — матушка поднялась следом за мной.

— Господин королевский лейтенант увлечен ловлей бабочек, — невозмутимо ответила я. — Я же предпочитаю не порхать в облаках.

— Каких бабочек? — опешила мадам Ламбер. — Ах, это метафора такая. — Затем оправила мне платье. — Меньше благоразумия, дочь, больше сердца. Но без глупостей!

— Матушка, — я покачала головой и покинула столовую, спеша присоединиться к батюшке.

Он и господин граф разговаривали, стоя у камина. Как только я вошла, разговор прекратился, и Онорат улыбнулся, глядя на меня. В его глазах плескалась радость от встречи, это было заметно с первого взгляда. Затем он направился ко мне, и я присела в книксене.

— Доброго дня, прекраснейшая, — сказал его светлость и завладел моей рукой, чтобы прикоснуться к ней губами. — Как же я рад видеть вас. Даже день, проведенный вдали от вас, подобен смерти.

— Однако вы хорошо выглядите для покойника, после одного дня, что не посещали нас, — улыбнулась я, и Онорат легко рассмеялся.

— Надежда на то, что я увижу вас, Ада, вернула меня к жизни, — ответил мужчина, не сводя с меня сияющего взгляда, и я смутилась.

Граф Набарро выпустил мою руку и отступил; я едва сдержала вздох облегчения. В гостиную вплыла матушка, на ее лице застыла непроницаемая маска, показывавшая, что ей вся эта затея не по душе. Онорат учтиво склонил голову и поцеловал ей руку, сделав вид, что не заметил матушкиной грубости. Мне стало за нее стыдно, и я сама взяла графа под руку, чтобы сгладить неприятный эффект.

— Молодец, Дульчина, действуй в том же духе, — услышала я папенькин приглушенный голос, — и Ада сама сделает разумный выбор.

Я обернулась и успела увидеть, как вспыхнула матушка, осознав слова папеньки, сердито взяла его под руку, и родители последовали за нами с графом.

— Я приложу все усилия, чтобы вы не заскучили, — тихо сказал мне его светлость.

— У меня нет повода сомневаться в ваших словах, Онорат, — ответила я, улыбнувшись.

У ворот нас ждала карета графа и два коня, статью которых я залюбовалась. Даже не смогла отказать себе в удовольствии и подошла к ним, с восхищением разглядывая. Спросив разрешения, я с огромным удовольствием погладила одного по лоснящемуся боку и только тут заметила, что седло на нем дамское.

— А кто же поедет на этом прекрасном жеребце? — спросила я, продолжая его гладить.

— Вы, — улыбнулся граф немного самодовольно. — Это ваш конь.

— Вы дарите мне этого красавца? — поразила я и от неожиданности хлопнула в ладоши, как дитя.

Однако быстро спохватилась и смутилась, услышав смех графа.

— Нет, что вы, Онорат, — ответила я. — Я не могу принять такой дорогой подарок. Но не откажусь от удовольствия прокатиться на нем. Правда, наездница я неважная.

— О, нет, Ада, мой подарок — всего лишь желание угодить вам и не более, — поспешил меня заверить молодой человек. — Он ни к чему вас не обязывает, как вы могли такое подумать!

В этот момент подошли папенька с матушкой. По лицу мэтра Ламбера я поняла, что он знал о готовящемся подарке и одобрил его, потому что сейчас папенька широко улыбался, переводя взгляд с меня на графа.

— Прекрасный жеребец, — воскликнул папенька. — Достойный подарок от достойного человека.

— Подарок? — матушка восторгалась. — Ада не может принимать такие подарки от постороннего человека, это неприлично. Если бы дар был от жениха, а уж тем более мужа, но приятель отца... Нет, это повлечет пересуды, — категорично закончила она.

Я склонялась к тому же, потому в этом вопросе приняла сторону матушки, повторив:

— Нет, Онорат, я не могу принять такой богатый дар.

— А я могу, — отчеканил папенька, и граф вновь заулыбался.

— Быть по сему, — сказал он. — Примите от меня в подарок, Ансель, сего жеребца. Надеюсь, и Ада не откажется хоть иногда прокатиться на нем.

— Не откажется, — заверил его папенька. — Моя дочь любит лошадей. А от этого красавца у нее уже глазки горят. — Он постучал тростью, на которую опирался, по носку сапога. — Однако недурно бы и в путь.

— Без сомнений, — поддержал его граф и приготовился помочь мне сесть в седло.

— Верхом?! — воскликнула матушка таким тоном, словно под моими ногами разверзлась преисподняя. — Это невозможно. Ада, в карету!

— Дульчина! — папенька редко повышал на матушку голос принародно, только когда

всерьез злился на нее. — Уймись и иди в карету, — велел он.

Матушка порывалась еще что-то сказать, но мэтр Ламбер недвусмысленно указал ей на распахнутую дверцу, и матушка подчинилась, бросив на меня предостерегающий взгляд. Она просто не желала оставлять нас с графом наедине, это я поняла сразу.

— В путь, — велел папенька и тоже скрылся в карете.

Я же поставила носок туфельки на подставленные руки графа, но неловко покачнулась, когда опора под ногой ослабла, и едва не упала, однако меня подхватили. Чьи-то руки сжали меня слишком откровенно для простой поддержки, и сердитый голос, разом выбивший из меня воздух, произнес:

— Кто же так руки ставит? — и после этого обратился ко мне: — Вы не испугались, Ада? — Теперь голос его сочился теплотой, и от того я вовсе лишилась дара речи, просто покачав головой. — Надеюсь, конь без норова? — строго спросил господин лейтенант, взявшийся из ниоткуда, и, получив утвердительный ответ от его светлости, вновь обратился ко мне: — Я помогу вам.

И я взлетела в седло, даже толком не успев понять, как это произошло.

— Откуда вы тут взялись? — не удержалась я от вопроса.

— Откуда бы ни взялся, мое появление оказалось кстати, — чуть насмешливо ответил господин Литин, но тут же пояснил: — Мне стало известно, что вы покидаете Льено; хотел пожелать вам приятной прогулки. Рад, что успел вас застать.

Конечно, это происки матушки, откуда же еще господин королевский лейтенант мог узнать о нашем отъезде? Только от мадам Ламбер. Я бросила укоризненный взгляд на карету.

— Мое почтение, — прохладно сказал Дамиан графу Набарро, чуть склонив голову. Затем задержал на мне взгляд. — Вы надолго улетаете, милая бабочка?

— На три дня, — пролепетала я, чувствуя ужасную неловкость от такого интимного обращения.

— Я буду ждать вашего возвращения, — ответил Дамиан, улыбнулся мне и удалился.

Невольно проводив взглядом его широкоплечую фигуру, я обернулась к графу и заметила, что щеки его зарумянились, а на скулах ходят желваки.

— Онорат, я жду вас, — позвала я.

Его светлость легко прыгнул в седло и виновато посмотрел на меня.

— Простите меня, Ада, не знаю, как такое вышло.

— Вы просто волновались, и я без страха доверюсь вам снова, — с улыбкой ответила я.

— Однако вышло крайне неловко, — негромко произнес Онорат. — Я заглажу свою вину.

— Ах, оставьте, — отмахнулась я и тронула поводья.

Граф догнал меня, карета двинулась следом, и мы начали наш путь в загородное поместье его светлости. Я старалась не замечать любопытных взглядов, которые бросали на нас горожане. Не так часто девушка из нашего сословия следовала верхом, да еще и в сопровождении мужчины. Дворяне себе подобное позволяли, но среди среднего класса для передвижения женщины подразумевался экипаж. Но ежели папенька одобрил, то я не видела смысла отказывать себе в удовольствии прокатиться верхом. И теперь ждала, когда же Льено останется позади, чтобы можно было пришпорить коня и промчаться по дороге... хотя бы рысцой; галопировать для добропорядочной девушки, даже дворянки, — дурной тон. Не могу сказать, кто придумал это, но я и так уже подошла к пределу дозволенного, чтобы нарушать еще одно правило.

— Вы прекрасно держитесь в седле, Ада, — произнес Онорат, глядя на меня.

— Лесть ни к чему, — негромко рассмеялась я. — Я ужасная наездница, но верховую езду люблю и получаю от нее несказанное удовольствие.

— Это заметно по вашим сияющим глазкам, — ответил господин граф, и я смутилась.

Матушка время от времени выглядывала из окошка. Она не спускала с меня глаз, и это доставляло некоторое неудобство. Заметив, как я с досады покусываю губы, граф Набарро заговорщицким тоном сообщил:

— За пределами Льено мы сможем проехать через луга, а ваши родители доберутся по дороге.

— Но это будет неловко, — тут же ответила я, однако соблазн казался велик.

— Мэтр Ламбер мне позволил эту вольность, — с улыбкой добавил Онорат.

— Ежели папенька позволил, то я принимаю ваше предложение, — кивнула я и стала с еще большим нетерпением ожидать городских ворот.

Но и после ворот мы еще некоторое время ехали так же, однако теперь матушка начала еще и окликать меня время от времени. Я чувствовала себя несмышленным дитятей, и эта опека чрезвычайно тяготила. И лишь благодаря папеньке матушка вскоре утомилась, но все равно зорко следила за нашим с графом выездом.

Неожиданно Онорат протянул руку, перехватывая поводья моего коня, и не успела я и ахнуть, как мы сорвались в самый настоящий галоп, уходя влево, и вскоре совсем скрылись из пределов видимости кареты.

— Ада! — матушкин крик донесся эхом.

А я смеялась от восторга, вновь единолично правя своим конем. Это было так великолепно! Если бы не ужасно неудобное дамское седло, то удовольствие было бы полным. Граф не сводил с меня взгляда, и это стало вскоре мешать. Мой смех затих, и я вновь смущенно потупилась, придерживая резвого скакуна. Конь недовольно фыркнул, но подчинился.

— Замечательное животное, — вновь похвалила я, чтобы что-то сказать.

— Он не сравнится с вами, — живо ответил Онорат, и теперь смутился он. — Простите, Ада, я не имел в виду, что сравниваю вас с конем, вас даже сравнивать невозможно... Ах, черт, — вконец запутался молодой человек, и я хмыкнула. — Я сегодня совсем растерян, простите меня великодушно. Едва не уронил, после сравнил с конем... Вы правы, Ада, это все проклятое волнение.

— Давайте пройдемся, Онорат, — предложила я, пряча улыбку. — Здесь так волшебно, совсем не хочется спешить.

— Все, что вы пожелаете, очаровательнейшая, — воскликнул граф и спешил.

После протянул руки, и я скользнула в них. Наша близость оказалась столь тесной, что я поспешила отойти в сторону, благодаря его светлость за любезно оказанную помощь. Мы брели по сочному лугу, держа наших скакунов в поводу. Я молчала, не зная, что сказать, потому просто наслаждалась великолепным днем и теплым солнышком. Граф шел рядом, глядя себе под ноги.

— Мадемуазель Адалаис, — наконец заговорил он. — Вы не будете гневаться на меня за мою смелость?

Я обернулась, вопросительно глядя на Онората и ожидая продолжения.

— В поместье будет моя матушка. Я знаю, что все преждевременно, но мне хотелось, чтобы она познакомилась с вами, — пояснил молодой человек.

— Ваша матушка теперь не одобряет ваших намерений относительно меня, — неожиданно догадалась я.

— Нет, что вы, Ада! — поспешил меня разуверить граф, но я отрицательно покачала головой, показывая, что ложь излишня.

Разумеется, род Набарро пошел на мезальянс в пору начала ухаживаний молодого графа только из-за своего печального финансового состояния. Теперь же, когда Онорат сумел выправить положение, перед ним были открыты иные перспективы, и родня ждала более благородной невесты, чем дочь банкира.

— Зачем же вы не оставили своих намерений, ежели ваша семья желает вам иной судьбы? — спросила я.

— А вы не понимаете зачем? — с грустной улыбкой спросил его светлость. — Я ради этих намерений преодолел предубеждения и стыд, вложенный мне в голову с самого детства. Не побоялся явиться к вашему папеньке с просьбой научить меня и дать совет. И теперь, когда добился определенных успехов, я считаю себя вправе самому выбирать, какую девушку я считаю достойной стать графиней Набарро.

— Вы пытаетесь предупредить меня, что с нами могут быть неприветливы, не так ли? — прямо спросила я.

Онорат остановился и с укоризной взглянул на меня.

— Ада, как вы могли так подумать обо мне? — спросил его светлость. — Единственное, о чем я переживаю, — это воинственный настрой вашей матушки. Что до вашего отца, то он уже бывал в нашем доме и знаком с моей матушкой. Они нашли общий язык и весьма мило общались. Графиня Набарро, моя мать, радушно примет вас и ваших родителей. Но я хочу, чтобы она увидела, насколько вы милая и воспитанная девушка, чтобы ее опасения развеялись окончательно. Только...

— Мадам Ламбер, — усмехнулась я. — Вы опасаетесь, что графиня будет судить обо мне по поведению моей матушки.

— Моя мать — умная и наблюдательная женщина, потому я верю, что о вас она будет судить по вам, а не по мадам Ламбер, — серьезно кивнул Онорат.

Я немного помолчала. Мы вновь двинулись вперед.

— Онорат, — он вскинул голову и посмотрел на меня, — я благодарна вам за вашу откровенность. Я, как и папенька, предпочитаю знать все обстоятельства и условия изначально.

— Я непроходимый болван! — неожиданно воскликнул мужчина, ударив себя по лбу, сократил расстояние между нами и крепко сжал мою ладонь. — Простите меня, ради Всевышнего, простите меня, Ада! Что за разговоры я веду с девушкой, о чьей благосклонности мечтаю уже столько времени?! Не знаю, что со мной делается последнее время, будто разум подводит. Ада, милая, скажите «да» — и для меня не будет ни преград, ни обстоятельств.

Я молчала, не зная, что сказать. Его порыв смутил меня и поставил в тупик. Ответа на чувства молодого человека у меня не было. И если по здравом рассуждении я и готова была дать положительный ответ, то не сегодня и тем более не сейчас. Но, хвала Всевышнему, граф и сам понял свою поспешность.

— Наверное, у вас в жизни столько не просили прощения, сколько я сегодня, — усмехнулся он. — Простите меня в который раз, мадемуазель Адалаис. Я слишком поспешен и признаю это.

— Давайте поспешим к вам в поместье, Онорат, — тихо сказала я. — Родители будут волноваться.

— Вы совершенно правы, Ада, не стоит заставлять волноваться ваших родителей, — ответил его светлость. — Вы доверитесь мне снова?

Он подставил руки. Я улыбнулась и уверенно наступила на них носком своей туфельки. В этот раз все прошло благополучно, и я быстро оказалась в седле. Более не медля, мы направились туда, куда вскоре должны были прибыть мэтр и мадам Ламбер. Господин граф теперь говорил о всяких пустяках, словно хотел стереть из моей памяти наш недавний разговор.

Я рассеянно слушала его, улыбаясь и иногда задавая вопросы. Но, признаться, в этот момент мне думалось: а как бы прошла такая прогулка, ежели б рядом ехал господин Литин? Мне было стыдно перед графом за то, что мысли мои не с ним, но, как ни пыталась не думать о Дамиане, — не выходило. И тело все еще чувствовало, как он держал меня, когда поймал при несостоявшемся падении. И взгляд его, полный тепла и даже нежности, все всплывал и всплывал перед внутренним взором. Это было и стыдно, и страшно, и сладко — думать о том, о ком думать не стоило.

— Ада...

Я вздрогнула и посмотрела на Онората.

— Вы совсем далеко сейчас, — печально улыбнулся молодой человек. — Вам скучно со мной?

— Нет, что вы! — поспешила я его заверить. — Мне приятно с вами.

— Но вы уже некоторое время не слушаете меня, — господин граф смотрел на меня с нескрываемой укоризной.

Виновато улыбнувшись, я вздохнула и постаралась стряхнуть с себя лишние думы, и в конце концов мне это удалось. Облегченно вздохнув, я огляделась и указала графу на огромный странный камень, напоминавший фигуру коленапреклоненного человека. Человек будто склонился к речке, огибавшей Льено, — той самой, из которой меня поднимал Дамиан... О, Всевышний... Тряхнув головой, я сказала:

— Онорат, смотрите, какой забавный камень, будто человек стоит на коленях.

Граф подъехал к нему и поманил меня за собой.

— Вы не слышали легенду о влюбленном великане? — спросил мужчина с улыбкой.

— Никогда, — чистосердечно призналась я. — Я в этих краях не была ни разу. Поведайте мне, прошу вас, — я настолько загорелась идеей услышать эту легенду, что даже сама потянулась и дотронулась до руки молодого человека, сжимавшей поводья.

Граф тут же накрыл мою ладонь своей, но вскоре выпустил, глядя на мое неудобное положение.

— Это печальная история. Говорят, давным-давно, когда в этих краях еще водились феи, здесь обитал великан, — начал Онорат. — Великан был злым и нелюдимым. Он убивал всякого, кто осмеливался вторгнуться в его владения. От чужого запаха он впадал в страшную ярость и крушил всё на своем пути. Но однажды в его землях очутились феи. Они пели и танцевали среди деревьев. Великан, услышав веселый смех, бросился изгонять пришельцев, посмеявших нарушить его покой. Феи успели упорхнуть, и лишь одна подвернула ногу — и великан накинудся на нее. Фея взмолилась о пощаде. Очарованный ее голосом, злой великан пожалел прекрасную фею. Он забрал ее в свое логово, долго лечил и ухаживал. За это время он так сильно полюбил свою гостью, что закрыл в пещере, страшась ее ухода.

— И что же случилось?! — взволнованно воскликнула я, когда граф ненадолго замолчал.

— Фея погибла, — грустно улыбнулся молодой человек. — Она не смогла жить без солнца и свободы. Великан помешался от горя. Говорят, здесь когда-то стояли высокие горы, но несчастный влюбленный сравнивал их с землей в своем безумии. На их месте он похоронил любимую. После сел и горько заплакал. Великан плакал так долго и много, что разлилась река, а сам страдалец обратился в камень, оставшись вечным стражем покоя бедной феи. — Он замолчал, некоторое время глядя на камень, а когда обернулся ко мне, воскликнул: — Ада, в ваших глазках блестят слезы! Я так расстроил вас своей историей?

Я промокнула непрошеную влагу.

— Ах, Онорат, какая грустная легенда. Мне жаль и фею, и великана. Как же это грустно, что влюбленные слепы в своей страсти, — ответила я.

— Оставаться зрячим крайне сложно, милая Адалаис, — усмехнулся господин граф. — Любить так сладко, но так больно, когда твоя страсть не находит ответа. Вы отводите глаза, — на губах мужчины появилась грустная улыбка. — Пустое, Ада, не стоит. Едемте, ваши родители, должно быть, уже достигли поместья, и мадам Ламбер сейчас лично отправится на ваши поиски.

— Матушка и такое может, — улыбнулась я, не глядя в глаза Онорату. — Едемте, вы правы.

Я бросила на камень последний взгляд, и мы тронули поводья. Теперь граф молчал, задумчиво глядя перед собой. Я не смела нарушить его молчание, чувствуя вину перед ним за свою холодность, но ведь невозможно приказать сердцу!

— А вот и поместье, — сказал Онорат.

Я посмотрела вперед, и мой взгляд уперся в березовую рощу.

— Это граница поместья, скоро будет небольшая деревня, а за ней наш особняк, — пояснил мне господин граф, и мы прищипорили лошадей.

Когда мы ехали по деревне, я не знала, куда прятать глаза. На молодого господина с... невестой вышли поглазеть люди, и это было неловко. Я вздохнула с облегчением, когда деревня осталась позади. Онорат казался невозмутимым, хотя ему, похоже, данное происшествие доставило некоторое удовольствие. Но вслух он так ничего и не сказал, я тоже.

То, что мы уже недалеко от особняка, я поняла, даже не видя его.

— Где моя дочь? Где моя девочка? — донес до нас ветер матушкино возмущение. — Ансель, найди мне Аду!

— Дульчина, угомонись! — требовал папенька. — Ада с господином графом, он не допустит, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Мадам Ламбер, уж не посмели ли вы себе возомнить, что аристократ, дворянин в пятнадцатом колене позволит себе обидеть девушку? — не менее возмущенно вопрошал незнакомый женский голос.

— О, Всевышний, — прошептала я.

— Сбываются наши худшие подозрения, — усмехнулся граф.

— Простите, Онорат, — виновато произнесла я.

— Здесь нет ничьей вины, лишь мое легкомыслие и желание быть наедине с вами, — ответил молодой человек. — Будем усмирять дракона, — неожиданно весело улыбнулся граф. — Всегда хотел побывать на месте древнего рыцаря.

Я рассмеялась шутке, но через мгновение погрозила мужчине пальчиком. Все-таки этот

дракон — моя матушка. И я снова рассмеялась от подобного сравнения.

Два дня промчались неожиданно быстро. Я опасалась, что буду грустить, но, к моему удивлению, у меня просто не оставалось на это времени. Онорат окружил нас таким разнообразием развлечений, что даже матушка увлеклась еще к вечеру первого дня и ни разу не заворчала и не искала повода, чтобы укорить гостеприимного хозяина. Так что роль драконоборца графу вполне удалась.

Первый день мы больше разговаривали. Онорат, пробыв со мной и обеими матушками до самого вечера, отправился с папенькой на ночную рыбалку. Графиня Набарро оказалась достаточно милой женщиной. И если не считать пытливых взглядов, которые она то и дело бросала на меня, то можно сказать, что мы неплохо поладили. Констанс Набарро развлекала нас рассказами о столичных порядках. И умела она рассказывать так весело, что мы с матушкой только успевали прикрывать рот ладошками, раздражаясь очередным взрывом смеха.

Также графиня посвятила нас в последние модные новинки: она всего месяц как вернулась в Льено, потому могла рассказать гораздо больше, чем Эдит со своим альбомом. А перед сном мы сидели в саду, в большой беседке, увитой плющом, на берегу маленького пруда и пили чай. Обе матушки вели неспешную, но приятную беседу, а я с интересом их слушала. Душа моя отдыхала в полной мере.

Второй день был наполнен событиями. Утро началось с трели какой-то птицы за окном. Это было такое чудесное пение, что я не поленилась встать с кровати, подкрасться к окошку на цыпочках и чуть приоткрыть его, чтобы не спугнуть милую птаху. Птица заливалась, а я слушала, несмотря на утреннюю прохладу, заползавшую в приоткрытое окно.

Затихла она неожиданно. Послышались чьи-то шаги — и птица улетела. Я сердито взглянула вниз. Это был Онорат. Он неспешно шел к дому, неся в руках большой букет полевых цветов. Вдруг он поднял голову вверх, и наши взгляды встретились. Молодой человек покраснел. Он растерянно улыбнулся и склонил голову.

— Доброе утро, чудесное видение, — произнес граф негромко. — Не ожидал, что вы уже проснулись.

— Здесь пела птица, я слушала ее, — смутившись того, что стою у окна в одной сорочке, ответила я.

— Да, я слышал, это было чарующе, — улыбнулся мужчина. — Как вам почивалось?

— Благодарю, у вас очень удобные постели, — ответила я, чувствуя всю глупость своего ответа.

— Позавтракаете со мной? — неожиданно спросил господин граф.

Я прикрылась волосами, после тяжелой шторы и кивнула, спеша скорее привести себя в порядок.

— Я смутил вас, простите, — виновато улыбнулся Онорат. — Буду ждать вас внизу, только переоденусь.

Кивнув, я поспешила закрыть окно и спрятаться в комнате. Вскоре в мою спальню постучала горничная и принесла вазу с теми самыми цветами, что были в руках Онората. Когда она ушла, я склонилась к этому простому, но необычайно красивому букету и вдохнула его аромат. Улыбка сама собой появилась на моих губах.

Вернулась та же горничная с кувшином горячей воды, и я поспешила отойти от вазы.

Она отнесла кувшин в умывальную комнату. От этой картины я почувствовала некоторую досаду и усмехнулась. Надо же, как быстро привыкаешь к новомодным благам. Не так давно мы и дома умывались так же, а теперь не можем представить себе жизнь без водопровода.

Через полчаса я спустилась вниз уже одетая и причесанная. Вдали от города я обошлась простой косой, которую сама заплела и скрутила на затылке, заколов шпильками. Прочь локоны, счастье в простоте!

— Ада, — глаза Онората смотрели с таким обожанием, что я не знала, как себя вести, — как же вы прелестны. — Он поцеловал мне руку, задержав ее у губ, и мои щеки вовсе запылали огнем. — В смущении вы еще прекрасней, — улыбнулся молодой человек, и я сердито отняла руку.

— Будет вам смущать скромную девушку, — ответила я.

Это вышло ворчливо, и вместо извинений я услышала негромкий смешок. Правда, граф поспешил исправить свою оплошность. Он учтиво поклонился и указал на выход из дома. Затем предложил руку, я не стала сопротивляться. Мы вышли на открытую террасу, где уже стоял накрытый стол. Никого, кроме нас с Оноратом, не было видно. Я едва не пожалела о своем согласии.

— Недалеко горничная и лакей, — успокоил меня господин граф, отодвигая мне стул.

— Благодарю, — ответила я, усаживаясь за стол.

Во время завтрака я обратила внимание на усталое выражение лица молодого человека.

— Вы мало спали? — спросила я.

— Вовсе не спал, — ответил он с улыбкой. — Мы вернулись в дом с вашим папенькой незадолго до рассвета. Я пытался уснуть, но не вышло. Вы рядом, это волнует, — Онорат осекся и посмотрел в сторону. — Оделся и решил пройтись. На лугу увидел эти цветы и подумал о вас... Впрочем, лгу, я уже думал о вас, когда увидел цветы.

Разговор вновь принимал неприятный для меня оборот, но положение спасла госпожа графиня. Она показалась в дверях и дружелюбно улыбнулась:

— Доброе утро, мадемуазель Адалаис. Доброе утро, сын мой.

— Доброе утро, матушка.

Господин граф поднялся навстречу матери. Он поцеловал ей руку, она его — в лоб. После Онорат отодвинул стул для графини и призвал горничную, которая поспешила еще за одним прибором. С этой минуты завтрак приобрел иной оттенок, и разговор стал легким и беспечным. Моя матушка присоединилась к нам, когда мы уже заканчивали. Папенька не появился до обеда.

Впрочем, это нам не помешало развлекаться ни в коей мере. Наш единственный кавалер, граф Набарро, повел нас после завтрака на прогулку. На их землях обнаружился теплый ключ, и мы с удовольствием окунулись в него, пока господин граф находился в соседней купальне, отгороженной от дамской глухой перегородкой.

— По местным поверьям, эта вода дает крепкое здоровье, — поделилась с нами графиня, когда мы отдыхали после купания. — А дамам помогает даже в случае бесплодия.

Матушка рассмеялась, я покраснела. После этого была игра в шарады — там же, у источника. Графиня Набарро до того уморительно показывала мыльный пузырь, загаданный ее сыном, что мы все исхохотались, но так и не смогли отгадать. На обед нас уже звали, потому что, увлеченная игрой, наша компания просто забыла обо всем на свете.

Папенька встретил нас у особняка. Он был свеж и благодушен. Мэтр Ламбер восхищенно рассказывал об их с графом рыбалке и хвалился, что обставил «мальчишку» в

количестве и массе улова. Оценить улов мы смогли уже на обеде, который опять прошел оживленно. Папенька все посматривал на меня и подмигивал, я старалась избегать его взглядов, понимая, на что мне намекает мэтр Ламбер. Несмотря на простоту и легкость проводимого времени, я вовсе не была готова немедленно принять предложение графа.

После обеда матушка и графиня отправились отдыхать в давешнюю беседку, а мы с Оноратом и папенькой — на конную прогулку. Мне оседлали моего жеребца — я его уже только так и воспринимала, несмотря на то что не приняла подарка. Звали его Стремительный Ветер, и жеребец в полной мере оправдывал свое прозвище, унося меня вперед мужчин под мой радостный смех.

— Ада! — кричал вслед отец. — Будь осторожна, мне твоя матушка голову с плеч снимет.

— Папенька, я осторожна! — крикнула я, но коня стала придерживать.

Граф догнал меня первым. Глаза его горели возбуждением.

— А вы азартны, Ада, — весело воскликнул он. — Неожиданно. Не подозревал, что вас бурлят такие страсти.

— Вы мало что знаете обо мне, Онорат, — рассмеялась в ответ и снова пришпорила Стремительного.

— Тем больше я хочу узнать вас, прелестнейшая, — крикнул мне вслед молодой человек и помчал следом.

Папенька отстал от нас. Он единственный из нас троих, кто не получил должного удовольствия от скачки. Мэтр Ламбер ворчал и досадовал на нашу молодость.

— Ах, папенька, вы так говорите, словно сами не были молоды, — упрекнула я его с улыбкой.

— В том-то и дело, дитя, был! — ответил папенька. — А теперь мои кости не готовы трястись в седле, им привычней, когда я сижу в удобном кресле.

А вечером нас ждал обещанный театр. С той лишь разницей, что актерами были мы сами. Это оказалось так увлекательно! Графиня подобрала любопытную сценку, где нашлись роли ей, Онорату и мне. Папенька с матушкой наслаждались действием «из зала». Сначала мы закрылись втроем и репетировали. Хитрая женщина взяла на себя роль богини, а нам достались роли двух влюбленных, которые поссорились, а богиня вновь свела их вместе и повенчала. Я ужасно смущалась вначале. Но потом графиня уговорила меня, что это всего лишь роль, и я с неожиданной легкостью увлеклась игрой.

Горничная принесла венок, который мне надели на голову. Графа замотали в ткань на манер древних мужских одежд. Так же облачилась и его матушка, надев еще на голову богатую диадему.

— У вас отлично получается, Ада, — подбодрил меня Онорат.

— Я ужасно волнуюсь, — призналась я.

— Я рядом и всегда помогу вам, — шепнул мужчина, целуя мне руку.

Смутившись, я потупилась, но руку не отняла. Так мы и вышли на импровизированную сцену. Занавес, устроенный из штор, снятых в гостиной, открыли, и сценка началась. Было заметно, что такие домашние представления для молодого графа и его матери не новы, они держались уверенно. Я же сначала стеснялась и говорила тихо, особенно теряясь, когда наши с Оноратом руки встречались. Но и я все-таки сумела расслабиться, видя улыбки родителей, и в конце, когда мы с графом стояли на коленях перед богиней, лицом друг к другу, и наши пальцы сплелись, я даже не опустила глаз. Это было сродни волшебству, в которое я

погрузилась. И когда лицо Онората стало неожиданно близко, я даже не отпрянула. Но громкий крик матушки «Браво!» привел меня в чувство.

Я сразу смутилась — и волшебство закончилось. Но до того момента, пока мы не разошлись по спальням, еще долго обсуждали нашу сценку и хвалили больше всего меня. Под впечатлением от увиденного матушка села за рояль и исполнила несколько лирических романсов. Голос у мадам Ламбер был дивным, у меня так красиво петь не получалось, что являлось причиной некоторой зависти.

— Дульчина, да вы просто чудесно поете! — воскликнула графиня, вставая рядом с инструментом. — Спойте дуэтом.

У графини Набарро оказался приятный, низкий, хорошо поставленный голос. Заслушавшись, я упустила момент, когда граф оказался совсем рядом, и очнулась только тогда, когда он начал целовать мои пальцы, пользуясь тем, что нас никто не видит.

— Онорат, — прошептала я, освобождая руку из захвата, — что вы? Нас же могут увидеть.

— Простите, — на его лице мелькнула тень досады. — Это был великолепнейший день, я... увлекся.

— Да, день был замечательным, благодарю вас, — улыбнулась я и встала. — Однако я устала и хочу пойти в спальню.

— Доброй ночи, Ада, — ответил молодой человек, и по его губам скользнула странная усмешка, будто он насмеялся над собой.

— Простите меня, — прошептала я. Затем громко попрощалась со всеми и удалилась, спеша скрыться за дверями от чужих чувств, так и не пробивших броню моего сердца.

Горничная графа помогла мне подготовиться ко сну и оставила одну. Я легла на нагретые жаровней простыни. Хоть на улице и не было прохладно, но хозяин дома озаботился, чтобы нам было приятно ложиться в теплую постель. Повернувшись на бок, я смотрела в окно на раскачивающуюся тень дерева и пыталась вызвать в своей душе хотя бы отголоски нежности к Онорату. Он заслуживал того, чтобы его любили...

Но стоило мне открыть свое сердце, как перед внутренним взором вновь и вновь всплывали совсем иные черты, и душу ранили глаза, что были чернее безлунной ночи. Я спешила отвернуться на другой бок, надеясь, что тогда видение исчезнет, но Дамиан преследовал меня. Устав бороться с собой, я выбралась из постели, подошла к окну и села на подоконник. Мой взгляд устремился к далекому черному небу, на котором мерцали холодные, но ослепительно-прекрасные звезды.

Я вспомнила наш последний разговор на берегу лесного озера, на уста сама собой скользнула мечтательная улыбка, и с губ сорвался то ли шепот, то ли тихий стон:

— Дамиан...

Испугавшись смелости своих помыслов, я опустила взгляд вниз и вздрогнула. Там стоял Онорат и смотрел на меня, странно и жадно. Осознав, что на мне сейчас нет ничего, кроме ночной сорочки без рукавов, я охнула и поспешила покинуть окно, чувствуя, как пылают мои щеки.

Я спряталась за шторой, а когда выглянула, графа уже не было. До чего же стыдно вышло... Вернувшись в постель, я натянула одеяло до самых глаз и зажмурилась. Вновь и вновь я вспоминала взгляд нашего радушного хозяина и боялась думать, что представлял он в этот момент. Но стоило только немного успокоиться, как меня закружил в сладком вихре мечтаний господин королевский лейтенант. Устав от этих метаний, я снова встала, оделась и

выскользнула из отведенной мне спальни.

Дом уже погрузился в сон. Не слышно было ни шороха шагов, ни приглушенного журчания человеческого голоса — только мерное тиканье больших напольных часов да шепот листьев за окнами. Я кралась, словно мелкий воришка, стараясь, чтобы под ногами не скрипнула половица. Мне хотелось выбраться на свежий воздух и хоть там обрести покой, вдохнув ночную прохладу полной грудью.

Двери оказались не заперты, и я выскользнула на улицу, прикрыла глаза и подставила лицо уже прохладному ветерку. Кожа постепенно перестала пылать от раздиравших меня мыслей. Немного успокоившись, я решила и сошла с каменных ступеней, спеша отойти дальше от дома, чтобы меня не застали за столь возмутительным занятием, как ночная прогулка незамужней девушки.

Когда особняк скрылся за деревьями, я сбавила шаг и побрела уже спокойно, прислушиваясь к звукам ночного поместья. Ноги принесли меня к той самой беседке на берегу маленького пруда, где давеча матушка, графиня и я пили чай, разговаривая о всяких пустяках. Я уже практически подошла к ней, когда до меня донесся одинокий мужской стон, исполненный страдания и горечи.

Я остановилась, страхась сделать следующий шаг. Сожаления об опрометчивом решении выйти из-под защиты графского особняка уже посещали мою вздорную голову, и я сделала шаг назад. Но стоило мне развернуться, чтобы убежать обратно, как меня остановил полный изумления голос:

— Ада? Вы? Здесь? Сейчас?

Обернувшись, я вздохнула с облегчением и обреченностью одновременно. Это был сам граф Набарро. Смущенно потупившись, я тихо произнесла:

— Не думайте обо мне дурно, Онорат. Это нехорошо, я знаю, но мне казалось, что я уже никого не встречу в такое время.

— Что вы, как я могу думать дурно о вас? — ответил молодой человек и посторонился, давая мне пройти в беседку.

— Я, пожалуй, вернусь в дом, — сказала я, не решаясь остаться с ним наедине.

— Прошу вас, — граф подошел ко мне и взял за руку, — я не сделаю вам худого, только не вам, Ада. Побудьте со мной немного, просто посидите рядом, о большем и не мечтаю.

Онорат горько усмехнулся, и мое сердце сжалось от боли. Кивнув, я прошла в беседку, но, прежде чем моя нога переступила порог, я обернулась и посмотрела на графа:

— Только обещайте, что никто не узнает, что мы были с вами ночью наедине. Умоляю. От этого может пострадать мое честное имя.

— Мне умереть проще, чем опозорить вас, — ответил молодой человек, и я поверила, шагнув в темное нутро беседки.

Усевшись на скамейку, я сложила руки на коленях и потупила взор. Прогулка обернулась вовсе не тем, чего мне хотелось, лишив желанной тайны и одиночества. Граф некоторое время стоял на входе, глядя на воды пруда, которые отражали рождавшийся месяц. Затем обернулся, скинул с плеч сюртук и подошел ко мне, укрывая меня от ночной прохлады. Я благодарно кивнула, но так и осталась сидеть, не глядя на него.

— Приятная ночь, почти безветренная, — сказал Онорат, скорей для того, чтобы нарушить тишину.

— Да, чудесная, — ответила я и снова замолчала.

— Что заставило вас покинуть теплую постель в столь поздний час? — граф обернулся

ко мне, и теперь я чувствовала его взгляд.

— Не спалось, — я пожала плечами. — Захотелось пройтись в одиночестве.

Онорат помолчал, но я понимала, что нас ждет объяснение, и это тяготило и приводило в уныние. Я совершенно не представляла, что смогу ответить на его просьбу руки и сердца в очередной раз, но то, что сказал молодой человек, выбило из меня весь воздух, оставив задыхаться от бессилия.

— Я умираю без вас, Ада. Это такая пытка — любить безответно, — тихо произнес граф, глядя на мой профиль. Но уже через мгновение горячие мужские ладони обожгли мне запястья.

Молодой человек порывисто встал, вынуждая встать и меня, и я оказалась сжата в сильных объятьях.

— Опомнитесь, Онорат, прошу вас! — воскликнула я, упираясь ладонями ему в грудь. — Что вы делаете?

— Ах, кабы я сам знал, — ответил он. Глаза графа блеснули в темноте так, будто он был в горячке. — Ада, Ада, Ада — вот всё, о чем я могу думать. С тех пор, как я вновь встретил вас, всё валится у меня из рук. Все мысли мои только о вас, Ада. Это невыносимо и так больно. Почему вы совсем не видите меня? Почему не слышите моей мольбы?

— Онорат, вы не в себе, успокойтесь, прошу вас, — взмолилась я, не оставляя попыток освободиться от сжимавших меня рук.

Мужчина неожиданно рассмеялся. Это был страшный смех, злой и издевательский.

— Не в себе, жестокая Ада, как же вы правы! Я горю в огне своей проклятой, никому не нужной страсти! Сгораю и вновь восстаю из пепла, чтобы сгореть без остатка при виде вас. Но вы не видите, не желаете видеть моих страданий, вы поглощены этим воякой. И не говорите, что это не так, я видел, что делается с вами, стоит Литину оказаться рядом! — почти выкрикнул он, словно обвиняя меня.

— Опомнитесь, господин граф! — воскликнула я, мечтая сейчас оказаться в Льено, в своей комнате, только бы не видеть этого горящего взгляда, только бы не слышать этих пронзительных слов.

— Это вы опомнитесь, мадемуазель Ламбер, — зло отчеканил Онорат. — Такие, как он, не могут любить. Красивые, сильные, опасные — и этим такие притягательные для юных и наивных девушек. Он хищник, Ада, коварный хищник, который заставит вас плакать. Моя же любовь несет в себе лишь обожание, услышьте меня, Ада! Услышьте...

Мужчина вдруг опустился на колени, перехватил мои ладони и прижался к ним обжигающе горячей щекой. Меня трясло, словно в лихорадке. Я не знала, что мне делать и что сказать. Но менее всего мне хотелось, чтобы эта пытка продолжалась.

— Будьте моей, Ада, — простонал Онорат и вскинул на меня глаза. — Будьте моей, и я все сделаю, чтобы вы были счастливы. Любой ваш каприз, малейшее желание, я выполню всё, только не отталкивайте меня, позвольте ввести вас в собор и назвать своей. Ада...

— Немедленно встаньте, — взмолилась я. — Поднимитесь с колен, прошу вас, я того не стою. Зачем вы терзаете себя и мучите меня? Онорат, умоляю, встаньте, и прекратим этот разговор.

— Вы любите его? — неожиданно спросил мужчина, все еще глядя на меня снизу вверх.

— Я не знаю! — вскрикнула я и попыталась отвернуться, чтобы спрятать непрошенные слезы.

Граф поднялся с колен, хмуро взглянул на меня, но лицо его вдруг исказилось, и я

оказалась вновь сжата в его руках.

— Вы правы, мы здесь одни. Сейчас ночь, и стоит лишь придать огласке, что мы провели вместе время... Или, — он казался совсем безумным — такая жуткая улыбка искривила губы дворянина, — я ведь могу прямо сейчас овладеть вами, и тогда вы не сможете мне отказать.

— Нет! — закричала я, изо всей силы пытаюсь его оттолкнуть.

Паника охватила меня, слезы обиды и горечи жгли глаза. Неужели он способен? Неужели аристократ и такой благородный и воспитанный мужчина опустится до насилия, чтобы получить желаемое?! Мой всхлип отрезвил графа. Он отшатнулся от меня и упал на скамейку, схватившись за голову.

— Всевышний, что я творю, что говорю, о чем думаю? — прошептал Онорат. — Я больше не могу так, Ада. Не могу! — Он вскинул голову и посмотрел на меня взглядом, от которого моя душа, минуту назад готовая возненавидеть этого человека, наполнилась жалостью. — Это такая невыносимая пытка. Я ведь полюбил вас с первой минуты, как увидел. Если бы ваш папенька тогда сказал, что не даст за вас ни сантала, я бы с радостью ответил, что мне важны вы, а не ваше приданое. Я ходил к вам лишь с единственной целью — чтобы видеть вас. Но когда мэтр Ламбер отказал мне, а вы не поверили в мои признания, я был как в горячке и написал вам то ужасное письмо. Мне казалось, что преисподняя разверзлась под моими ногами. Первые дни мне просто не хотелось жить. Но однажды утром я проснулся и решил, что докажу вам и вашему отцу, что деньги я могу заработать и сам, что мои чувства искренни. Моя душа вновь наполнилась надеждой, и каково же мне было обнаружить, когда я снова начал свой путь к вашему сердцу, что оно уже занято. Я ревную вас, Ада, я так безумно ревную вас к этому мужчине, что готов вспомнить старый обычай и вызвать его на поединок. И если уж не убрать его с дороги, то умереть и более не страдать.

Я вскрикнула от ужаса, услышав эти слова. Бросилась к нему, схватила за руку и взмолилась:

— Не надо, Онорат, нет-нет, вы не посмеете так поступить. Дамиан — военный, он опытней вас в обращении с оружием. Я не хочу, чтобы вы дрались из-за меня. Я не переживу, если стану причиной чьей-либо смерти! Оставьте эти мысли, ради меня оставьте!

Граф поднялся со скамьи, сжал мои пальцы, которыми я вцепилась в его ладонь, и поднес к губам, бережно целуя. Затем взглянул в глаза, протянул руку и убрал с моего лица волосы. Ладонь мужчины замерла на щеке, в глазах вновь зажегся фанатичный блеск, и лицо графа оказалось неожиданно близко. Но в последнюю секунду он чуть уклонился, и его губы прижались к моей щеке.

— Ох, Ада, ваша близость — пытка для моей больной души, — мучительно простонал Онорат, захватил мое лицо в ладони и покрыл его быстрыми и горячими поцелуями, не трогая лишь губы.

Я стояла ни жива ни мертва, боясь пошевелиться. Но он сам остановился и отпустил меня, шагнув в сторону. Поднял свой сюртук и отвернулся.

— Идемте в дом, Ада. Вам пора спать, уже глубокая ночь.

Я лишь кивнула. Мы покинули беседку и направились к особняку. Там граф ушел вперед, проверил, нет ли случайного свидетеля, и лишь после этого я метнулась к дому. Онорат перехватил меня за руку, прижал ее к своим губам и прошептал:

— Спокойных вам снов, боль моя.

Не найдя, что ответить, я прерывисто вздохнула и исчезла за дверями. Плохо помню, как

добралась до спальни. Вновь разделась и легла под одеяло, дрожа и всхлипывая от избытка противоречивых эмоций. Заснуть удалось лишь к рассвету, и сон был беспокойный. Мне все снилось, как двое мужчин сходятся в смертельном поединке, и я то и дело вскакивала, вытирая дрожащими пальцами пот со лба. Нужно было что-то решать, нужно, но, Всевышний, как же это было сложно!

В это утро я проснулась не сама — меня разбудила возбужденная матушка.

— Ада, несносное дитя, уже почти полдень, а ты все изволишь почивать. Вставай уже, нам обещали катание на лодках!

Я открыла глаза и посмотрела на свежую и бодрую матушку. Выбираться из-под одеяла не хотелось вовсе, как и кататься на лодках. Впрочем, больше всего не хотелось встречаться с графом Набарро, так сильно поразившим и напугавшим меня сегодня ночью.

— Я неважно чувствую себя, матушка, — сказала я. — Могу я остаться в доме, пока вы гуляете?

— Что за вздор, дорогая моя, — мадам Ламбер склонилась ко мне, трогая лоб. — Ты здорова, не обманывай свою мать. Что это еще за новости? Вставай! И я не желаю слышать никаких возражений.

Она покинула отведенную мне спальню, и мне пришлось вставать. Приведя себя в порядок, я спустилась вниз, страшись встретить Онората, но попался мне только папенька. Он поцеловал меня в лоб и потрепал по плечу.

— Разоспалась, кроха, — пожурил он меня. — Даже проспала отъезд нашего любезного хозяина.

— Граф отбыл? — я изумленно посмотрела на папеньку.

— Его дела призвали, но его светлость взял с меня клятву, что это не станет поводом для нашего отъезда. Сегодня нас развлекает графиня. С нею же мы и вернемся в Льено, — ответил мэтр Ламбер. — А теперь поспеши, тебя ждет завтрак, а после идем кататься на лодке.

— Хорошо, папенька, — я кивнула и поспешила за горничной, ожидавшей меня.

Я испытывала и облегчение, что сегодня мне не предстоит встречаться с графом, и чувство вины, подозревая, что он покинул поместье из-за ночного разговора. Но еще примешивалась и тревога, потому что я неожиданно вспомнила слова о поединке. А если Онорат в отчаянии решился на этот шаг? Сердце перестало биться, казалось, в одно мгновение. Я остановилась и схватилась за грудь.

— О, Всевышний, — прошептала я, — не допусти.

Мне вдруг представилось, как граф бросает вызов Дамиану, и тот его принимает. Они сходятся и... Онорат убивает господина лейтенанта. Ноги и руки задрожали от этой мысли. Я всё гнала видение бледного лица господина Литина, вида крови на его груди, но добилась лишь того, что застонала и облокотилась о стену. Видение было до того страшным, что слезы потекли из моих глаз помимо воли.

— Мадемуазель, что с вами? — горничная трясла меня за плечо, но я не слышала, надрывно всхлипывая. — Сюда! — закричала она.

— Ада! — ко мне подбежала матушка. — Что случилось? У тебя болит что-то? Ты действительно нездорова?

Подошла графиня с нюхательной солью. От этого резкого запаха я очнулась и захлопала ресницами, непонимающе глядя на собравшихся вокруг меня людей. Усадив меня на стул, папенька покачал головой.

— С чего истерика, дитя? — спросил он.

— Голова болит, папенька, — солгала я и покраснела.

Впрочем, лицо мое и так пошло пятнами от слез, потому мой стыд никто не заметил. Матушка проводила меня обратно в комнату и уложила. Она присела на край постели и задумчиво посмотрела на меня. Я закрыла глаза, чтобы спрятать смятение, — уж больно был проницательным взгляд матушки.

— Что у вас с графом произошло? — строго спросила мадам Ламбер. — Он приходил к тебе ночью? Прикасался? Или... — она прикрыла рот ладонью, стремительно побледнев. — Он... Ада, он тебя...

— Нет! — вскрикнула я, вскакивая. — Ничего подобного, матушка!

— Но тогда, — матушка заметно успокоилась, — что это была за истерика? Дамиан? Ты тоскуешь о господине королевском лейтенанте?

— Матушка, о чем вы?! — вознегодовала я. — Я ни о ком не тоскую, оставьте ваши намеки.

На устах мадам Ламбер появилась лукавая улыбка. Она прищурилась и покачала головой.

— Твой недуг легко лечится, дитя мое, — подмигнула матушка и покинула комнату. — С Адой все в порядке, — услышала я ее голос. — Констанс, нам эти недомогания хорошо знакомы.

— Ах, вот в чем дело, — в голосе графини, находившейся за дверью, я услышала облегчение и улыбку. — Тогда мы можем оставить девушку дома, а сами отправимся на реку.

Я отчаянно покраснела, когда поняла, что они говорят о женских недомоганиях. Ох, матушка... Иногда изобретательность мадам Ламбер меня изрядно коробила. Однако возмущение матушкиной выдумкой меня отвлекло от нехороших мыслей, и я, когда мои родители с графиней покинули дом, позвала горничную. Она принесла завтрак, до которого я так и не добралась, в комнату. Пока горничная отсутствовала, я сходила в графскую библиотеку, выбрала себе книгу и с удобствами расположилась в отведенной мне комнате.

Ближе к обеду я выбралась на террасу. Заняла плетеное кресло-качалку и продолжила чтение. Так я проводила время, пока не вернулись чета Ламбер и графиня Набарро. Они порадовались, что мне стало лучше, чем всколыхнули прежние тревоги, от которых я вовсе сумела переключиться на мир древних богов и героев, описанных в книге. Мы пообедали и, к моей вящей радости, стали собираться в Льено. Обратно я ехала в карете, а на Стремительном скакал папенька.

Дамы вновь вели беседу, в которую я не спешила вмешиваться. Мои мысли витали далеко отсюда, тревога разбередила сердце, и было страшно услышать о трагедии. Пугало меня и то, что мог пострадать Онорат от своей горячности. Уж больно его лихорадило ночью. Граф выглядел скорей как помешанный. Вновь чувство вины кольнуло сердце, но я отогнала его, сядя на себя и свою совесть.

Графиня несколько раз пыталась разговорить меня, но матушка была настороже и отвлекала ее, когда видела, что я не настроена на беседу. И все же я искренне поблагодарила женщину, когда экипаж подъехал к нашему дому, за заботу и гостеприимство. Она улыбнулась и сказала, что будет рада снова видеть нас. На этом мы и расстались.

— Наконец-то дома! — воскликнула матушка, откидывая шляпку. — Однако права народная мудрость — в родных стенах дышится легче.

— А мне все понравилось, — ответил папенька и удалился в свои комнаты.

— Было мило, — согласилась я и ушла к себе.

Первым делом я позвала Лили, широко улыбку при виде меня.

— Мадемуазель Ада, с возвращением, — сказала она и по-простому расцеловала меня в щеки.

Лили появилась в нашем доме, когда мне исполнилось семь лет, сменив няньку, вышедшую замуж за нашего садовника. Поначалу я боялась женщину такого огромного роста и телосложения. К тому же ее привычка ворчать и вовсе заставляла меня плакать первое время. Это едва не стоило Лили места. И тогда мне стало жаль ее. Взяв себя в руки, я смогла подружиться с ней, и с тех пор Лили меня опекала.

— Я тоже рада вас видеть, — улыбнулась я. — Какие новости в городе? Не случилось чего в наше отсутствие?

Женщина разбирала мои вещи, а я затаила дыхание, ожидая ее ответа. Лили что-то проворчала себе под нос, затем обернулась ко мне.

— Да что в этом болоте случится? Не столица, чай, — наконец ответила она. — Ах, да, приходила ваша подруга. Но, узнав, что вас нет в городе, ничего передавать не стала. Больше ничего не было.

— Благодарю, — улыбнулась я, чувствуя и радость, и досаду.

Эдит приходила, этого следовало ожидать. Однако радость, что никакие потрясения не коснулись Льено, была несоизмеримо больше. Поединок — вещь редкая в нашем королевстве, в Льено практически невозможная. Если бы кто-то удумал драться, то об этом бы уже гудел весь город. Но еще была у меня одна затаенная мысль... Отчего-то мне казалось, что Дамиан непременно должен был оставить послание. И теперь я испытывала еще и разочарование.

— Вы кушать будете? — спросила меня Лили, вырывая из размышлений. — Кухарка приготовила ваши любимые пирожные.

— Тогда мне чай и пирожных, — решила я. — Я буду в саду, Лили.

— А мне бегай за вами, — проворчала женщина и ушла.

Я прихватила свою книгу, вышивку и направилась в сад, решив сначала заняться рукоделием. Лили вернулась, когда я, расположившись на скамейке, как раз подготовила нити. Она поставила рядом со мной поднос, скользнула взглядом по книге и потерла лоб.

— Ох, голова моя дырявая, — сказала она. — Вам же тут книгу прислали. Сейчас принесу.

— Книгу? — удивилась я ей вслед. — Как интересно.

Женщина вернулась спустя четверть часа, когда я уже изнывала от любопытства. Она вынула небольшой томик стихов из глубокого кармана своего передника и вручила мне.

— Кто отправитель? — спросила я.

— Посыльный принес, сказал: для мадемуазель Ламбер, — ответила она и ушла.

Я с интересом открыла первую страницу. Никаких надписей, которые могли бы хоть что-то прояснить, там не оказалось, как и в конце. Зато имелись пометки, или даже, лучше сказать, подчеркнутые буквы и знаки. Эти пометки растянулись практически на всю книгу. Они располагались не на всех страницах подряд. Так же были отмечены номера строк. Это было весьма странно.

— Хм, — задумчиво произнесла я. — Что это за шутки?

Однако уже через десять минут я направилась в дом, когда из первых букв сложилось слово, за ним еще одно, и мне потребовалась бумага, чтобы все это записать. Я так увлеклась, что до ужина не покидала своей комнаты. Впрочем, и после ужина я поспешила обратно, чтобы продолжить свое занятие.

Пересмотрев, что у меня вышло, я сделала открытие, что это стихи. Теперь я собирала строфы — тут мнегодились отмеченные цифры, о назначении которых я гадала столько времени. Используя их, я формировала строфы то так, то эдак. Дело пошло быстрее, когда я поняла принцип и захлопала в ладоши от восторга. Закончила я только к тому времени, когда за окном стемнело и Лили принесла зажженные свечи. Удовлетворенно вздохнув, я переписала начисто и перечитала.

*Кто видел бабочки полет?
Когда, порхая над цветами,
Сверкая легкими крылами,
Как будто душу призовет.*

*И сердце полнит восхищенье.
Поет душа, возликовав,
И, бабочкой тебя назвав,
За это не ищу прощенья.*

*Мне облик твой — одна улада.
Его ищу я в небесах.
И замирает на устах
Волшебным слогом имя: Ада.*

Перечитав еще раз, я охнула и упала на стул. Сердце в груди билось так, что, казалось, его стук слышит весь дом. Имя отправителя теперь не было тайной. И как же мучительно сладко было осознать, что я не была забыта за эти дни. А еще грели эти строфы, что были написаны на листе, их смысл и их музыка, все еще звучащая во мне. О, Всевышний, я просто не вынесу этого восторга! Мое бедное сердце разорвется на части!

Пребывая в сильнейшем возбуждении мыслей и мечтаний, я послушно разделась, когда в комнату заглянула Лили, и легла в постель, все еще сжимая в руках лист со стихами. Кажется, я уже знала их наизусть — столько раз перечитала и повторила каждую строчку. Это было так восхитительно, так пронзительно и нежно.

— И замирает на устах волшебным слогом имя: Ада, — прошептала я. — Ада...

Рассмеявшись, я уткнулась лицом в подушку, чтобы скрыть свое маленькое счастье от всего мира. Так я лежала до тех пор, пока не начала задыхаться. После этого развернулась на спину и шумно вдохнула. Стало жарко, и я поднялась с постели, чтобы приоткрыть окно и охладить лицо в потоках ночного ветра. Но ветра почти не было, поэтому я распахнула окно настежь, закрыла глаза и несколько минут стояла так, пытаясь собрать воедино растерзанные Дамианом мысли.

После вернулась в кровать и легла поверх одеяла. Сон незаметно подкрался ко мне, овеял дурманом своего дыхания, веки послушно смежились, и я погрузилась в желанную негу.

— Милая, — его шепот ласкал меня даже во сне, даря отдохновение от волнений прошедшего дня. — Славная моя, нежная.

— Дамиан, — улыбка тронула мои губы, и тут же жар поцелуя ожег руку.

Глаза мои распахнулись, и я едва не закрычала, встретившись со взглядом черных, как безлунная ночь, глаз. Ладонь господина королевского лейтенанта накрыла мой рот.

— Тише, Ада, я не причиню вам зла, — прошептал он, прикладывая палец к своим губам. — Не кричите. — Затем взгляд Дамиана переместился на лист со стихами, лежавший рядом со мной. — Вы все-таки поняли и расшифровали, — произнес молодой человек. — Самому мне бы не хватило смелости прочесть вам их, а доверять письму не хотелось. Слишком личное.

Рука мужчины отпустила меня, и я порывисто села, не столько испуганно, сколько изумленно глядя на него.

— Это действительно вы? — прошептала я. — Здесь? Дамиан, как вы осмелились?!

Он протянул мне мое домашнее платье, висевшее на спинке кресла, и отвернулся, давая возможность одеться. О, Всевышний, да что же это такое? За эти дни меня уже двое мужчин видели в одной ночной сорочке, почти голой! Какой стыд! Я сердито натянула платье, завязала кушак и скрестила руки на груди.

— Надеюсь, у вас есть веская причина для столь вопиющего поступка, — сурово произнесла я.

— Строгая Ада, — Дамиан склонил голову к плечу и улыбнулся. — Можете меня отшлепать, я не против.

— Господин Литин! — вознегодовала я еще сильнее, даже не замечая, что вдруг перестала его стесняться. — Ваш юмор совершенно неуместен.

— А кто сказал, что я шучу? — усмехнулся молодой человек. — Я сказал, что готов принять от вас любое наказание. Но иного выхода у меня не было. К сожалению, я слишком поздно узнал, что вы уже в городе. Визиты в вечернее время не приняты, а мне было необходимо увидеть вас.

Я молчала, исподволь рассматривая ночного визитера. Сейчас на Дамиане не было сюртука — должно быть, он скинул его перед тем, как лезть наверх. Белая рубашка с широкими рукавами распахнулась на груди, галстук сбился, и я невольно покраснела, рассмотрев негустую поросль черных волос. Однако мои щеки не спас от румянца опущенный вниз взгляд, потому что теперь я беззастенчиво разглядывала узкие бедра и стройные ноги, затянутые в черные брюки, заправленные в невысокие сапоги из мягкой кожи. Сердечко вновь ускорило бег, и я ощутила незнакомое мне волнение.

Когда я подняла взгляд снова на лицо господина лейтенанта, он улыбался, широко и даже как-то радостно. Сердито передернув плечами, я поспешила сбежать к окну, чтобы посмотреть, как же Дамиан влез сюда. Ответ нашелся быстро. Он влез по водосточной трубе, а после прошел по узкому карнизу. У меня сразу похолодели пальцы от осознания, что он мог сорваться и разбиться. Я резко обернулась.

— Вы безумец, зачем вы так рисковали?!

— Я моряк, Ада, мне не привыкать к подобным подъемам, — ответил мужчина. — В училище мы преодолевали более существенные высоты, не берите в голову.

Он неспешно подошел ко мне и встал рядом так, что оказался скрыт от стороннего наблюдателя тяжелой шторой. Я вновь начала смущаться его близости.

— Зачем вы пришли, Дамиан? — спросила я, глядя себе под ноги.

Господин Литин взял меня за руку и поднес ее к губам. Каюсь, мне вдруг захотелось, чтобы он обнял меня, как прошлой ночью обнимал граф Набарро, так же крепко и нескромно. От подобных мыслей я охнула и поспешила отойти, вырвав свою руку из

мужских пальцев. Устроившись в кресле, я выжидающе посмотрела на мужчину. Он отлепился от своего места, вновь приближаясь, после присел передо мной на корточки и опять завладел моими руками, теперь обеими. Дамиан прижал мои ладони к своим щекам и посмотрел мне в глаза.

— Я вынужден покинуть Льено рано утром, — сказал он. — Но я не хочу уезжать, не поговорив с вами, милая бабочка.

— Утром! — воскликнула я и тут же испуганно посмотрела на дверь.

— Я должен явиться в столицу, но постараюсь закончить с делами как можно скорей и вернуться к вам. Но пока меня не будет... Ада, я прошу вас не принимать ничего предложения руки и сердца.

— Вы предлагаете мне остаться незамужней девой? — набравшись храбрости, я посмотрела на него.

— Зачем же, я предлагаю вам стать мадам Литин, Адалаис, — Дамиан с улыбкой смотрел на мое взволнованное лицо. — Но сделать вам предложение как полагается я сейчас не могу потому, что на дворе ночь и меня выгонят втае в такое время. Утром не успею, потому просто прошу вас не торопиться и поклясться, что вы не сделаете важного шага, пока я буду отсутствовать.

Я все-таки отвоевала свои ладони и поджала губы из непонятно откуда появившегося желания идти наперекор.

— А кто вам сказал, господин Литин, что я приму ваше предложение? Господин граф...

— Ах, оставьте, Ада, он вам вовсе не по душе, я же вижу. К тому же, если бы вы благоволили этому аристократу, он бы не явил... — Дамиан осекся, а я впила в него взглядом.

— Онорат был у вас? Зачем он приходил к вам, Дамиан? Говорите же! — потребовала я, но господин лейтенант уже упрямо смотрел на меня.

— Это мужские дела, и вас они не должны тревожить, Ада. Я погорячился, когда сказал то, чего говорить не собирался, и теперь сожалею об этом, — ответил молодой человек и вновь захватил в плен мои руки, сжимая их в своих ладонях.

— Дамиан, немедленно скажите мне, или я завтра же дам ему согласие, — я сама поражалась своей смелости, но остановиться уже не могла. — Я не шучу, Дамиан.

— У вас все равно ничего не выйдет, я не позволю вам стать графиней Набарро, — совершенно нагло заявил мужчина. — За всю жизнь я влюблялся дважды. В девочку с задорными веснушками в юношестве, а затем в девушку с упрямым характером. По странному стечению обстоятельств это одна и та же особа. Неужели вы думаете, что я слепец и не вижу всех этих совпадений? Если судьба так настойчиво указывает мне на вас, я не буду противиться ее воле.

У меня перехватило дыхание от его слов. Всевышний, как такое возможно?! Дамиан Литин говорит, что влюблен в меня! Не увлечен, не симпатизирует, а... Вот так и сбываются мечты чистого детства.

— Но Эдит, — пролепетала я. — Я обещала...

— Какого черта, Ада?! — невозможно рычать шепотом, но у господина королевского лейтенанта это получилось. Он поднялся на ноги и выдернул меня из кресла, накрепко оплетая мой стан руками. — При чем тут Эдит, когда речь о нас с тобой? Я говорю, что люблю тебя, говорю, что в тебе вижу свою судьбу, а ты вновь повторяешь о своем неосмотрительном обещании, которое у тебя вырвали из страха и зависти. Обещаешь? — он

так резко вернулась к своей просьбе, что я едва успела за ходом мыслей мужчины.

— Только если вы мне скажете, зачем к вам приходил граф, — упрямо повторила я.

— Ты меня с ума сведешь! — возмутился Дамиан, блуждая жадным взглядом по моему лицу.

— Скажи, — потребовала я, не замечая, что веду себя так же неучтиво, как мой гость.

Дамиан несколько мгновений смотрел на меня. От его взгляда пересохло в горле, ноги подкосились, и я упала бы, если бы не сильные руки, сжимавшие меня.

— Что ты со мной делаешь, бабочка, — неожиданно хрипло выдохнул мужчина.

Ладонь его легла мне на затылок, лицо стремительно приблизилось, я ахнула, а в следующее мгновение мои губы были смяты в поцелуе. Как я не лишилась чувств в тот же миг, я и сейчас не могу понять. Стыдно признаться: мои руки, словно живя своей собственной жизнью, обвили шею наглеца, и я задохнулась от желания, чтобы эта сладкая пытка никогда не заканчивалась. Дамиан тихо застонал, оторвался от меня ненадолго, жадно вглядываясь в глаза, и вновь атаковал мои губы. Надо было оттолкнуть его, дать пощечину, но я лишь сжала в кулаки ткань его рубашки и попробовала отвечать. Это вышло неловко и неумело, но привело мужчину в восторг. Он вновь оторвался от меня, его глаза светились в этот момент обожанием.

— Бабочка моя, — жарко шептал он, — нежная, милая, смелая. Любимая моя, — все это он говорил, целуя мое лицо, а я едва держалась на ногах. — Обещай, что дождешься. Обещай, что в храм войдешь лишь со мной, обещай!

— Обещаю, — пролепетала я. — Дамиан, обещаю.

— Спасибо, — прошептал молодой человек и опять поцеловал меня.

После он сидел в кресле, а я на его коленях. Разум постепенно вернулся ко мне, и я попыталась встать, но господин лейтенант не позволил. Он прижался щекой к моему плечу, перебирал мои распущенные волосы, и это было так чудесно и волнительно...

— Скажи мне, зачем приходил к тебе граф? — заговорила я. — Мне важно это знать.

Дамиан досадливо поморщился, но после того как я надела на него, все-таки сдался.

— Он просил меня отступить, — неохотно отозвался молодой человек. — Явился перед обедом, убеждал, что я тебе не пара и ты достойна лучшего. Если он имел в виду себя, то я ему не поверил.

— Онорат не угрожал тебе поединком? — осторожно спросила я.

Дамиан рассмеялся, уткнувшись мне в плечо лбом.

— Что смешного? — рассердилась я.

— Я не дерусь с детьми, — ответил господин Литин, успокаиваясь.

— Он старше тебя, — возмутилась я.

— Не в годах дело, — усмехнулся Дамиан. — Я могу сойтись с равным мне противником. Граф мне сильно уступает. Нет, я бы даже не считал бесчестьем отказ от поединка с ним.

— Хорошо, — серьезно кивнула я. — Пусть так и будет.

Уходил Дамиан незадолго до рассвета. Это была одна из самых счастливых ночей в моей жизни, наполненная шепотом мужских признаний и поцелуями, доселе неведомыми мне.

— Помни, ты обещала, — сказал Дамиан на прощанье. — Я буду спешить, как смогу, только дождись!

— Я дождусь, — обещала я.

— Люблю тебя, милая бабочка, — он вновь поцеловал меня, осторожно выглянул на

улицу и перелез через подоконник. — И об этом не забывай, обещаешь?

— Обещаю, — кивнула я, испуганно глядя на высоту моего окна.

— Скажи, что я небезразличен тебе, — потребовал мужчина.

— Ты ведь все уже понял, — смущенно улыбнулась я.

— Скажи.

— Небезразличен, — едва слышно прошептала я.

Он тут же вернулся в комнату, в который раз за эту ночь целуя меня. Мои губы припухли и горели, но я снова ответила ему.

— Добрых снов, нежная моя, — прошептал Дамиан в последний раз и выбрался из окна.

— Легкой дороги, — ответила я, глядя, как он идет по карнизу.

Я так и следила за молодым человеком, пока он не достиг земли и не подхватил свой сюртук, спрятанный в кустах. После этого послал мне воздушный поцелуй и легко влез на ограду, тут же совсем исчезнув из поля моего зрения.

— Я обещаю, — повторила я, глядя на опустевший двор.

Кто же мог предсказать, что все изменится уже завтра...

На следующий день я проснулась неожиданно рано, всего через несколько часов после ухода Дамиана, но чувствовала себя бодрой и выспавшейся. То, что его уже нет в городе, я ощутила каким-то неведомым доселе чувством. Стало грустно, но воспоминания о том, что происходило в моей комнате, окрашивали щеки румянцем стыда. Однако счастье было настолько полным, что на стыд я почти не обращала внимания. Губы все еще горели от поцелуев, тело помнило тепло мужских рук, а слова, сказанные в ночной тишине, витали в комнате, проникали в душу, давая всходы надежды на счастье.

Когда я спустилась к завтраку, за столом сидел только папенька; матушка еще изволила поживать. Мне вдруг сделалось тревожно, не слышал ли кто происходившего в моей комнате, не назовет ли меня сейчас папенька распущенной особой и недостойной дочерью. Но мэтр Ламбер лишь широко улыбнулся и поцеловал меня в лоб, предлагая приступить к завтраку.

— Да, дитя, город не деревня, — произнес он, размазывая масло по свежее испеченной булочке. — Меня самого разбудил крик точильщика. Нужно запретить им ходить по улицам в такую рань. С птичьей трелью его вопли и равнять невозможно. А скрежет метлы по плитам тротуара?

— Вы слишком придирчивы, папенька, — улыбнулась я. — В городе нас не было всего несколько дней, а вы уже отвыкли от городского шума.

— Вот бы чаще бывать в таком славном месте, как поместье Онората, — мечтательно произнес мэтр Ламбер, и я нахмурилась, сообразив, к чему все эти жалобы.

— Вы можете купить нам такое же поместье, — произнесла я, тоже берясь за булочку.

— Твоя матушка не согласится жить в нем часто, а вот ежели б в гости...

— Снять дачу на месяц в предместье Льено, — внесла я другое предложение.

Папенька взглянул на меня исподлобья и ненадолго замолчал. Мы продолжали завтракать, когда мне принесли корзину с цветами. Я не спешила открывать записки, понимая, что это цветы от графа. Папенька некоторое время наблюдал за мной, после поерзал на стуле и пристально взглянул на меня.

— Тебе принесли цветы, — заметил он.

— Я вижу, папенька, — кивнула я, отпивая чай из любимой чашки тончайшего фарфора. — Мне каждое утро их доставляют.

— Должно быть, тому, кто присылает их, очень хочется сделать тебе приятное, — продолжал мэтр Ламбер. — Он, должно быть, и на большее готов ради тебя. Не это ли мечта всех девушек?

Я протянула руку и достала из корзины, которую горничная поставила на соседний стул, записку. Развернула, прочла — и руки дрогнули. Сердце затопила волна нежности, и на моих устах сама собой расцвела счастливая улыбка. Я ошиблась: цветы были от Дамиана.

«Уезжаю с мыслями о вас в голове и образом прекрасной бабочки в душе. Верю в то, что о скоротечности женской памяти все лгут».

Подписи не было, но она и не требовалась. Я прекрасно знала своего адресанта.

— Вот и улыбка, — довольно произнес папенька и встал из-за стола.

Он направился ко мне, и я тут же сложила записку, не желая показывать ее содержание мэтру Ламберу. Папенька вновь поцеловал меня и направился к выходу из столовой, когда Лили внесла вторую корзину. Мэтр Ламбер изумленно вздернул бровь и проследил за

женщиной. После вернулся и застыл, выжидающе глядя на меня. Я достала вторую записку. Она была от графа. Привычное пожелание доброго утра и еще несколько любезностей.

— Ты осталась равнодушна к посланию, — отметил папенька. — Тогда чье послание зажгло светом твои глазки? — он нахмурился. — Господина Литина? Ада, советую как следует подумать над своим будущим и быть благоразумной. Красивый муж принесет тебе лишь огорчения. К тому же военный и моряк. И, когда первая страсть схлынет, ты можешь начать жалеть о выборе, которое подсказало сердце, а не разум.

После этого папенька развернулся и покинул столовую, оставив меня расстроенную его словами. Отчего-то сомнений в Дамиане у меня не было, но папенька высказался так, как я сама ранее думала. Да и его неодобрение было неприятным. И все же это не стало поводом для сомнений. Тут же вспомнились слова Дамиана: «Черт возьми, Ада, вы красивая девушка и обещаете стать красивейшей из женщин. Женщины ветрены, и что мне думать о вас по вашим рассуждениям? Что однажды я могу обзавестись ветвистыми рогами, и на охоте меня пристрелят, потому что перепутают с оленем?» Это вызвало неожиданный смех, и осадок от папенькиных слов совсем растворился.

А вскоре в столовую вошла матушка. Она мазнула губами по моей щеке и упала на стул, с любопытством глядя на две корзины цветов, затем перевела взгляд на записку, которую я все еще держала в своей руке, и полюбопытствовала:

— И которая корзина от господина лейтенанта?

— Эта, — я указала на первую.

Матушка одобрительно хмыкнула и переключила внимание на горничную, которая принесла новый чайник с горячей водой. Пока мадам Ламбер не сунула нос в записку, я поспешила покинуть столовую.

— Прокатимся в городской сад? — спросила меня матушка, когда я уже дошла до дверей.

— С удовольствием, — ответила я и оставила ее одну, отправившись к себе.

Вскоре пришла Лили, таща обе корзины и ворча:

— Вот вам, мадемуазель, развлечения, а мне таскайся за вами. Могли бы и сами захватить, но нет, у вас же есть Лили, к чему утруждать свои ручки. А мне еще платишко вам погладить надо для прогулки. Вы, вон, с матушкой своей шасть в коляску и поехали, а Лили работай.

— Едемте с нами, — улыбнулась я.

— Вот еще! Некогда нам, простым людям, блажью вашей заниматься, — отмахнулась женщина. — Дел еще столько, а я тут дурью всякой маюсь. А нет чтобы сели, мадемуазель, да подушечку довышивали — гулять-то и в нашем саду можно.

— У вас дурное настроение, — поняла я.

— Зуб болит, — пожаловалась Лили. — Уж чего только не сделала.

— Я скажу матушке, мы отвезем вас к доктору Ариану, — решила я, и женщина поспешила к двери. — Лили, стыдно бояться...

Но дверь уже захлопнулась, и я негромко рассмеялась. Помогала мне одеться и причесаться горничная матушки, моя нянька пряталась где-то в доме, опасаясь высунуть нос. Нашла ее сама матушка, отчитала за малодушие и велела идти в коляску. Когда и мы с матушкой залезли в экипаж, наша Лили сидела, забившись в угол, и жалобно смотрела на меня, ожидая спасения.

— Лили, отчего эти страхи? — поморщилась матушка.

— Вам хорошо говорить, а у меня душа так и рвется наружу, как подумаю об этом докторе, — ответила женщина.

— У тебя от всякого доктора душа наружу рвется, — отмахнулась мадам Ламбер.

— Я буду с вами, Лили, — пообещала я.

— И за руку подержите, — тут же отозвалась она. Я кивнула. — И пожалеете.

— Непременно, — улыбнулась я.

Лили тяжело вздохнула и больше ничего не говорила. Лишь когда коляска подкатила к дому доктора Ариана, она издала горестный вздох и с мольбой посмотрела на матушку. Мадам Ламбер, подобно полководцу, поднялась в полный рост и указала зонтом, будто шпагой:

— Вперед!

Когда дело касалось чьего-то здоровья, жалость матушке была неведома. Она готова была костями лечь, но излечить болящего даже против его воли. Помнится, год назад приболел папенька. Он закрылся у себя в кабинете, пока мы с маменькой катались по городу, и сказался сильно занятым. Так мэтр Ламбер пытался спастись от заботливой супруги, настроив запретив прислуге говорить мадам Ламбер о его самочувствии.

Однако матушка почувствовала неладное, как только нам передали, что хозяин занят и просил его не беспокоить. Она притаилась под дверями и, как только услышала папенькино чихание, победно хмыкнула и удалилась. Бедный папенька, дремавший на диване, был разбужен громом сломанной двери, и в его кабинет вплыла матушка в сопровождении двух докторов и с микстурой в руках — отвратительной на вкус, стоит заметить. Несмотря на все старания мэтра Ламбера, его все-таки вылечили в принудительном порядке и под жестким контролем супруги. Больше папенька не прятался, осознав, что этим делу не поможешь, а за двери придется снова платить плотнику.

Лили выбралась из коляски, причитая и молясь Всевышнему. Я держала нашу страдалицу под руку, а матушка, выставив перед собой зонтик, шла позади нас, более всего напоминая конвойного. Так мы и появились в доме доктора Ариана. Нас встретила его ассистентка, мадам Дафур. Она сразу поняла, кто пациент, взяла бледную Лили под руку и потащила в сторону кабинета доктора. Лили вцепилась в меня; матушка, потрясая зонтиком, напутствовала женщину:

— Лили, душа моя, скоро ты сама будешь смеяться над своими страхами!

Доктор Ариан явился через несколько минут, когда Лили уже лежала на кушетке, все так же цепко держа меня за руку. Мужчина широко улыбнулся нам, а верней сказать, мне.

— Доброго дня, мадемуазель Ламбер, рад вновь видеть вас. Не могу не отметить, что вы становитесь всё краше день ото дня.

Доктор потянулся к моей руке, но его перехватила мощная длань Лили.

— Недопустимо, — гаркнула моя охранница и опять легла на кушетку, колотясь от крупной дрожи.

— Так-так, — произнес доктор, — а это мадемуазель Лили собственной персоной пожаловала в мои руки.

Он склонился над тазом, и мадам Дафур полила ему из кувшина на руки. После обтер их полотенцем и вернулся к нам с Лили. Доктор Ариан опять подмигнул мне и строго посмотрел на Лили.

— Откройте рот.

Женщина отчаянно замотала головой.

— Лили, вы меня знаете, я ведь и силу применить могу. Откройте рот, — все так же строго продолжал доктор.

— Откройте ротик, Лили, — попросила я, и она все-таки послушалась.

Доктор осмотрел пациентку и хмыкнул.

— Мне всё ясно. — Что же ему ясно, мужчина так и не озвучил. Он протянул руку и взял маленькие клещи. — Мадам Дафур, позовите Эдена, мне будет нужна его помощь. — Затем обратился к Лили: — Дорогая, да что же вы так трясетесь, я всё же не коновал, а врач, всё сделаем быстро, даже не сомневайтесь. И кушеточку оставьте в покое, вы мне ее в труху раскрошите.

Лили вцепилась в край кушетки; второй рукой она сжимала мою ладонь и смотрела на меня огромными от страха глазами. Я, выполняя свое обещание, гладила ее по волосам и уговаривала, что все будет хорошо. Когда появился Эден, превосходящий Лили в росте и ширине плеч, чем мог похвастаться не каждый мужчина, наша пациентка перестала трястись и кокетливо стрельнула в него глазками. Эден самодовольно подкрутил ус и подмигнул ей.

Лили посадили, Эден вцепился в плечи женщине, а доктор подступил с клещами. Я зажмурилась, страшась смотреть на операцию. Но господин Ариан был мастером своего дела, все кончилось быстро. Только вот рука моя отчаянно болела, когда женщина выпустила ее из крепкого захвата. Лили виновато посмотрела на меня, но быстро забыла и обо мне и о моей руке, устремив взгляд на Эдена. Тот хмыкнул и покинул кабинет.

— Ада, позвольте, я осматриваю вашу руку, — сказал доктор, но мне не хотелось здесь задерживаться.

— Благодарю, господин Ариан, но матушка уже заждалась нас, — ответила я с вежливой улыбкой.

— Жаль, крайне жаль, — покачал головой доктор Ариан, и мы с Лили покинули его кабинет.

Матушка оплатила названную доктором сумму, как только он показался следом за нами, и после этого мы втроем: я, матушка и Лили — вернулись в коляску, наконец отправляясь на прогулку в городской сад. Лили заметно оживилась, но пока еще не ворчала. Ей тоже нравились наши прогулки, но вредная женщина никогда не признавалась в этом. Однако мы с матушкой знали это и без признаний.

— Погодка сегодня приятная, — заметила матушка. — Будем надеяться на такую же приятную прогулку.

— Да, солнце не печет, пройтись по саду будет одно удовольствие, — согласилась я.

Городской сад был сегодня тих, что не могло не радовать. Мне не хотелось оказаться среди множества гуляющих. Но расстроилась матушка, три дня не участвовавшая в жизни Льено. Она уже хотела вернуться домой, но я упростила остаться. Мадам Ламбер раскрыла зонтик, уцепила меня под локоток, и мы двинулись по аллеям.

Городской сад всегда был одним из моих любимых мест в Льено. Он закрывался только ранней весной, пока не просохнут аллеи, и поздней осенью, пока не встанет лед на пруду, превращавшемся в большой каток, где мы с Эдит кружили, весело хохоча, под бдительным присмотром наших нянек. И всегда рядом носились близнецы Айсалино, веселившие нас разными выходками.

Я тяжело вздохнула. Эдит... Как бы мне хотелось, чтобы Дамиан не стал причиной нашей ссоры. Ведь я же не обижалась, что она скрыла от меня сговор родителей с семейством Литин. А ведь мы всегда делились друг с другом секретами.

— О чем думаешь? — спросила матушка, заметив, как на моем лице эмоции сменяют одна другую.

— Думаю об Эдит, — ответила я.

— А что о ней думать? — матушка усмехнулась. — Такая же врушка, как ее мать. Никогда не одобряла твою дружбу с младшей Матъес. И глазки у нее бегают, бр-р, даже мурашки по телу от этой семейки.

— Мне кажется, вы несправедливы к Эдит и ее семейству, — заметила я.

Мадам Ламбер хмыкнула и воинственно вздернула подбородок.

— А расскажу-ка я тебе о маменьке Эдит, — сказала она, и я обратилась в слух.

Мне всегда было интересно, отчего моя матушка недолюбливает маменьку Эдит. Я много раз слышала, что она вульгарная особа, но могла лишь согласиться с тем, что у нее нет вкуса по сравнению с мадам Ламбер. И все-таки женщина воспитанная, приветливая, и Эдит воспитана так же. Я никогда не могла пожаловаться на то, что мне стыдно рядом со своей подругой.

— Мы с Фостин тоже ведь когда-то дружили, — начала свой рассказ матушка, и я с удивлением взглянула на нее. — Да-да, дитя, не так долго, как вы с Эдит, но лет пять точно. Мы были близки, делились секретами, вместе гуляли, сплетничали, мечтали. Фостин тянулась ко мне, повторяя мои наряды, копируя мои привычки, советовалась. И когда мне стал оказывать знаки внимания Ансель Ламбер, я сразу же поспешила рассказать об этом Фостин. Она стала моей поверенной, всегда с интересом расспрашивала, и я делилась. А потом я узнала, что ее родители сговорились с родителями Анселя. По ее просьбе. Фостин заявила, что влюблена и что ей нужен мой мужчина. Представляешь? Это был удар, я ведь уже любила Анселя!

— И что же произошло потом? — с волнением спросила я.

— Как видишь, он стал твоим отцом, — самодовольно хмыкнула матушка. — Я не стала выяснять с ним отношений. С Фостин, как ты понимаешь, я прекратила дружбу в ту же минуту, как узнала о ее гнусности. А для твоего отца приготовила представление. На городском балу я принимала приглашения от кого угодно, только не от него. Я блистала и была самой красивой и веселой в тот вечер, подчеркивая, что меня вовсе не волнует то, что происходит в его семействе. Он несколько раз пытался со мной поговорить, но я все время находила повод не остаться с ним наедине. Он бродил за мной тенью, забыв о навязанной ему невесте. А когда бал подходил к концу, я сказала окружающим меня кавалерам, что выйду замуж за того, кто первым утром пришлет мне букет фиалок с запиской и своим именем. Твой отец стоял у нашего порога с букетом еще на рассвете, отгоняя прочих посланцев. — Матушка заливисто расхохоталась. — Я не сдалась сразу. Я его еще немного помучила. Каких только капризов он не выполнил за это время! Даже стыдно сейчас вспоминать, но вытерпел всё. А ты бы знала, как быстро он сумел организовать свадьбу, страшась, что я могу передумать! И я сдалась. А Фостин вышла за одного из моих бывших кавалеров. И здесь подобрала за мной.

Ухмылка матушки была далека от добродушной, но зато теперь мне стала ясна эта неприязнь к матери Эдит.

— Матушка, но ведь я теперь могу поступить, как она, разве нет? — спросила я, жадно ожидая услышать нужный мне ответ, который бы успокоил мою совесть.

— Ада, что за глупости?! — возмущенно воскликнула мадам Ламбер. — Где ты видишь аналогию? Ты у нее жениха не уводишь, он сам сделал свой выбор. И кстати, никогда и

ничего не обещал Эдит. Скорей наоборот. Я же видела, каким назойливым клещом эта девушка висела на бедном мальчике, как ее вульгарная маменька когда-то — на моем Анселе. Выбери сердцем, Ада. У меня были более выгодные варианты, чем твой отец. И мой папенька так же настаивал на серьезном молодом человеке с будущим. Однако я выбрала Ламбера — и посмотри, кто он теперь. Запомни, дитя, женщина делает своего мужчину, умная женщина. Глупая получает то, чем и владеет всю жизнь. Я любила твоего отца и хотела жить хорошо, а он хотел, чтобы мои желания исполнялись. Это заставило его думать и шевелиться. В конце концов, девочка моя, в нашем королевстве разводы имеют законную силу, а с твоим приданым и красотой всегда найдутся охотники взять в жены женщину в разводе.

— Что вы такое говорите, матушка, — возмутилась я. — Если уж и выходить замуж, то раз и навсегда, как у вас с папенькой.

— Так ведь никто и не говорит, что ты будешь несчастлива с Дамианом Литином. Мальчик к тебе равнодушен. Я бы взяла его, — весело закончила матушка и остановилась. — Едемте-ка домой, я ужасно проголодалась.

Ни у меня, ни тем более у Лили возражений не было, и мы направились на выход.

— Матушка, — у меня неожиданно выиграло любопытство, — а много ли букетов прислали вам утром?

— Я получила один, — ответила мадам Ламбер, — от твоего отца. А пятеро посыльных так и не донесли свои фиалки. Твой папенька отобрал их и изничтожил. О тех, кто желал заявить на меня права, я узнала позже из их возмущенных посланий.

— Однако вы пользовались популярностью, — улыбнулась я.

— Дитя мое, ежели бы ты позволила своему нраву взять над собой верх и была менее благоразумна, твои поклонники были бы смелей, — матушка щелкнула меня по носу. — А так только взглядами едят. Уж у меня-то глаз наметан.

— Точно-точно, и докторишка этот, — встряла Лили. — Тот еще кот — как сливки, всю мадемуазель глазищами облизал. Не болел бы зуб, я бы его в бараний рог свернула и на узел завязала.

— Вот, — указала матушка зонтиком на Лили, — слушай опытных женщин.

— Право слово, мне стыдно вас слушать, — возмутилась я.

Матушка рассмеялась, и я сердито отвернулась от нее и от улыбавшейся Лили. Хотя, не буду скрывать, услышать, что на меня обращают внимание, было приятно. Но углубляться в это не хотелось, сразу становилось стыдно и казалось, что я распущенная. Тем временем коляска подкатила к дому. Кучер соскочил на землю, открыл дверцу и помог нам выйти. Матушка скользнула рукой по его плечу, и мужчина расплылся в улыбке, низко поклонился и повез коляску к конюшне.

Когда мы пообедали, я отправилась в наш сад. Хотелось побыть в одиночестве. В моей книге лежали все записки из цветов Дамиана, а также его стихи, которые мне уже не нужно было читать, потому что я помнила их наизусть, но хотелось именно читать, словно это он сам мне написал их на листе бумаги. Да и его книга была со мной. Это глупо, я знаю, но мне казалось, что я найду здесь еще послания.

Однако открыла только лист со стихотворением, да так и осталась сидеть, мечтательно улыбаясь, вновь переживая эту ночь. За моими мечтами меня застала горничная, сообщившая, что пришел граф Набарро. Я досадливо поморщилась, пряча лист со стихотворением.

— Он знает, что мы дома? — спросила я. — Ах, да, вы же пошли доложить, конечно, мы дома. — Я обреченно вздохнула. — Просите.

Девушка удалилась, но вскоре вернулась в сопровождении его светлости. Онорат улыбнулся, увидев меня. Я поднялась со скамьи и ответила ему вежливой улыбкой. Граф прижался губами к моей руке, чуть задержав ее в своей. Я была вынуждена отвести взгляд — так пристально и испытующе смотрел на меня молодой человек.

— Вы прелестны, Ада, — наконец сказал он.

— Благодарю вас, Онорат, — ответила я. — Рада и вас видеть в добром здравии. Надеюсь, вы уладили ваши дела? — тон, которым я это сказала, вышел несколько ядовитым. Но граф, кажется, ничего не заметил.

— Благодарю за заботу, очаровательная, все разрешилось наилучшим образом, — сказал мужчина с улыбкой.

Я присела и указала графу на место подле себя. Он тут же воспользовался моим приглашением и попытался завладеть рукой, но я сцепила пальцы в замок и сжала руки коленями. Это была некрасивая поза, так благородные девушки не сидели, но мне не хотелось, чтобы Онорат прикасался ко мне, не хотелось, чтобы это привело к очередному объяснению, на которое я не смогу ответить. Более того, следовало дать понять, что чаяния мужчины лишены смысла, и я больше не хочу и не могу принимать его ухаживаний.

Кажется, Онорат это понял и без слов. Лицо его помрачнело. Молодой человек устался себе под ноги, сжал пальцами край скамьи и так застыл, не говоря ни слова. Я тоже молчала, не зная, как поступить. Сказаться больной и уйти было совсем уж хамством, и я осталась рядом.

Наконец граф поднялся со скамьи, и мне на мгновение показалось, что он уйдет, но Онорат вновь сел, развернувшись вполоборота ко мне, его ладонь легла мне на плечо, и я готова была застонать от бессилия.

— Ада, я так напугал вас? — с отчаянием спросил он. — Я был как в огне, сам не понимал, что говорю и делаю. Вы не простите меня, так ведь? Ада, что мне сделать, чтобы вы забыли мое непозволительное поведение и те гадкие слова, что сорвались с моего языка? Умоляю, не отвергайте меня, Ада...

У него был такой беспомощный и обреченный взгляд, а в голосе звучало настолько искреннее раскаяние, что мой язык так и не повернулся сказать, что выбор уже сделан.

— Успокойтесь, Онорат, я уже почти забыла, — ответила я и сама взяла его за руку.

— Ах, Ада, — граф тут же завладел моей ладонью и горячо сжал ее. — Скажите, что мне сделать, и я сделаю это!

Я уже открыла рот, чтобы остановить его, когда вновь появилась горничная.

— Мадемуазель, ваша подруга просит принять ее, — сказала девушка, и я почувствовала, как мое сердце тревожно забилося. Но не принять ее я не могла. Возможно, при графе она постесняется выговаривать мне гадости. А может, все повернется так, что мне не придется уже объясняться с его светлостью, и он сам все поймет.

Однако Эдит не стала дожидаться приглашения. Она ворвалась в сад следом за горничной и сразу направилась ко мне. Лицо ее пылало, глаза лихорадочно блестели, и все это очень встревожило меня.

— Ада, как ты могла?! — вскричала она, еще не успев дойти до нас с графом. — Ты же мне клялась!

Онорат поднялся со скамьи и загородил меня собой.

— Добрый день, мадемуазель... Матъес, кажется? — произнес он. — Вы находитесь в чужом доме, умерьте тон.

— Ах, ваша светлость, — воскликнула моя подруга — кажется, уже бывшая. — Кого вы пытаетесь защищать? Я столько лет считала Адалаис своей подругой, а она оказалась вертихвосткой, которая крутила пашни с моим женихом за моей спиной! И за вашей, кстати, тоже.

— Эдит! — я в негодовании вскочила со скамьи и вышла из-за Онората. — Сейчас же забери свои слова обратно и извинись! Я ни разу не нарушила данного тебе слова.

— Да? — истерично выкрикнула она. — И потому Дамиан разорвал помолвку?

— Насколько мне известно, помолвки еще даже не было, — ответила я и тут же пожалела об этом, потому что Эдит подошла к скамейке и упала на нее, закрыв лицо ладонями. Плечи ее вздрогнули, и послышался звук рыданий. — Эдит...

Я беспомощно вздохнула и села рядом с ней, обняв подругу за плечи.

— Зачем он тебе? — расслышала я сквозь рыдания. — За тобой же ухаживает дворянин. — Эдит вскинула на меня зареванное лицо и схватила за руки. — За тобой ухаживает дворянин, Ада, зачем тебе Дамиан? Отступишь! Откажи ему, и он вернется ко мне, прошу тебя! Если ты все еще моя подруга, я умоляю — не уничтожай меня, не топчи мою душу. Я на волосок от гибели, Ада! Если ты не отступишься, я наложу на себя руки. Я не шучу! — снова вскричала она и вскочила на ноги. — Я который день не в себе, я на грани, Ада.

Эдит вдруг упала на колени, вновь схватила меня за руки и начала целовать их. Я еле вырвала ладони и обняла ее за плечи. Жалость разрывала мне сердце, тревога за подругу ранила душу. Сочувствие затопило меня.

— Эдит, дорогая, встань, — попросила я.

— Нет, — она отчаянно замотала головой. — Не встану, Ада, пока ты не дашь мне клятву. Откажись! Или я умру сегодня же ночью, и моя смерть будет на твоей совести.

Я подняла беспомощный взгляд на графа, но он теперь не вмешивался, только взгляд его стал каким-то странным, приобретя лихорадочный блеск. Онорат нервно тер подбородок и кусал губы. В нем я не нашла поддержки и вновь посмотрела на Эдит.

— Ада, Ада! Спаси меня, умоляю, — воскликнула вновь моя подруга. — У меня и снотворное есть. Я выпью его столько, что утром уже не проснусь. Ты слышишь меня? Если ты не откажешься от Дамиана, я умру!

И силы оставили меня. Я вдруг так ясно увидела мертвую Эдит, что захотелось схватиться за голову и завывать. О, Всевышний, она ведь и правда это сделает, она же сейчас безумна. Но... Но если я скажу то, что она просит... И вновь перед моим внутренним взором встала мертвая девушка. Как я смогу жить и быть счастливой, если на моей совести будет ее смерть? Ох, Всевышний.

— Хорошо, Эдит, — я опустила голову и ответила едва слышно. — Я откажу Дамиану, если он будет свататься. — Мой голос сорвался, но я все же расслышала, как прерывисто выдохнул граф.

— Докажи! — воскликнула Эдит. — Докажи, чтобы я была уверена!

На моих устах появилась горькая усмешка. Я знала только один способ доказать. Обернувшись к молодому человеку, я произнесла:

— Онорат, я принимаю ваше предложение и стану вашей женой.

Слезы побежали по моим щекам, но я заставила себя успокоиться. К тому же в сад

вышла матушка, она осмотрела всех нас и стремительно приблизилась.

— Что здесь происходит? — гневно спросила она.

— Торжество справедливости, — ответила Эдит, забыв поздороваться и с хозяйкой дома. — Я удовлетворена, — сказала она уже мне и направилась прочь из нашего дома.

— Я спрашиваю: что происходит? — повторила матушка.

— Я дала согласие господину графу, — пролепетала я и опустилась на скамью, почувствовав, как кружится моя голова.

— Что?! — воскликнула матушка. — Ада! Я требую подробностей! К тому же, — она неожиданно успокоилась, — это не оглашенная помолвка...

— Нет, — я покачала головой. — Я не возьму назад своего слова. Онорат?

— Да? — глухо спросил его светлость.

— Мы могли бы пожениться как можно быстрее? — рыдания рвали мою грудь, но я все еще могла сдерживаться.

— Месяц? — предположил молодой человек.

— Быстрее, — попросила я, опасаясь, что Дамиан успеет вернуться.

— Если свадьба будет слишком поспешна, могут пойти сплетни, что тому есть причина, — мягко возразил он. — Три недели?

— Хорошо, пусть так, — кивнула я и встала. Ноги дрожали, и я вновь упала на скамейку.

— Ада, — матушка снова попробовала призвать меня, но я лишь устало покачала головой. — После поговорим, — произнесла она и удалилась, но до меня успело долететь: — Чертова Матъес, прости, Всевышний.

Онорат некоторое время стоял, глядя на меня. После сел рядом и взял меня за руку; противиться у меня не было сил, да и к чему? Это ведь теперь мой жених. Я горько усмехнулась, и смешок смешался со всхлипом.

— Ада, — граф говорил тихо и тускло, — я знаю, что это согласие у вас вырвали, но я не буду столь благороден, чтобы отказаться от неожиданного счастья, пусть оно мне досталось и таким путем. Пройдет время, и вы привыкнете ко мне, а я всё сделаю, чтобы вы были счастливы. Клянусь вам.

Я посмотрела на него невидящим взглядом, после кивнула и поднялась на ноги.

— Мне нужно к себе в комнату, Онорат, я неважно себя чувствую, — почти шепотом сказала я. — Поговорим с вами позже. Не провожайте меня.

Он не настаивал, и я удалилась в дом. После поднялась к себе в комнату, добрела до кровати и упала на нее, дав наконец свободу рыданиям, давившим грудь.

— Прости, — простонала я, разрывая лист со стихотворением. — Я не сдержала слова... Прощай.

А еще час назад я была счастлива... Еще час назад я витала в облаках и думала, что сумею дождаться возвращения того, к кому стремилась моя душа. И что осталось?

— Ада! — матушка распахнула двери и стояла на пороге моей комнаты, сверля меня возмущенным взглядом. Но, увидев мою истерику, она смягчилась и быстро подошла ко мне. Присела на кровать и обняла. — Дитя, нет ничего непоправимого, успокойся и расскажи, что у вас там произошло.

Мне было не остановить рыданий, и ответить матушке я не смогла. Мадам Ламбер поднялась с моей постели и ушла, но вскоре вернулась с нюхательной солью. Лили прибежала со стаканом воды, и сообщая они привели меня в чувство. Успокоившись немного, я рассказала матушке обо всем произошедшем в саду, и она пришла в негодование.

— Дитя, какого черта! Прости, Всевышний, — матушка легонько шлепнула себя по губам. — Эта маленькая мартышка в коленках слаба, чтобы наложить на себя руки! Не из того она теста. Ты же не можешь не понимать, что она всего лишь добивалась того, чтобы ты отказалась от мужчины, который ей не достался. Дамиан никогда не женится на ней, и она это прекрасно знает. А граф, граф-то каков! Воспользовался моментом! — Матушка обняла меня за плечи. — Зачем ты приняла его лично? Должна была велеть подняться в гостиную и позвать меня. Туда бы явилась и Эдит, а уж я бы ее взапой из дома выкинула! Будет она еще шантажи устраивать в моем доме, — матушка топнула ногой. — Она даже подлей своей мамашки. Свадьбы не будет!

— Будет, — я печально улыбнулась. — Покончит с собой Эдит или же нет, я проверять не буду. Готовьтесь к свадьбе, матушка.

— Ада!

— У меня нет сил на споры, матушка. Позвольте мне остаться в одиночестве, — попросила я и вернулась на кровать, откуда меня перевели на кресло.

Матушка некоторое время еще стояла надо мной, но после удалилась, оставив Лили приглядывать. Когда вернулся папенька и узнал обо всем, он сказал лишь:

— Жаль, что все так повернулось, но оно и к лучшему.

И началась подготовка к свадьбе.

Дни стали серы и безрадостны. Я перестала наслаждаться жизнью, равнодушно относясь ко всему происходящему. Граф приезжал ежедневно, что-то говорил, рассказывал, привозил подарки и цветы. Мы отправлялись в городской сад на прогулки, в театр, в оперу. Мы появлялись на людях. Я вежливо улыбалась, показывая на лице спокойствие и оставляя в душе свои настоящие чувства. На нас сыпались поздравления с помолвкой, их я тоже принимала с приклеенной к губам улыбкой. Что думал Онорат, мне неизвестно; должно быть, был счастлив, потому что его улыбка выглядела совершенно искренней.

Папенька взял на себя заботы по подготовке к свадьбе, потому что матушка взбунтовалась и не участвовала в хлопотах, но лишь до тех пор, пока не привезли мое свадебное платье.

— Это что за страсть! — воскликнула она, заглянув в мою комнату, куда пришла портниха. — У меня сейчас сердечный приступ случится. Снимите ЭТО, снимите и не тревожьте моего чувства прекрасного.

После этого она изгнала из нашего дома оскорбленную портниху, взяла меня за руку и повезла к мадам Фотен.

— Только Фло может сотворить шедевр, — сказала она. — Но знай, я это делаю только из одного желания — чтобы Льено сдох от зависти, глядя на мою дочь. Прости, Всевышний.

— Возможно, для Льено уже достаточно потрясений, — с тусклой улыбкой ответила я, и матушка фыркнула.

Говоря это, я имела в виду скандал, который устроила мадам Ламбер на следующий день после того, как я дала свое согласие. Никому и ничего не сказав, она взяла Лили и уехала, поручив меня заботам своей горничной. Лишь после мы узнали о представлении, устроенном матушкой подле дома Матьес.

— Господа, прошу вас остановиться на мгновение и выслушать меня, — так начала свою речь матушка, подкатив на коляске к дому Эдит и встав в ней в полный рост. — Знакомо ли вам сострадание и жалость? Ежели да, то вы не пройдете мимо этого дома, где живет бедная, покинутая женихом девушка. Знаете ли вы, господа, что маленькая Эдит Матьес на грани самоубийства и более не верит в жизнь и благородство мужчин? Способны ли вы пройти мимо чужой беды?

Пока мадам Ламбер вещала все это, размахивая своим зонтиком, как шпагой, вокруг ее коляски собирались люди. Они с интересом слушали мою матушку, все более сгущавшую краски. Далее развернулось и вовсе немислимое.

— У девушки так мало приданого, что она не верит в лучшее, господа! Скинемся! Я, Дульчина Ламбер, преисполнившись жалости, готова дать сто санталов! Присоединяйтесь, господа, кто больше? Не оставим страждущую в беде. Ну же, господа, дамы, где ваше сострадание?!

— Даю пятьдесят санталов! — веселый выкрик какого-то мужчины взорвал тишину, воцарившуюся на улице. — Для несчастной, на нужды.

— Я даю двадцать!

— Я двести, для обездоленной не жалко!

И волна благотворительности покатила по улице, вовлекая все новых и новых лиц. Но матушке этого было мало.

— Господа, смотрите, уже приличная сумма набирается; быть может, найдется добрая душа, которая возьмет в жены Эдит Матъес?! Ну же, мужчины! Она молода, хороша собой, умна, но не оценена и не имеет большого приданого, так мы с вами соберем. Кто же возьмет в жены столь привлекательный цветок?

Из дома выбежала мадам Матъес, за ней горничные и привратник, но их встретила Лили, не давая подойти к матушке. А мадам Ламбер продолжала покорять красноречием жителей Льено. Прослышав о зрелище, сюда уже стекались люди с прилегающих улиц.

— Покажите невесту! — выкрикнул кто-то. — Негоже соглашаться на товар, не видя его!

— Разумная мысль, сударь, — обрадовалась матушка. — Фостин, предьяви уважаемым господам дочь.

— Дульчина, прекрати немедленно нас позорить! — кричала мадам Матъес.

— Я вас облагодетельствовала, — возразила матушка. — Не далее как вчера Эдит грозилась на себя руки наложить, так я вас спасаю от утраты. Господа! Давайте дружно попросим сюда мадемуазель Эдит!

— Я ее знаю, ничего такая курочка, — выкрикнул один из рабочих. — Можно узнать точную сумму приданого?

— Одно мгновение, любезный, сейчас все подсчитаем, — заверила матушка.

— Дульчина, иди и продай свою дочь! — закричала Фостин Матъес.

— Моя дочь выходит замуж за графа Набарро, — расхохоталась мадам Ламбер. — На ее руку охотников много, включая и бросившего вас жениха. А кто сватается к вам, Фостин? Господа, точная сумма приданого бедняжки...

— Довольно! — Эдит вышла из дверей своего дома. — Мое приданое...

— А вот и она, господа, встречайте! — возликовала мадам Ламбер. — Только помните, Эдит слегка не в себе. Ведь всем известно, кто готов наложить на себя руки. Но сострадание и собранное приданое, вкупе с ее собственным, закроют вам глаза на сей недостаток. Кто готов рискнуть и связаться с девушкой, которую подводит здравый смысл? Решать вам, господа. Лили, — матушка вручила ей собранные деньги, — передай бедняжке. Возможно, это облегчит ее страдания. Если не на свадьбу, то на лечение. И да пошлет Всевышний Эдит Матъес здравого смысла и совести. Возможно, даже подкинет хоть какого-нибудь жениха.

Лили гордо прошествовала к Эдит, вручила ей шляпку с деньгами и вернулась в коляску.

— Благодарю за внимание, — провозгласила матушка. — Выбор за вами, господа. Трогай.

Мадам Ламбер, довольная собой, вернулась домой. А семейство Матъес покинуло город в тот же день, сбежав от мгновенно вспыхнувших сплетен и пересудов до тех пор, пока страсти не улягутся. Меня все это даже не задело. С Эдит я больше никаких отношений поддерживать не хотела, она мне стала неприятна. А что касается матушки, то она поступила согласно своему характеру, у меня ее смелости нет. А вот папенька матушку отчитал, но она только фыркнула; на том все и успокоилось.

А время шло. Дамиан не объявлялся, и никаких вестей от него не было. Меня это радовало, потому что смотреть ему в глаза было совестно. Да и больно. Совершеннейшая глупость, но мои чувства к господину королевскому лейтенанту только крепили день ото дня. И чем ближе была свадьба с графом, тем тяжелей мне становилось. Надежды на то, что со временем мне станет легче, развеялись как дым, когда до свадьбы осталось три дня. Я безнадежно болела этим красивым, но далеким от меня мужчиной.

На последнюю примерку платья я ехала, как на эшафот. Матушка мрачно взирала на мои

страдания. Твердить, что все еще можно изменить, она устала еще неделю назад, потому что я в своем упрямстве закрылась, как улитка в раковине, отдавая себя на заклятие. Глупая жертвенность, но так я наказывала себя за то, что не разглядела раньше своей подруги и позволила ей манипулировать собой. К тому же, кроме матушкиных слов, иных подтверждений намерений господина Литина я не имела — только то, что он сказал в памятную ночь, о которой я теперь старалась забыть.

Мадам Фотен встретила нас, раскрыв объятия. Матушка тут же включилась в их привычную игру, позабыв печали. Я же молча позволила облачить меня в подвенечное платье, красота которого была неоспорима, но не радовала меня. Всего три дня — и оно станет моими оковами. Три дня — и я перестану существовать как Адалаис Ламбер. Исчезнет беззаботная девушка, и появится графиня Набарро, на плечи которой лягут обязательства. И первая брачная ночь... Всевышний! Я боялась думать о ней. Ранее смущалась, а теперь просто боялась, понимая, что на ложе со мной взойдет мужчина, на которого мне тягостно было даже смотреть.

— Не я первая, не я последняя, — прошептала я, кусая губы.

— Что ты там шепчешь? — спросила матушка, прекратив споры с мадам Фотен.

— Ничего, матушка, вам показалось, — ответила я.

Приладив к моей голове вуаль, обе дамы сложили руки и восхищенно ахнули.

— Ангел, чистый ангел, — умилилась мадам Фотен.

— А достанется не пойми кому, — проворчала матушка.

— Граф — достойный человек, матушка, — тускло ответила я и стянула с головы вуаль.

Мне помогли снять подвенечный наряд, после облачили в мое собственное платье, и матушка махнула рукой.

— Иди хоть на шляпки посмотри, мне надо с Фло еще кое-что обсудить.

Мадам Фотен важно кивнула, и меня выставили из примерочной комнаты. Я спустилась вниз. Девушка, стоявшая за прилавком, куда-то вышла, и я занялась рассмотриванием товара. Когда за спиной звякнул колокольчик, я отошла подальше, чтобы не мешать покупателю, и остановила свой взгляд на готовых шляпках. Мысли бежали по заведенному кругу, и это злило. Я попыталась сосредоточиться на шляпке небесно-голубого цвета. Подошла ближе и протянула руку, трогая украшавший ее букетик.

— Даже неживые цветы притягивают бабочек, — услышала я. — Бабочки так легко позволяют себя обмануть даже подделкой.

Резко развернувшись, я охнула, и мир поплыл перед моими глазами.

— Дамиан, — простонала я, и он успел подхватить меня прежде, чем я осела на пол.

Господин королевский лейтенант поднял меня на руки и отнес к стулу, стоявшему рядом со столом, на котором обычно лежали эскизы платьев и другой одежды.

— Эй, кто-нибудь, принесите воды! — крикнул он, тревожно глядя на меня. — Меня слышат? Ада, — позвал молодой человек, но я была способна лишь хватать ртом воздух, — да что с тобой? Я эту лавку разнесу ко всем чертям, если сейчас же кто-нибудь не объявится! — в сердцах выкрикнул Дамиан, обмахивая меня каким-то эскизом со стола.

Из недр лавки выбежала девушка и тут же скрылась вновь, но вернулась через минуту, неся стакан с водой. Господин Литин отобрал у нее стакан и поднес мне. Но я оттолкнула его, продолжая задыхаться. И тогда Дамиан набрал в рот воды и прыснул на меня. Я оторопело заморгала, глубоко вдохнула и перевела на него взгляд.

— Ну слава Всевышнему, — удовлетворенно сказал молодой человек, достал из кармана

платок и принялся осторожно обтирать мне лицо. — Что же ты у меня такая впечатлительная, бабочка? — с доброй улыбкой спросил он. — Это всего лишь я, а не чудовище из морских глубин.

— Это действительно ты, — прошептала я, порывисто обнимая его лицо ладонями. — Дамиан...

Девушка, служившая мадам Фотен, вновь исчезла, и мы остались одни. Дамиан оторвал от своего лица мои ладони и теперь целовал их, а я была на самом краю преисподней.

— Дамиан, — испуганно воскликнула я, отнимая у него свои ладони, — зачем ты здесь? Господин Литин...

Я поднялась со стула и отошла от него, нервно теребя манжет своего платья. Дамиан распрямылся следом за мной и теперь пристально следил за моими метаниями. Его взгляд сжигал мою больную душу дотла, но не хватало сил остановиться и посмотреть в глаза господина лейтенанта.

— Дамиан, я не сдержала слова, я не дождалась тебя, — наконец выпалила я. — Через три дня я выхожу замуж.

— Я все знаю, — спокойно ответил молодой человек. — Из-за этого я бросил все дела и примчался сюда.

— Но откуда? — я обернулась. — Ах, да, твои родители...

— Нет, — он улыбнулся и отрицательно покачал головой. — Твоя матушка.

— Что?! — я потрясенно смотрела на Дамиана.

— Ей бы полком командовать, — усмехнулся он. — Не женщина, а таран. Я готов перед ней преклонить колени в знак моего вечного уважения. Если бы не ее письмо, я бы приехал через несколько недель и нашел здесь только разбитое сердце. Ада, — молодой человек подошел ко мне. — Я здесь — и этому спектаклю конец. Я сам объяснюсь с графом.

— Нет! — воскликнула я, отшатнувшись от него в ужасе.

Дамиан нахмурился и теперь глядел на меня исподлобья.

— Объяснись, — потребовал он.

Что я могла объяснить? Что я запуталась? Что папенька и граф столько денег потратили на эту свадьбу, что мне даже страшно подумать о том, что она отменится и папенька будет зол на меня? Или что мой отказ ляжет позором на голову его светлости и моих родителей? А может, о том, как мне стыдно перед самым Дамианом и я не верю, что он сможет простить мое вероломство и не припомнить его мне после?

— Я дала слово, — потерянно прошептала я.

— Мне ты его дала раньше, — жестко ответил господин Литин.

— Помолвка уже оглашена...

— Помолвка может быть расторгнута, — последовал немедленный ответ.

— Ты никогда не простишь мне...

— Тогда почему я здесь? — Дамиан улыбнулся и шагнул ко мне. — Глупенькая бабочка, я тебя не отпущу; неужто ты думала, что я шучу?

Я опустила голову, придя в окончательное смятение. И в этот момент открылась дверь в лавку.

— Ада? — я подняла голову и за пеленой слез не смогла рассмотреть графа Набарро.

Он стремительно приблизился к нам с Дамианом и оттеснил меня, закрыв собой.

— Милостивый государь, потрудитесь держаться подальше от чужой невесты, — холодно произнес он.

— Могу адресовать вам то же требование, — голос господина лейтенанта был сух, но в нем угадывалась насмешка.

Обстановка накалялась. Мужчины буравили друг друга воинственными взглядами, и нужно было что-то делать, пока не случилось взрыва. Мне вспомнились слова графа о поединке. Дамиан на это сказал, что не примет вызова, но сейчас в это верилось менее всего.

— Господин Литин, если вы не оставите вашей настойчивости, я буду вынужден принять меры, — угрожающе произнес Онорат.

— Всегда к вашим услугам, — уже не скрывая насмешки, ответил Дамиан, и я больше не могла медлить.

Я вышла вперед, взяла за руку господина королевского лейтенанта и посмотрела ему в глаза.

— Поздно, Дамиан, — прошептала я. — Ничего уже не изменить. Простите меня, если сможете, и прощайте. Онорат, — я обернулась к графу, — уведите меня отсюда.

— С удовольствием, — ответил он, взял меня за руку и повел к выходу.

— Это мы еще посмотрим, — услышала я слова Дамиана.

Я была благодарна ему, что он ничего не предпринял и не привлек к нам внимания. Но то, что он сказал, встревожило меня, и я решила до свадьбы дом не покидать, чтобы не столкнуться где-нибудь с господином лейтенантом. На Онората я не смотрела, а он молчал, и за это я тоже была благодарна.

Матушка вышла после нас. Она уселась в коляску, кивнула графу и сердито посмотрела на меня. Ее взгляд я тоже проигнорировала. Вот и всё, я сделала выбор, пути назад нет. С этой минуты я окончательно приняла свой отказ от господина Литина.

Ночью я закрыла окно на щеколду, опасаясь неожиданных визитов, но уснуть не могла, продолжая прислушиваться, и ждала. Наконец не выдержала и задернула шторы; но уже через пять минут перед моим внутренним взором предстала картина, что Дамиан стоит на узком карнизе, срывается и падает вниз, а я сплю здесь за закрытыми шторами.

Я подскочила с кровати и бросилась обратно к окну, распахнула шторы и открыла настежь рамы. Затем выглянула вниз и вздохнула с облегчением. Никакого тела на земле не было. Постояв так немного и проветрив лицо и мысли, я ушла в гостевую спальню, так и не закрыв рам. Если уж придет, то хотя бы не сорвется в тщетных попытках попасть в комнату.

В гостевой спальне я неожиданно быстро провалилась в сон, хотя думала, что буду прислушиваться всю ночь к звукам, нарушавшим тишину. Сны мне снились тревожные, и встала я с головной болью. К тому же в доме поднялась суета, когда обнаружили распахнутое окно в моей спальне и мое в ней отсутствие. Поднялись беготня и крики, разбудившие меня. Когда я выбралась из гостевой комнаты, первая, кто бросилась ко мне, была Лили. Женщина сдавила меня в медвежьих объятьях и оглушила причитаниями:

— Дитяtko наше, нашлась!

— Где? Где моя дочь? — прибежала на ее крики матушка. — Ада, несносное дитя, где ты была?!

— В гостевой спальне, а что случилось? — изумилась я.

— Она еще спрашивает! — возмутилась матушка, отнимая меня у Лили. — Как мы должны были отреагировать на твое исчезновение? Лили утром зашла к тебе, постель пуста, окно распахнуто. От рева этой женщины даже хрусталь полопался, не то что мои нервы. Зачем ты спала в гостевой спальне?

— В своей мне не спалось, — ответила я, досадуя, что из-за меня случился переполох.

— Это всё нервы, — заявила матушка. — То ли будет дальше, когда будешь ложиться в постель с графом...

— Матушка! — возмущенно воскликнула я. — Я не желаю обсуждать с вами эти вещи!

— Тут обсуждай не обсуждай, а спать ты будешь с графом, и уже послезавтра. Вот представь...

— Матушка!

Я развернулась и бросилась в свою комнату, закрыв уши ладонями. Матушка превзошла саму себя! Мое возмущение не знало предела. Такие разговоры, это же ужас! Но уже в комнате я тяжело осела на кресло и уставилась на свои руки. Но ведь от этой данности не уйти, и то, что так нервирует меня, все ближе... А может, сказать, что у меня женские недомогания? Ох, я просто не смогу выдать из себя такое, и значит...

— Ада, — матушка заглянула ко мне в комнату, — жду тебя на завтраке.

— Я скоро буду, матушка, — ответила я, поднимаясь с кресла.

Проследив за тем, как я направляюсь в умывальную комнату, матушка закрыла дверь и удалилась. Вскоре появилась Лили. Она помогла мне с волосами, на удивление молча и горестно вздыхая.

— Что с вами, Лили? — спросила я.

— Да как же? Ведь вижу, как вы мучаетесь и матушки не слушаете, а она дело говорит. И зачем себя терзаете? — ответила она.

— И вы туда же! — возмутилась я и направилась в столовую.

Матушка сидела с газетой в руках, закинув ногу на ногу, и потягивала чай. Она косо взглянула на меня из-за газеты и вернулась к своему занятию. Я заняла свое место и принялась за омлет. Аппетита не было вовсе. Головная боль все усиливалась, и я сидела, ковыряясь вилкой в омлете, пытаюсь отогнать невеселые мысли.

— Я вот понять не могу, — заговорила мадам Ламбер, — как же люди могут сами себе жизнь портить?

— Матушка, сколько можно? — я откинула вилку и взялась за чай.

— Что, дитя? — она недоуменно подняла брови. — Вот, смотри сама. В Андалийском герцогстве беспорядки. Работники на винограднике устроили драку с управляющим, обвинив того в удержании жалованья. И что теперь? Работы нет, испортили лозу, штраф хозяину за ущерб... А жалованье просто в дороге задержалось. Его и удержали в счет долга. Вот так-то. Я и говорю, умеют же люди, не подумав, себя несчастными сделать.

— Я думала, вы обо мне, — немного ворчливо ответила я.

— А что о тебе? Ты ведь знаешь, что тебе хорошо, — невозмутимо сказала мадам Ламбер. — Вчера сам Дамиан тебе сказал о том, что его намерения прежние, а ты опять за свое.

Чашка с шумом опустилась на блюдце, расплескав чай. Я с негодованием посмотрела на матушку.

— Зачем вы писали ему? Как вы вообще узнали, где его искать? — зло спросила я.

— Кто хочет, тот найдет не только лейтенанта королевского флота, — все так же невозмутимо ответила она. — Ежели ты себе яму роешь, так хоть я тебе веревку скину, чтобы могла уцепиться и выбраться. Кто, ежели не родная мать?

— Вы только всё усложнили! — я вскочила из-за стола.

— Нет, дорогая, усложняешь ты. Я нахожу простые пути решения твоих проблем, — матушка отложила газету и насмешливо посмотрела на меня. — Тебе ведь в тягость брак с

графом.

— Помнится, вы радели за него, — ответила я, вновь падая на стул.

— Так то когда было. Я же видела, что ты ему по сердцу пришлась. Но тебе он не приглянулся, потому я и не настаивала, когда твой папенька графу отказал от дома. А теперь появился тот, к кому ты равнодушна. Так к чему рвать себе душу?

— Никто не может утверждать, что я буду с ним несчастна.

— Пф, — фыркнула матушка.

— Или непременно счастлива с Дамианом, — я прикрыла глаза и потерла виски.

— Пф, — вновь фыркнула мадам Ламбер.

— А если любовь пройдет быстро?

— Три раза пф, — пренебрежительно отмахнулась она. — Я наводила о нем справки, лейтенант Литин описывается как целеустремленный, не способный к предательству человек.

— Ах, матушка, вы так хлопчете за Дамиана — так берите его себе, — от головной боли я уже плохо понимала, что говорю.

Мадам Ламбер откинулась на спинку стула.

— Никак не могу, дитя, — спокойно ответила она. — Вот была бы я в твоих летах, да свободная, и этот мужчина мне был бы нужен — можешь не сомневаться, я бы его уже получила. Но я стара для него, у меня есть твой папенька, и я все еще люблю его, хоть он и отрастил свои ужасные усы. Однако я знаю, что Дамиан Литин нужен тебе, и я несу его тебе на блюдечке. И где благодарность? — мой стон отвлек матушку от рассуждений. — Что с тобой? Голова? Ох, Ада-Ада, даже в мелочах ты себе жизнь усложняешь.

Матушка поднялась с места и покинула столовую. Она вернулась со своим излюбленным настоем от головной боли. Накапав в ложку, мадам Ламбер влила мне это в рот и вновь покинула столовую, не говоря более ни слова. Я подошла к окну и распахнула его, подставляя лицо ветерку. Стало легче, а вскоре подействовали и матушкины капли. Головная боль отступила, даря отдохновение и даже добавляя немного благодушия.

Вскоре матушка собралась на прогулку. Я отказалась ехать с ней, опасаясь очередного свидания с Дамианом. Мадам Ламбер не настаивала. Она оставила меня на попечение Лили и укатила. Я же велела говорить всем, кто будет спрашивать меня, включая графа, что меня нет дома. Мне хотелось провести последние дни свободы в одиночестве. На Онората я еще успею насмотреться и послушаться его рассказов. А сейчас я лучше займусь вышивкой, чтением, музицированием — чем угодно, лишь бы отвлечься и не думать.

После обеда доставили мое подвенечное платье. Я равнодушно посмотрела на коробку и вернулась к прерванному занятию. Лили покинула комнату, также не открыв коробки и не повесив платье на вешалку. Матушка еще не вернулась — должно быть, заехала к кому-то из своих подруг, там и отобедала. Лили появилась где-то через час. Она собрала несколько моих платьев, чтобы освежить после долгого висения в шкафу. Мне надоели ее мельтешения, и я ушла с вышивкой в сад.

Накрапывал дождь, и я спряталась в беседку. Но теперь меня начали терзать подозрения, что в саду может оказаться незваный гость, и я начала вздрагивать от всякого шороха.

— Да что же это такое! — рассердилась я. — Этак я и вовсе разума лишусь. Нужно попросить у матушки успокоительных капелек.

Я еле заставила себя углубиться в работу. Но матушка права, мои нервы определенно не в порядке. К вечеру я немного успокоилась. За ужином папенька был оживлен, обсуждая

завтрашний обед, на который съедутся дамы из нашего круга, чтобы поздравить меня и вручить подарки. Я тихо застонала: на торжественный обед я была совершенно не настроена и даже забыла о нем.

Матушка мне более нотаций не читала, и я ей была за это благодарна. Она вела неспешный разговор с папенькой, обсуждая блюда для обеда и увеселения, которые подготовила для гостей, не привлекая меня. И это было хорошо. Я доела и поднялась из-за стола.

— Ада, Онорат говорил, что несколько раз сегодня заходил, но не застал тебя дома, — обратился ко мне мэтр Ламбер.

— Я не хотела никого видеть, — честно ответила я. — Прошу позволения уйти в свою комнату.

— Почему? — папенька нахмурился. — Ты ведь не передумала?

— За два дня не отменяют свадеб, папенька, — усмехнулась я. — Нет, я выйду замуж за его светлость, вы можете быть спокойны.

— Это очень хорошо, — кивнул папенька. — Сейчас тебе, возможно, тяжело. Но пройдет время, и ты поймешь, что сделала правильный выбор. Тогда ты мне еще спасибо скажешь.

— Ах, что же это я своего папеньку не послушалась, а вышла за тебя, несносный усач? — передернула плечами матушка. — И была бы наша дочь Доран, и отец бы ее наверняка не пытался стать Всевышним. Зря я свое сердце послушалась.

— Да этот Доран — жалкий неудачник! — возмутился папенька. — Ты все правильно рассудила... Э-э, иди, дочь.

— Благодарю, папенька, — присела я в книксене и направилась к двери.

— Жаль, что у нашей дочери не мой характер, — услышала я.

— У нашей дочери твой характер, но, хвала Всевышнему, моя рассудительность, — проворчал папенька. — А теперь о Доране...

Я закрыла дверь и разговора дальше не слышала. А ночью опять смотрела на окно, даже открыла его, но побоялась покинуть комнату, памятуя об утреннем переполохе. Не знаю, что я чувствовала, засыпая, — наверное, надежду, — но мой ночной гость меня так и не навестил, как не пытался увидеться за весь прошедший день. Не прислал ни записки, ни письма, ни нового шифра.

— Это хороший знак, — уговаривала я себя утром. — Так и должно быть. Он разумный человек и внял мне.

Но ненужное разочарование не покидало. Это злило, и я ворчала полдня на всех, включая матушку. Лишь к обеду мне удалось взять себя в руки, и гостей я встречала с каменным спокойствием на лице и вежливой улыбкой. Приехала и матушка Онората. Графиня с интересом осмотрела наш дом, похвалив его, и с явным любопытством наблюдала за нашими порядками. В высшем свете таких посиделок перед свадьбой не устраивали.

Дамы прибывали, они целовали матушку и меня, вручали подарки, которые тут же забирала Лили, и проходили в гостиную. Встретив последнюю гостью, мы с матушкой и графиней, оставшейся с нами, направились к гостям.

— Ада, ты просто прелестна, — наперебой хвалили меня дамы.

— А какая будешь хозяйка!

— Этот аристократ отхватил лакомую ягодку...

— Ох, и жаркую ночку он тебе устроит...

Это все входило в традицию, и я продолжала улыбаться, кивая, иногда даже посмеиваясь, но неизменно смущаясь, чем и пользовалась, чтобы спрятать глаза и покусанные едва не в кровь губы. Графиня Набарро не участвовала в этих шутках, но слушала с интересом, искренне веселясь. Матушка отвечала за меня — кажется, развлекаясь даже больше приглашенных дам.

Потом был обед, бесконечные разговоры о тех, кого не было на нашем приеме, о моде и о мужчинах. О них тоже полагалось говорить, чтобы девушка успела узнать, какие они еще бывают, кроме ее будущего мужа. Это бесконечное проживание чужих жизней окончательно вымотало меня, и петь для гостей я оказалась не в силах. И вновь меня выручила матушка, тем более ее голос был несравнимо лучше моего. А потом они пели дуэтом с графиней, снискав всеобщее восхищение.

После дамы удумали играть в шарады, затем в фанты, после обсуждали роман, который в начале лета у меня отнимала матушка. Мне казалось, что прием никогда не закончится. Уже давно стемнело, а нас покинули всего несколько гостей. Наверное, и папенька уже скоро должен был вернуться. Мэтр Ламбер сказал, что в этом «курятнике» ему не место, потому он найдет себе более интересное занятие, чем сидеть за закрытыми дверями.

Я уже начала прятать зевки, когда дамы засобирались. Мы с матушкой вышли проводить их на улицу. Наши гости благодарили за чудный день, вновь желали мне счастья и расходились по экипажам. Дольше всех задержалась графиня Набарро. Она взяла меня за руки и тепло улыбнулась:

— Я рада, что мой сын не послушался меня и настоял на своем решении. Вы чудесная девушка, Ада, и я буду счастлива завтра прижать вас к груди как свою дочь.

— Благодарю, ваша светлость, для меня честь стать вам дочерью, — пролепетала я, не решаясь взглянуть ей в глаза.

Наконец, распрощавшись со мной и с матушкой, графиня села в карету.

— Хорошо-о, — блаженно потянулась матушка. — Теплый вечер, звезды такие ясные, романтика. Только папенька твой где-то загулял. Ох, уж я и устрою ему, гуляке усатому.

Я улыбнулась и хотела вернуться в дом, когда услышала, как недалеко мяукнул котенок. Мадам Ламбер всплеснула руками.

— Ах, какой хорошенький, — пропела она. — Подожди, маленький, я тебе поесть вынесу.

Она ушла в дом, а я присела на корточки и позвала милого зверька. Он прижался к ограде нашего особняка и жалобно мяукал.

— Глупенький, — улыбнулась я и направилась к нему.

Котенок мяукал и смотрел на меня испуганными глазами, но подходить не решался. Нагнувшись, я подняла его и прижала к груди. Котенок вцепился в меня лапками. Я негромко рассмеялась, пытаясь удержать его, потому что испуганное животное полезло мне на шею. Позади остановился экипаж, кто-то открыл дверцу — и я развернулась, спеша приветствовать папеньку.

— Я поймал тебя, бабочка, — донеслось до моего слуха, и меня утянули в карету.

Экипаж сорвался с места.

Оторопь... Нет, ее не было, но меня сковало от изумления; просто не верилось, что меня похитили. Дамиан все так же прижимал меня к себе и улыбался, должно быть, ожидая моей благодарности. А в моей голове на невероятной скорости одна картина сменяла другую. Я видела испуганную матушку, мечущуюся по улице и зовущую меня. Папеньку, нервно вышагивающего по полицейскому участку и требующего моего немедленного розыска. И графа, взбегающего по ступеням храма и узнающего, что невеста сбежала за ночь до свадьбы.

Позор! На наш дом, на дом графа Набарро. Сплетни, которые злые языки раздуют до таких размеров, что я могу забыть о возвращении в эту же минуту. Всевышний...

— Ада, — позвал меня Дамиан. — Наконец-то мы вместе, ты теперь будешь счастлива.

Я кивнула, все еще не находя слов для ответа. Рука моя опустилась за спину, выпуская на сиденье злосчастного котенка. Пальцы нащупали уголок подушки, одной из тех, что были разложены на сиденьях для удобства, сами сжались, и я, забыв себя, со всей силы ударила Дамиана по его счастливому улыбающемуся лицу.

В карете повисла тишина. Господин королевский лейтенант открыл рот, да так и замер, изумленно моргая. Моя ярость не удовлетворилась подобным исходом, и я замахнулась еще раз, но сейчас молодой человек увернулся и метнулся на противоположное сиденье.

— Ада! Ты что?! — воскликнул Дамиан, но я лишь крепче сжала свое оружие.

Не помню себя такой воинственной, но сейчас мне хотелось придушить господина королевского лейтенанта собственными руками! Я кинулась следом, но Дамиан вновь увернулся и оказался напротив меня. Сообразив, что мне его не настичь, я швырнула в него подушкой. Подхватила следующую и запустила следом.

— Мадемуазель Ламбер, — вскрикнул господин Литин, отбивая мой снаряд, — опомнитесь!

Но, несмотря на слова, глаза его весело блестели, и это вовсе вывело меня из себя. Неужели можно быть таким твердолобым, чтобы не понять последствий своего легкомысленного поступка?! Подхватив последнюю подушку, я вновь метнулась к Дамиану, но мою руку с импровизированным «снарядом» заломили за спину, и сама я оказалась лежащей на сиденье. Надо мной навис господин королевский лейтенант, уже не скрывая смеха.

— Я вас изничтожу, — искренне пообещала я.

— И за кого тогда замуж пойдешь? — спросил наглец. — За графа не получится.

— Другого жениха найду, — заявила я, пытаюсь освободиться. — С моим-то приданым — и не найти? — Я с вызовом усмехнулась.

— На папенькины деньги купить мужа вознамерились, Адалаис? — все так же весело спросил молодой человек.

— Вы хам! — воскликнула я и размахнулась освободившейся рукой, но ее снова перехватили.

И вместо достойного ответа мой рот оказался закрыт поцелуем. Ярость еще не до конца покинула меня, я замычала, выражая протест, который так же не возымел действия. И силы вдруг покинули меня. Рука бессильной плетью упала вниз, и мое сопротивление утонуло в нежности Дамиана.

Когда он оторвался от меня, глаза его затуманились, и в лунном свете, заливавшем

карету, он казался еще красивей, если такое вообще было возможно. Я задохнулась, глядя на мужчину, только что погубившего меня и мою репутацию, сделавшего несчастными разом всю мою семью и семейство графов Набарро. Эта мысль отрезвила, и я болезненно ущипнула его.

— Ай, — вскрикнул Дамиан и перехватил обе мои руки, сжав их в своих ладонях. — И что за диверсии, любезная моя?

— Неужели ты не понимаешь, что натворил?! — воскликнула я. — Что теперь будет со мной и моими родными? А с графом?

Дамиан выпрямился, садясь и увлекая меня за собой.

— Граф пусть сам о себе думает и ищет утешения, — проворчал он, доставая что-то из кармана. — Держите, разгневанная моя, — усмехнулся господин лейтенант, протягивая мне конверт.

Мое сердце отчего-то замерло, но я вскрыла послание и уставилась на единственное слово, размашисто написанное матушкиной рукою: «Благословляю». Впрочем, ниже, более мелко, был добавлен постскрипtum: «Отца беру на себя. И не вздумай вернуться домой девицею Ламбер, я тебе дверей не открою. Люблю, твоя заботливая мать». Мой изумленный взгляд устремился на Дамиана.

— Матушка? — потрясенно спросила я. — Она это все организовала?!

— Приняла участие, — улыбнулся господин Литин. — Вчера она приехала ко мне и потребовала отчета в том, что я намереваюсь делать. Я видел единственную возможность — выкрасть тебя по дороге в церковь. Мадам Ламбер сказала о сегодняшнем обеде. Ее предложение оказалось более разумным. В веренице других карет моя не бросалась в глаза и могла простоять под вашим домом до назначенного часа. А вчера Лили принесла мне твои вещи, чтобы подготовить багаж. Моя теща — святая женщина, — рассмеялся Дамиан.

[Купить полную версию книги](#)